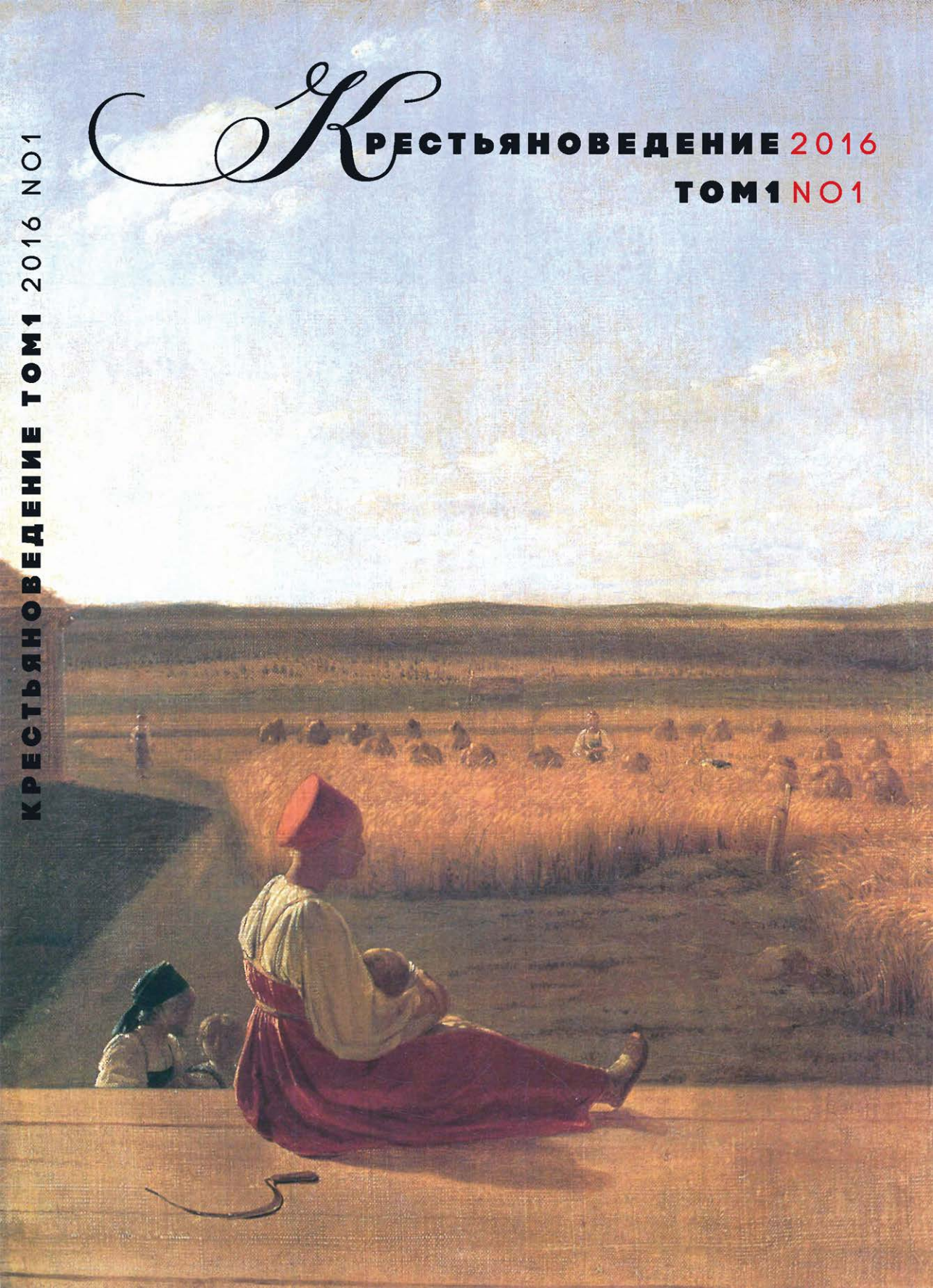


КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 1 2016 NO 1

*СК*

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2016

ТОМ 1 NO 1



# КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2016 ТОМ 1 NО1

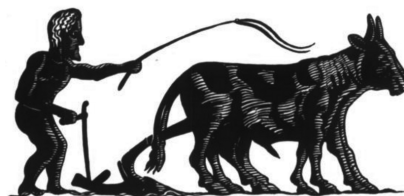
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте  
Российской Федерации  
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой  
по надзору в сфере связи, информационных  
технологий и массовых коммуникаций  
Регистрационный номер  
ПИ № ФС77-65824  
от 27.05.2016



#### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС  
И. А. Кузнецов, РАНХиГС  
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС  
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ  
И. В. Троцук, РУДН, РАНХиГС

#### РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова  
В. В. Бабашкин, РАНХиГС  
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)  
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)  
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)  
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова  
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)  
А. В. Гордон, ИНИОН РАН  
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН  
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН  
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС  
В. А. Мау, РАНХиГС  
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)  
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)  
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)  
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН  
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ  
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова  
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)  
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)  
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)  
В. Я. Узун, РАНХиГС  
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН  
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)  
Н. И. Шагайда, РАНХиГС  
Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания)  
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

#### АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003  
Телефон: +7-499-956-95-56  
Web: <http://peasantstudies.ru>

#### УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР Л. Королева; дизайн, верстка: Издательский дом «Дело»,  
РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;  
картина «На жатве. Лето», А. Г. Венецианов (сер. 1820-х гг., холст, масло,  
60 × 48,3 см, Государственная Третьяковская галерея, Москва).

© Авторы статей, 2016  
© РАНХиГС, 2016

## Содержание

От редакции . . . . . 6

### Теория

*Бернштейн Г.* Политическая экономия аграрных изменений . . . . . 8

*Домников С. Д.* Формы жизни и ландшафты культуры . . . . . 38

### История

Современное крестьяноведение и аграрная история России  
в XX веке. Круглый стол . . . . . 68

*Ильиных В. А.* Звезда и смерть сибирского травополя . . . . . 93

### Современность

*Wegren S.* Household Inequality and Village Discord: Towards  
a Post-Socialist Moral Economy . . . . . 122

*Копотева И. В.* Гражданское общество и гражданская актив-  
ность сельской России . . . . . 142

### Архив

*Савинова Т. А.* «...Дело все кончится тем, что я предпочту  
Саратов...» (публикация писем Н. И. Вавилова) . . . . . 167

### Рецензии

*Кузнецов И. А.* Приключения государственного капитализма  
в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической  
концепции) . . . . . 171

*Куракин А. А.* Складываются ли уклады на селе? . . . . . 180

### Научная жизнь

*Никулин А. М.* Третий международный коллоквиум  
«Глобальная аграрная политика, контроль за изменением  
климата, социальная справедливость: взаимосвязи и вызовы» . . . . . 187

# Russian peasant studies

Vol. 1. 2016. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

## EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

I. A. Kuznetsov, RANEPA

A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA

M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE

I. V. Trotsuk, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

## ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University

V. V. Babashkin, RANEPA

S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)

K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)

S. Wegren, Southern Methodist University (USA)

V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics

O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)

A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences

V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

E. N. Krylatykh, RANEPA

V. A. Mau, RANEPA

S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)

P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)

S. Merl, University of Bielefeld (Germany)

T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences

R. M. Nureev, HSE

A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science

J. A. Pisano, New York University (USA)

J. Pallot, University of Oxford (UK)

J. C. Scott, Yale University (USA)

V. Ya. Uzun, RANEPA

O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

N. I. Shagaida, RANEPA

T. Shanin, University of Manchester (UK)

S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

## CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

## FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

## TABLE OF CONTENTS

Editor's foreword . . . . . 6

### THEORY

*Bernstein H.* Political economy of agrarian change . . . . . 8

*Domnikov S.* Forms of life and landscapes of culture . . . . . 38

### HISTORY

Contemporary Peasant Studies, and agrarian history of Russia in  
the XX century. Round table . . . . . 68

*I'inykh V.* The star and death of Siberian grassland farming . . . . . 93

### THE PRESENT TIME

*Wegren S.* Household inequality and village discord: Towards  
a post-socialist moral economy . . . . . 122

*Kopoteva I.* Civil society and civic engagement in rural Russia . . . . . 142

### ARCHIVES

*Savinova T.* "...The case will be over by me preferring Saratov..."  
(two letters of N. I. Vavilov) . . . . . 167

### REVIEWS

*Kuznetsov I.* Adventures of state capitalism in the Soviet  
agriculture (about one historical theory) . . . . . 171

*Kurakin A.* Are social and economic structures developing in  
the village? 180

### SCIENTIFIC LIFE

*Nikulin A.* Third International Colloquium "Global  
governance/politics, climate justice & agrarian/social justice:  
linkages and challenges" . . . . . 187

## От редакции

Журнал «Крестьяноведение» — естественный преемник ежегодника «Крестьяноведение», первый номер которого был опубликован в 1996 году под редакцией двух выдающихся ученых-аграрников — Виктора Данилова и Теодора Шанина. Ежегодник издавался на базе Центра крестьяноведения и аграрных реформ Интерцентра и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Он появился в свет в разгар постсоветских аграрных реформ, еще не утихших надежд и разочарований перестройки, в центре которой, безусловно, находились вопросы истории и современности сельской России, судеб крестьянства XX века.

Перед ежегодником «Крестьяноведение» стоял ряд задач, прежде всего возвращение в современную науку интеллектуального наследия российских ученых-крестьяноведов начала XX века, чьи жизни и работы оказались забыты из-за трагических событий войн, революций, репрессий, кульминацией которых стала советская коллективизация. Безусловно, центральной задачей ежегодника была интеграция советских и постсоветских аграрных исследований в мировую аграрную науку через публикацию переводов классических и современных российских международных крестьяноведческих исследований. В целом ежегодник стремился ознакомить читателей с новейшими и оригинальными работами российских и зарубежных ученых, посвященными междисциплинарному исследованию и осмыслению форм и направлений аграрного развития России и мира.

Структура ежегодника «Крестьяноведения»: теория, история, современность, научная жизнь — комплексно и многомерно отражала работу ученых разных специальностей — историков, экономистов, социологов, антропологов, географов, культурологов, политологов — всех тех, кто занимался и занимается изучением сельских миров в их прошлом, настоящем и будущем.

Не всегда «Крестьяноведению» удавалось выдерживать ежегодный ритм. С 1996 по 2005 год было опубликовано только пять выпусков. Среди них, пожалуй, необходимо особо отметить «Рефлексивное крестьяноведение» 2002 года, содержащее избранные методические и аналитические материалы полевых социологических исследований 1990-х годов Центра крестьяноведения МВШСЭН. Уникальные историко-социологические материалы содержит и «Крестьяноведение» 2005 года, посвященное памяти его первого редактора В. П. Данилова.

С 2011 года «Крестьяноведение» стало ежегодно издаваться Центром аграрных исследований РАНХиГС, стремившимся сохранить

и развить традиции Виктора Данилова и Теодора Шанина, их коллег и учеников.

В результате за прошедшие 20 лет ежегоднику «Крестьяноведение» удалось создать вокруг себя уникальную академическую сеть российских и зарубежных аграрных исследователей, осуществивших ряд широкомасштабных междисциплинарных аграрных проектов. Материалы «Крестьяноведения» послужили основой для ряда учебных курсов, читаемых в настоящее время в нескольких университетах Российской Федерации.

Впрочем, ежегодник, несмотря на свое название, никогда не замыкался исключительно на крестьяноведческой проблематике, фактически являясь междисциплинарным аграрным изданием, в котором освещались ход российских и зарубежных аграрных реформ, проблемы сельского развития крупного и мелкого аграрного производства, рыночной и многоукладной экономики, инноваций в агробизнесе, сельского местного самоуправления и расселения, сельско-городской миграции, неформальной аграрной экономики, сельские биографические истории, междисциплинарные методы аграрных исследований.

При этом центральной, наиболее дискуссионной темой оставалось переосмысление понятий «крестьянство» и «крестьяне» в условиях современного мира. Широко распространенное скептически рационалистическое мнение нашего времени гласит, что проблематика крестьянства, безусловно чрезвычайно актуальная в прошлом, к концу XX века сходит на нет, исчезая под напором «всеобщего прогресса», представленного в сельской сфере экспансией индустриального агробизнеса. Следовательно, всерьез вести разговор о значении крестьянства в современном мире — это удел по преимуществу консервативных романтиков и радикальных утопистов.

Полемику вокруг фатального ухода крестьянства с путей социального развития в России и мире, но также, возможно, появления второго дыхания и новых перспектив все же многочисленных крестьянских и родственных им разнообразных сельских и даже городских социальных слоев населения, таких как фермеры, сельскохозяйственные рабочие, дачники, искатели альтернатив развития сельского образа жизни, собирается продолжать уже наш журнал «Крестьяноведение». Впрочем, так же как и рассматривать новейшие направления сельской эволюции, связанные с аграрными вызовами современности, развитие новых агро- и биотехнологий, перспективы культурной трансформации сельской местности, интенсификации сельско-городских миграций.

Теперь уже в ежеквартальном режиме академического журнала «Крестьяноведение» будет стремиться объективно и оперативно анализировать пути российского и зарубежного сельского развития, приглашая к широкомасштабному сотрудничеству исследователей-аграрников разных научных дисциплин.



## Политическая экономия аграрных изменений<sup>1</sup>

Г. Бернштейн

*Генри Бернштейн*, профессор Школы восточных и африканских исследований в Университете Лондона, адъюнкт-профессор Колледжа гуманитарных наук и исследований социального развития в Китайском сельскохозяйственном университете Пекина. Соредактор журнала «Аграрные трансформации». Thornhaugh Street, Russell Square, London WC1H 0XG, United Kingdom. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk.

*Ирина Троцук*, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

По мнению автора, понимание аграрных трансформаций в современном мире требует анализа капитализма как особой системы социальных отношений между капиталом и трудом, которая по мере исторического развития меняет социальную природу мелких крестьянских хозяйств, запускает процессы коммодификации и порождает не единый «класс» крестьян или глав семейных хозяйств, а внутренне неоднородные классы мелких сельскохозяйственных капиталистов, мелких товаропроизводителей и наемных работников. Автор ставит перед собой сложную задачу — используя категориальный аппарат классовой теории Маркса о капиталистическом способе производства, внести упорядоченность в многообразные и сложные аграрные истории современного мира, обозначив ряд «общих тем» во всемирно-исторической карьере капитализма и отказавшись тем самым от простых и идеологически привлекательных морализаторских историй о крестьянском мире и его исчезновении. В статье обозначена общая логика исторических взаимосвязей колониализма и капитализма, породивших масштабные аграрные трансформации на всех континентах; выделены локальные и глобальные тенденции в развитии земледелия и сельского хозяйства; дана характеристика новых форм организации мировой капиталистической системы, возникших под влиянием неолиберальной глобализации; показана роль сопротивления капиталистической эксплуатации и земельной реформе в развитии современного агропромышленного комплекса.

*Ключевые слова:* политическая экономия; аграрные трансформации; капитализм; колониализм; класс капиталистов; класс мелких товаропроизводителей; класс наемных работников; теория Маркса.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-8-37

1. Данная статья представляет собой сокращенный перевод книги Г. Бернштейна «Роль классов в аграрной истории»: она стала первой работой в серии «маленьких книг о больших идеях» в сфере аграрных преобразований, которая была инициирована С. М. Боррасом. Русское издание книги Бернштейна в настоящее время готовится к публикации.

Понимание аграрных трансформаций в современном мире требует анализа капитализма и логики его развития. Под капитализмом я понимаю систему производства и воспроизводства, фундаментом которой являются особые социальные отношения между капиталом и трудом: капитал эксплуатирует труд в погоне за прибылью и накоплением, а труд вынужден работать на капитал, чтобы добыть средства пропитания.

По мере развития капитализма меняется и социальная природа мелких крестьянских хозяйств. Во-первых, крестьяне превращаются в мелких товаропроизводителей, которые в целях выживания вынуждены интегрироваться в систему общественного разделения труда и рыночных отношений: «омодификация натурального хозяйства» — главная движущая сила капиталистического развития. Во-вторых, мелкие товаропроизводители подвержены классовой дифференциации — ее результатом стало формирование не единого класса крестьян или глав семейных хозяйств, а внутренне неоднородных классов мелких сельскохозяйственных капиталистов, относительно успешных мелких товаропроизводителей и наемных работников.

Тот факт, что Маркс проанализировал капиталистический способ производства на примере промышленного капитализма на северо-западе Европы, оставляет простор для интерпретаций и споров об истории капитализма до современной индустриализации и с момента его описания Марксом, в частности о том, как капитализм развивался в преимущественно аграрных обществах до индустриализации и каким образом промышленный капитализм определял логику аграрных трансформаций. Моя цель — используя понятия теории Маркса о капиталистическом способе производства, внести некоторую упорядоченность в многообразные и сложные аграрные истории современного мира. Я хочу обозначить ряд общих тем во всемирно-исторической карьере капитализма и соединить их с теми «сложными вариациями», которые соткали из этих общих тем частные аграрные истории. Я хочу предложить читателю темы и инструменты для размышлений, а не рассказывать несколько простых морализаторских историй, которые можно счесть идеологически привлекательными (скажем, что малое прекрасно, а большое уродливо, что крестьяне и семейные фермы добродетельны, а корпоративное сельское хозяйство порочно).

### **Производство, производительность и воспроизводство**

Первоначальное и общее определение производства состоит в том, что это процесс приложения труда для изменения природы и создания необходимых и достаточных условий для человеческой жизни.

Труд предполагает активных субъектов (*агентов*) с целями, знаниями, навыками и энергией, которая и делает их производителями. Поскольку они осуществляют свою деятельность в природных условиях, то в процессе труда изменяют те экосистемы, в которых живут и неотъемлемой частью которых являются.

Ключевым понятием, связанным с процессом производства и основополагающим для обеспечения человеческого благополучия с точки зрения создания необходимых условий жизни, является *производительность*. Ее различные трактовки отражают результаты разных способов производства в их соотношении с другими формами трудовой деятельности. Производительность измеряется количеством товаров, произведенных за счет заданного количества конкретных ресурсов. Так, в сельском хозяйстве один из показателей производительности земли — урожай, собранный с единицы площади земли; другой показатель производительности — какой урожай может получить производитель с помощью определенных затрат труда. В значительной степени производительность труда зависит от используемого оборудования и технологий, однако разные трактовки и показатели производительности могут противоречить друг другу, например иногда ставится вопрос, не следует ли в определенных обстоятельствах считать урожайность (производительность земли) более релевантным индикатором, чем производительность труда.

Иной аспект производительности — качество труда, то есть какие усилия нужны для решения конкретных задач. Если усилий оказывается недостаточно, то это негативно сказывается на производительности: например, если крестьянин не умеет эффективно использовать какой-то инструмент — будь то мотыга, запряженный волком плуг либо трактор или он не может выполнять тяжелую сельскохозяйственную работу в Африке или Индии из-за плохого питания и недостаточного уровня здравоохранения, то результатом будет бедность.

Еще один фактор производительности в сельском хозяйстве — сырье, предоставляемое природными условиями, которые крайне вариативны и могут использоваться с разной степенью эффективности — сохраняться, разрушаться или улучшаться. Производительность зависит от плодородия почвы, которое можно ухудшать, поддерживать или повышать, применяя органические и химические удобрения и разные типы земледелия; сортов и качества семян и возможностей его улучшить; запасов воды и их эффективного использования, включая учет непредсказуемости осадков в зонах богарного земледелия (принципиально отличного от орошаемого земледелия).

Рассмотренные аспекты производства и производительности — это *технические условия* сельского хозяйства. Однако сельскохозяйственная деятельность вовлекает своих участников и в социальные отношения; здесь важны инструменты и материалы труда, включая землю, права на урожай и т. д., — это *социальные условия*

производства, то есть отношения между людьми, которые определяют, как организована сельскохозяйственная деятельность, в том числе и с технической точки зрения. Они отвечают за *общественное разделение труда* между производителями разных товаров и услуг, деятельность которых взаимосвязана, а отношения формируются в процессе обмена продуктами труда.

По мере усложнения общественное разделение труда делает доступным все возрастающее разнообразие товаров и услуг на все увеличивающихся географических пространствах благодаря развитию транспортного сообщения и коммуникаций. И чем выше техническое разделение труда, тем более сложного социального взаимодействия оно требует. Кооперация может увеличить производительность труда даже в тех крестьянских хозяйствах, которые применяют простейшие орудия, аналогичные мотыге, обеспечивая экономию усилий за счет совместного строительства общих сельскохозяйственных помещений, гарантируя «эффект комплементарности», то есть «введения индивидуального труда в процесс, который имеет смысл лишь как единое целое» (рытье ирригационных каналов или строительство заграждений для защиты посевов), и временной эффект, то есть концентрацию усилий на выполнении работ, которые необходимо закончить в ограниченное время (например, сезонных) (von Freyhold, 1979: 22–25).

Техническое разделение труда влияет на производительность только при наличии соответствующей социальной организации; все, что делает отдельный производитель или работник, не может быть воспринято в отрыве от деятельности других. По сути, мы расширили определение технических условий труда, акцентируя внимание на агентах трудовой деятельности. То, что Маркс назвал производительными силами, включает в себя не только технологию и техническую культуру, но и способность людей организовываться для принятия решений о производстве, претворения их в жизнь, введения инноваций — всего того, что зависит от социальных условий производства.

Различные элементы производства также должны быть произведены. Даже земля, будучи по сути своей «даром» природы, изменяется по мере того, как люди ее обрабатывают, — ее плодородие может ухудшаться, сохраняться или повышаться. Постоянное воссоздание условий для сельского хозяйства и других видов человеческой деятельности — это «*воспроизводство*» орудий труда (земли, инструмента, семян, скота), нынешних и будущих поколений производителей, социальных отношений внутри данной группы и в обществе в целом. Существует *фонд потребления* для удовлетворения насущных и ежедневных потребностей в еде (жилище, покое и др.), и *запасный фонд* — для восстановления таких ресурсов, как сельскохозяйственный инвентарь, семена и удобрения. На протяжении большей части истории всю нагрузку по воспроизводству ресурсов брало на себя крестьянское домохозяйство.

Еще один тип ресурсов — *церемониальный фонд*, или доля результатов трудовой деятельности, используемая для создания и воссоздания культур и социальных отношений внутри сельских сообществ. Один пример — ритуалы и обряды перед началом посевных работ, празднества после сбора урожая; другой пример — коллективные празднования «обрядов перехода» (рождения, заключения брака, постройки дома для новой семьи) и коллективный траур.

Фонд потребления, запасный и церемониальный фонды всегда существуют в обществах, сосредоточенных на удовлетворении потребностей и действий их членов по «выживанию» и не характеризующихся резкой социальной дифференциацией, за исключением гендерных и поколенческих различий. Но как только мы обращаемся к четвертому и последнему типу претензий на результаты труда — *фонду ренты*, то оказываемся в ином формате социального взаимодействия.

Для создания запасного и церемониального фондов необходимы излишки продукции — объемы, превышающие затраты на потребление. Данное правило работает для всех типов обществ, которые можно разделить на три категории по критерию эволюционного следования друг за другом. Первую группу обществ справедливо назвать выживающими — они воспроизводят себя на том же уровне потребления (и, как правило, численности населения), что, впрочем, не означает, что эти общества считали себя бедными. Оседлое хозяйство сформировалось благодаря одомашниванию растений и животных и породило фонд аренды и следующий исторический тип обществ — *аграрных*, развитие которых сопровождалось ростом численности и плотности населения, формированием правящих классов, государства, городов и городской культуры.

Фонд ренты — платежи, которые крестьяне должны выплачивать тем, кто не занимается сельским хозяйством. Это могут быть землевладельцы, которые получают натуральную ренту (часть урожая), трудовую (работа на землевладельца) или денежную; государства, требующие налоговых выплат в натуральной или денежной форме или вводящие трудовые повинности в виде общественных работ или военной службы; религиозные власти, являющиеся землевладельцами или обладающие правом облагать население налогами и десятиной; ростовщики и купцы, у которых крестьяне берут в долг под залог будущего урожая, — так формируется денежная экономика. Аграрные общества должны производить излишки, превышающие потребности крестьян, связанные с потреблением и формированием церемониального и запасного фондов, чтобы поддерживать правящий класс производителей. Способность *присваивать прибавочный труд*, то есть труд, не связанный с удовлетворением производственных нужд, составляет суть отношений *эксплуатации*.

Хотя правящие классы аграрных обществ были заинтересованы в регулировании экономической деятельности, чтобы успешно присваивать прибавочный труд, а иногда и в ее стимулировании (ска-

жем, организуя строительство ирригационных сооружений), они не пытались сохранить и реинвестировать присваиваемый прибавочный продукт в развитие производительных сил, чтобы систематически наращивать масштабы производства и уровень производительности. Напротив, они были поглощены контролем земли и труда как основных источников своих доходов (ренты, налогов и податей), удержанием власти (с помощью армии) и обретением славы (оказывали себя роскошью, строили дворцы, храмы и церкви, покровительствовали религии и искусству). Трудовая эксплуатация, обусловленная стремлением наращивать объемы производства и производительность для получения прибыли, то есть *накопления*, — определяющая черта третьего типа общества — капиталистического.

При капитализме товарное производство имеет уникальный с точки зрения своей систематичности и *всеобщности* характер. Непрестанно увеличивающийся ассортимент продуктов и услуг производится как набор товаров для рыночных обменов в целях получения прибыли. Конкуренция между производителями — двигатель инноваций и роста производительности как *системного* развития производительных сил, уникальной характеристики капитализма (конкуренция также порождает перепроизводство).

Отличительной чертой капитализма является то, что центральное значение он придает *производительному капиталу*, который инвестируется в средства производства (землю, инструменты, технику, сырье и т. д.) и рабочую силу, использующую их строго организованным образом для производства новых товаров и создания новых ценностей. Это необходимо, чтобы получить прибыль от инвестиций. Затем прибыль вновь инвестируется, чтобы получить еще большую прибыль, в бесконечном цикле *накопления*, который Маркс назвал *расширенным воспроизводством капитала*. Капитализм — единственный способ производства, в котором рабочая сила и средства производства (не в последнюю очередь земля) доступны в качестве товаров.

Мы подошли к самой специфической черте капиталистического способа производства: капитализм — это система *общественных отношений* между капиталистами, владельцами средств производства, и работниками, которые обменивают рабочую силу, то есть способность к труду, на средства к существованию (воспроизводства). Рабочая сила имеет фундаментальное значение для капитализма, потому что это единственный товар, использование которого в производственном процессе создает большую стоимость, чем его собственная. Маркс назвал инвестиции в рабочую силу *переменным* капиталом, а в средства производства (технику, сырье и т. д.) — *постоянным* капиталом. Первый тип «переменен», потому что только приложение «живого» труда может создать новую стоимость. Второй тип «постоянен», потому что средства производства лишь переносят уже существующую стоимость («мертвую») ра-

бочую силу, результат прошлого процесса труда) на вновь создаваемый продукт. Разница между стоимостью переменного капитала и стоимостью произведенных благодаря ему товаров называется *прибавочной стоимостью*, в которой прибавочный труд присваивается и порождает капиталистическую прибыль.

*Капиталистическая земельная собственность* отличается от таковой в докапиталистических аграрных классовых обществах (скажем, при феодализме) тем, что здесь земля становится товаром, а ее владельцы получают права частной собственности — отсюда отчуждаемый характер земли: ее можно покупать и продавать, сдавать или брать в аренду. Следовательно, владельцы капиталистической земельной собственности в сельской местности (капиталистические фермеры) не обязательно сами ее обрабатывают — они могут сдавать ее в аренду тем, кто будет делать это за них (арендаторам). Класс *безземельных работников* сложился в результате первоначального накопления через экспроприацию земель у крестьян, что было необходимым условием их *пролетаризации*.

### **Колониализм и капитализм**

На протяжении XIX столетия капиталистическая мировая экономика в возрастающей степени подвергалась воздействию индустриализации, и переломным моментом стали 1870-е годы и начало второй промышленной революции, которая породила постоянно увеличивающийся спрос на тропические сельскохозяйственные товары для перерабатывающей промышленности и на добываемые в колониях полезные ископаемые. С 1870-х годов (а) возросли зарубежные вложения в добывающие отрасли колоний (плантационное производство, крестьянское сельское хозяйство, горную добычу) и в их транспортное сообщение с мировыми рынками (железнодорожное строительство и судоходство); (б) была порождена последняя великая волна колониальной экспансии (в африканских регионах к югу от Сахары, в Юго-Восточной и Западной Азии) интересами и усилиями скорее европейских государств, чем торговых компаний; (в) возросло давление на британскую промышленность со стороны ее конкурентов — быстро индустриально развивающихся экономик Германии и США, а также Японии — первой незападной промышленной державы.

Первые колониальные аграрные трансформации начались в Карибском бассейне, Латинской и Северной Америке — это базовые регионы основанного на труде рабов производства в формирующейся мировой капиталистической экономике: сахарные плантации в португальской Бразилии, британские и французские колонии в Карибском бассейне, позже хлопковые и табачные плантации в южных колониях британской Северной Америки. К моменту колониального захвата эти зоны Нового Света были слабо заселены

сообществами, в основном ведущими натуральное хозяйство. Насильственная экспроприация земель у коренных народов прошла достаточно легко, а проблему недостатка рабочей силы европейские плантаторы решили за счет ввоза рабов. Рабство было отменено в Британской империи в 1833 году, но сохранялось до 1865, 1888 и 1889 годов соответственно в США, Бразилии и на Кубе.

На большей части испанской Америки иная форма земельной собственности определяла экономическую и социальную, политическую и культурную жизнь сельских поселений с конца XVII века — *фазенды* или поместья. *Фазенды* первоначально копировали и адаптировали феодальные институты и практики, привычные испанским колонистам. Они сочетали право поселенцев собирать подати с местных жителей в форме товаров или трудовых отработок и право на землю, дарованные за военную службу испанской короне. Сочетание прав на землю и на труд создавало тип земельной собственности, структурно схожий с поместьями европейских феодалов (Кау, 1974).

Сохранение контроля за сельской рабочей силой зависело от экспроприации и огораживания земель, чтобы ограничить доступ коренного населения к источникам существования. Расширение системы *фазенд* в разных формах в разные исторические периоды происходило под влиянием целого ряда факторов. Первоначально *фазенды* возникали и расширялись в условиях затяжной борьбы, особенно в регионах с высокой плотностью населения и сплоченными крестьянскими сообществами, как, например, в отдельных частях Центральной Америки и в Андах. В менее заселенных районах, скажем на равнинах Аргентины, Уругвая и Чили, *фазенды* появились позже и быстрее, поскольку рабочая сила для них по большей части ввозилась.

Другой ключевой фактор развития системы *фазенд* связан со временем не в меньшей степени, чем с пространством. Борьба (колониальных) землевладельцев с (коренным) крестьянским населением отражала исторические особенности коммерциализации сельского хозяйства (в рамках становления мирового рынка) и ее колебания. По мере увеличения потенциальной доходности сельскохозяйственной деятельности вследствие роста рыночного спроса землевладельцы стремились увеличить хозяйства и обрабатывать их с помощью арендаторов, превращая денежную или натуральную ренту в трудовую. Когда землевладельцы столкнулись с нехваткой рабочей силы для товарного производства и не имели возможности решить эту проблему за счет принуждения, им пришлось оплачивать работу арендаторов по крайней мере частично, что превращает трудовую ренту в наемный труд.

Большинство стран Латинской Америки обрели независимость от колониальных властей в первой половине XIX века (до того, как была колонизирована большая часть Африки), получив в качестве наследия эпохи колонизации *фазенды*, повсеместно захватившие



и сконцентрировавшие в своих руках земельную собственность; сокращение большинства крестьянских хозяйств местных жителей до минифундий, занимающихся производством только для собственного потребления и являющихся полной противоположностью крупных латифундий (другое название фазенд); широкое распространение наемного труда, который часто сочетался с маргинальным (натуральным) хозяйством, элементами долговой кабалы и государственного принуждения.

Вероятно, сегодня в Латинской Америке представлен самый большой в мире диапазон форм аграрных социальных отношений и видов сельскохозяйственной деятельности. С одной стороны, здесь проживает меньше людей, занятых в сельском хозяйстве, чем в других важнейших регионах Юга. Бразилию отличает экстраординарная концентрация современного агропромышленного капитала и технического и финансового опыта и возможностей, поэтому она обладает потенциалом стать крупнейшей экспортной сельскохозяйственной экономикой мира, хотя Южный конус континента, включающий в себя Аргентину, Уругвай и Чили, также является крупным экспортером сельскохозяйственной продукции с высокой капитализацией и специализацией секторов сельского хозяйства. С другой стороны, в регионе наблюдаются очаги сохранения или возрождения «крестьянской» идентичности в районах с высокой концентрацией коренных народов в Центральной Америке и Андах, а также к югу, в зонах мелкого оседлого земледелия. Борьба за землю и современные условия ведения сельского хозяйства привели к созданию известных аграрных социальных движений, например *La Via Campesina* («Крестьянский путь») в Центральной Америке и *Movimento dos Trabalhadores Sem Terra* (MST или «Движение безземельных рабочих») в Бразилии.

В XVIII веке британская экспансия вглубь Южной Азии, в многочисленные густонаселенные регионы крестьянского земледелия, привела к формированию крупнейших колониальных владений в истории, «бриллиантов» Британской империи. Постепенно к XIX веку грабеж сменили более предсказуемые и стабильные источники доходов и прибыли — в колониальной Индии возникли две системы земельного налогообложения вследствие «отказа от пиратства в пользу бюрократии» (Moore, 1966: 342). Первая система «постоянного поселения» была создана в Бенгалии и на прилегающих территориях Северной Индии в 1793 году: заминдары превратились из откупщиков и сборщиков податей (кем они были в империи Великих Моголов) в землевладельцев с правами собственности. Колониальные власти надеялись, что заминдары превратятся в консолидированный класс (буржуазных) собственников и воспроизведут британскую модель аграрного капитализма. По самым разным причинам эта колониальная мечта не была воплощена в жизнь (как и другие имперские фантазии). Власть заминдаров оказалась крайне вариативной в разных уголках индийского

царства под английским владычеством вследствие их борьбы с кастой земледельцев, с одной стороны, и классом ростовщиков и купеческим капиталом — с другой. Вторая базовая модель земельного управления и «поселений» — система райятвари, существовавшая на юге Индии в крупных районах Бомбея и Мадраса. Она, по крайней мере формально, гарантировала права собственности на землю тем, кто ее обрабатывал, при условии ежегодной выплаты налога.

Колониальная система Британской Индии не была аналогом поселенческого колониализма Великобритании в Северной и Латинской Америке. В Индии не осуществлялась широкомасштабная экспроприация земли, чтобы расселить европейских поселенцев, хотя было создано несколько плантаций для выращивания культур на экспорт. Крупнейшая огороженная территория контролировалась отделом лесного хозяйства колониального правительства, и большая ее часть использовалась для коммерческого производства древесины; утрата лесными угодьями статуса «общих», доступных крестьянским хозяйствам, скотоводам и племенам, сократила ресурсы, которые обеспечивали их существование. В то же время крестьяне все в большей степени интегрировались в международную капиталистическую экономику через «принудительную коммерциализацию» (Bharadwaj, 1985). Они были вынуждены выполнять все возрастающие денежные обязательства; производили экспортные товары, например хлопок, джут и опиум, а также продовольствие для внутреннего и внешнего рынков; выплачиваемая ими рента и налоги предназначались не только местным землевладельцам, купцам и ростовщикам, но и составляли часть прибыли британских торговых компаний, доходов колониальной администрации и фактически Британской империи как государства.

У большинства крестьян «принудительная коммерциализация» и — шире — коммодификация хозяйственных и повседневных практик не привела к заметному росту объемов производства, не говоря уже о производительности. Поборы в «фонд аренды», которые терпели беднейшие крестьяне, и долговая кабала означали, что ресурсы из производства продовольствия изымались для собственного потребления, что породило образ Индии и Китая как стран, подверженных угрозе голода. Способность многих индийских крестьянских хозяйств справляться с последствиями неблагоприятных погодных условий и плохих урожаев была подорвана коммодификацией, колониальным налогообложением и экономической идеологией колониальной администрации (Davis, 2001). А импорт фабричных товаров, таких как хлопчатобумажные ткани, из Британии разрушал местное мануфактурное производство и ремесла, столь важные для диверсификации сельской экономики. Именно колониализм в XIX веке увеличил бедность, «сельскость» и «крестьянскость» Индии; империалистическое проникновение в Китай имело те же последствия даже без прямого колониального управления (Bagchi, 2009). В то же время, как и в других странах, раз-

витие товарного производства усилило классовую дифференциацию крестьянства Индии (часто по тем же критериям, что и в кастовой системе).

Постепенная колонизация территорий Африки к югу от Сахары с конца XIX века привела к образованию трех «акрорегионов» (Amin, 1976): торговой экономики, трудовых резервов и концессионных компаний. Первый регион характеризуется экспортом сельскохозяйственной продукции крестьянских хозяйств, а иногда и крупных местных производителей, как правило объединенных в торговые дома. Как и в Индии, торговая экономика в Африке не породила повсеместной экспроприации земель и крестьянского закабаления. Коммерциализация сельской экономики осуществлялась без введения института частной собственности и земельного рынка, во многих случаях произошло лишь перепрофилирование хозяйств или распашка новых земель под какао и масличную пальму (в лесополосе), хлопок и арахис (в саваннах) — четыре традиционные экспортные культуры Западной Африки.

Второй макрорегион — трудовых ресурсов — простерся с востока через Центральную Африку на юг материка: здесь огромные территории были отчуждены в пользу колониальных поселенцев. Лишение африканцев земли и концентрация их в «родных резервациях» преследовали две цели: обеспечить землей белых поселенцев и их фермы, а также гарантировать постоянный приток рабочей силы в эти крупные хозяйства и плантации, на горнодобывающие комплексы Родезии, севера и юга (Замбии, Зимбабве и Южной Африки), которые привлекли огромное количество шахтеров-мигрантов из южных районов Мозамбика, Ньясаленда (Малави) и Басутоленда (Лесото). Отчуждение земли привело к тому, что африканские фермеры в поисках рабочей силы были ограничены перенаселенными и маргинальными с сельскохозяйственной точки зрения «родными резервациями», поэтому подвергали их одновременно экономическому и политическому давлению, чтобы в целях выживания их все возрастающее население было вынуждено мигрировать в поисках работы.

«Африка концессионных компаний» представлена бассейном реки Конго, и сегодня этот регион — свидетель бесчеловечных грабежей и выкачивания ресурсов из Африки. Концессионные компании получили в свое распоряжение обширные территории, что имело серьезные последствия для их жителей и природных богатств. Но концессионные компании не смогли создать здесь условий для системного и устойчивого капиталистического сельского хозяйства ни на фермах поселенцев, ни на плантациях — это удалось сделать на востоке материка (в Кении) и на юге (в Южной Родезии/Зимбабве и Южной Африке).

На большей части территорий к югу от Сахары, за исключением районов самых крупных (европейских) поселений, фермеры (включая скотоводов) не принуждались, а поощрялись к вступле-

нию в торговую (монетарную) экономику в качестве производителей сельхозтоваров и/или наемных рабочих. Здесь условия для окончательной пролетаризации подавляющего большинства крестьян созданы не были. Разные способы «поощрения» — налогообложение, обязательства выращивать определенные культуры, нести трудовые повинности или заключать трудовые контракты — первоначально предполагали «принудительную коммерциализацию», как в Индии, но система колониального налогообложения в Африке базировалась не на земле, а на людях — в форме подворного или подушного налога, иногда налога на крупный рогатый скот. Однако важно отметить и инициативу ряда африканских фермеров по введению товарного производства экспортной продукции посредством традиционных способов мобилизации местных земельных и трудовых ресурсов без поддержки или вопреки действиям колониальных властей.

Колониализм достиг своего пика в Азии и Африке в период консолидации мировой капиталистической экономики — с конца XIX до середины XX века, когда плантации в Карибском бассейне, Латинской Америке и Азии, характерные для первых этапов колониальной экспансии, были заменены «промышленными плантациями». Плантации нуждались в огромном количестве рабочих, которые набирались из беднейших крестьян и безземельных работников в сложной экономической ситуации, часто усугубляемой или вызванной их закабалением. Промышленные плантации значительно увеличили объемы высокоспециализированного монокультурного производства, обеспечивая мировой рынок такими промышленными товарами, как каучук, пальмовое масло, хлопок и сизаль, а также напитками и продуктами питания, которые стали предметами массового потребления разрастающегося городского населения индустриальных стран, — чаем, кофе, сахаром, какао (шоколадом) и бананами.

Другой показатель аграрных трансформаций — объединения колониального крестьянства Азии и Африки в качестве производителей экспортных культур, основных продуктов питания для внутреннего рынка и на экспорт, а также через трудовую миграцию на строительство железных и автодорог, для работы на плантациях, шахтах и портах. Эти процессы породили разные классовые структуры среди сельского населения колоний (иногда на базе прежних моделей социальной дифференциации) вследствие коммодификации средств к существованию и появления у некоторых крестьян возможностей для накопления.

По мнению ряда ученых, капитализм возник как мировая система благодаря колонизации — они отсчитывают момент его возникновения с прибытия Колумба в Новый Свет в 1492 году. Хотя прямой и непрямой колониализм способствовал переходу к капитализму в Европе, он не может считаться *достаточным* для этого *условием*: капитализм требует новой системы общественных отно-

шений и новой структуры производства, а они впервые появились в результате аграрного перехода в Англии (и других регионах на северо-западе Европы) и привели к формированию промышленного капитализма. Тогда можно выделить и противопоставить разные стадии и типы европейского колониализма, начиная с Испании и Португалии в XVI веке — феодальный или торговый колониализм и заканчивая британской и французской колонизацией с середины XIX до середины XX века. Богатство и могущество Испании в XVI веке, основанные на вывезенном из колоний серебре, сменились относительной экономической отсталостью, когда Британия и другие страны Европы осуществили переход к аграрному, а затем и промышленному капитализму; иными словами, богатство не то же самое, что капитал, вложенный в развитие производства и повышение производительности.

К. Маркс (Marx, 1976: 91) полагал, что страны на пути к капитализму могут «страдать не только от развития капиталистического производства, но также от недостатка его развития». Существует множество точек зрения на то, почему капиталистическое развитие было недостаточным в колониях в период их независимости, но в основном они отталкиваются от идеи, что колониальное втягивание Латинской Америки, Азии и Африки в мировую капиталистическую экономику «затормозило их развитие». Ряд авторов утверждают, что колониализм оказался не способен преобразовать общественные отношения в рамках производства в (достаточно) капиталистические даже в сельском хозяйстве — основе развития производительных сил в колониях. Провокационность этого аргумента состоит в том, что он постулирует неразвитость колоний не потому, что они подверглись эксплуатации, а потому, что «эксплуатировались недостаточно» (Кау, 1975), то есть в них якобы не удалось осуществить окончательный переход к капиталистическим производственным отношениям и характерному для них стремлению к повышению производительности труда и эксплуатации.

Другая логика рассуждений сводится к тезису об оттоке излишков: европейские державы создали такую систему колониального производства и торговли, которая позволяла им изымать ее излишки (прибыли) в собственных интересах и во благо своего класса капиталистов, — этот непрерывный процесс первоначального накопления способствовал становлению промышленного капитализма в Европе. Колониальные экономики были важным источником сырья — сельскохозяйственного и минерального, которое производил «дешевый труд» крестьян и полупролетариев. Индустриализация здесь была под запретом (как и другие продвинутые формы аграрного производства в густонаселенных сельских районах), потому что колониальные власти стремились исключить конкуренцию местных товаров с собственной промышленной продукцией и сохранить колонии в качестве «захваченного» рынка для экспорта промышленных товаров. В этой ситуации недостаточное капи-

талистическое развитие объясняется ограниченными возможностями первоначального накопления и формирования класса местных владельцев капитала на колониальных территориях.

Колониальные державы, особенно на последней стадии колониализма, в период становления промышленного капитализма заявляли, что их миссия — нести (буржуазную) цивилизацию народам Азии и Африки, но с надлежащими ограничениями, под контролем, постепенно, чтобы избежать социальных и политических беспорядков. Экономическое развитие колоний допускалось только как расширение здесь торговых отношений — выход на рынок и создание монетарной экономики. Представление о том, что колониализм был «объективно необходим», чтобы высеять семена капитализма в почву докапиталистических обществ Юга, опиралось и на работы Маркса: якобы капитализм олицетворяет прогресс, пусть и болезненный, потому что это более производительный тип экономической системы, чем все существовавшие прежде; он более эффективно использует рабочую силу, чем предыдущие типы классовых обществ, в качестве фундамента исторически беспрецедентного и непрерывного развития производительных сил. В результате после обретения независимости главной целью государственных стратегий экономического развития в бывших колониях стало расширение и углубление тех процессов становления капитализма, которые были запущены колонизацией. Неспособность добиться этой цели стала основным объяснением недостижения экономического прогресса (Warren, 1981; Sender, Smith, 1986).

### **Земледелие и сельское хозяйство: локальные и глобальные тенденции**

На протяжении большей части своей истории вплоть до относительно недавнего времени земледелие было *локализованной* деятельностью и образом жизни. Сочетание сельскохозяйственной деятельности с кустарными промыслами, такими как прядение и ткачество (самые общие примеры), было широко распространено, но уничтожено вследствие развития капитализма и его стремления к специализации в общественном разделении труда. В аграрных обществах до капитализма — как в сердце Европы, так и в колониях — большинство населения занималось земледелием. То, что мы сегодня называем сельским хозяйством, тогда представляло собой некую совокупность крестьян и их занятий. Крестьяне были связаны через систему арендных и налоговых сборов и локальные формы обменов с теми, кто не занимался сельскохозяйственной деятельностью, но не участвовал в более широких форматах общественного разделения труда, в процессах технологических и рыночных изменений, которые характерны для сельского хозяйства при промышленном капитализме.

Понятие «сельскохозяйственный сектор» было изобретено после возникновения «современной», то есть капиталистической, экономической системы. Маркс отмечал, что общественное разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью, а также между селом и городом — особенность капиталистического развития, поскольку говорить об отдельном сельскохозяйственном секторе стало возможно только после того, как промышленный сектор завоевал позиции на Севере, а индустриализация стала главной экономической целью «национального развития» в странах Юга после обретения независимости от колониального господства.

Под сельским хозяйством или аграрным сектором в современной (капиталистической) экономике я понимаю земледелие *вместе со* всеми теми экономическими интересами, специализированными институтами и видами занятий, «входными» и «результатирующими» аспектами, которые влияют на образ жизни и воспроизводство крестьянских домохозяйств. В рамках капиталистической экономики сельское хозяйство превращается в отдельный «сектор» в общественном разделении труда и как объект государственной политики. Оба аспекта взаимосвязаны друг с другом и с основополагающим механизмом капитализма — коммодификацией средств к существованию, в результате которой прежде самодостаточные крестьяне начинают полагаться на рыночные средства (товарный обмен) в целях воспроизводства. В итоге они начинают зависеть от денежных доходов, поскольку должны платить налоги и/или аренду наличными (а не натурой или отработками), приобретать потребительские товары, которыми не могут обеспечить себя за счет собственного труда или ресурсов местной экономики, и покупать средства производства — удобрения, семена, инструменты, сельскохозяйственное оборудование.

Период с 1870-х годов по настоящее время знаменует революционные изменения в технологических условиях сельскохозяйственной деятельности в противовес тем эволюционным трансформациям, которые были характерны для ее многовековой истории прежде, — это были осторожные и постепенные инновации в селекции сортов растений и видов животных, в обновлении методов и принципов земледелия и животноводства. Даже ранний переход к капиталистическому земледелию с начала XVI века до 1870-х годов не породил технической революции, сопоставимой со второй промышленной революцией. Материальной основой первой промышленной революции были железо, уголь и паровая энергия, второй — сталь, химикаты, электричество и нефть. Со временем, причем скорость изменений возросла с 1940-х годов, вторая промышленная революция и ее инновации трансформировали три аспекта производительности в сельском хозяйстве: изобретение химических удобрений и других агрохимикатов повысило производительность земли (урожайность); развитие научных методов селекции растений и животных (благодаря открытиям в генетике) также повлияло на урожайность; изобре-

тение двигателя внутреннего сгорания и его использование в производстве тракторов и другой сельскохозяйственной техники изменили производительность труда.

Глобальное разделение труда в сельскохозяйственном производстве и торговле, которое сложилось в 1870-х годах, включало в себя новые зоны производства зерна и мяса в «новых Европах» (Crosby, 1986), основанных поселенцами в ходе колониальной экспансии в умеренных широтах Северной и Южной Америки, в отдельных регионах Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии; более диверсифицированные модели сельского хозяйства в ряде регионов Европы и отток населения из сельских районов в города; специализацию на производстве экспортируемых тропических культур в европейских колониях Азии и Африки, а также в тропических зонах бывших колоний в Центральной и Южной Америке, причем культуры могли выращиваться как в крестьянских и капиталистических хозяйствах, так и на промышленных плантациях.

Центральным элементом глобального разделения труда и его экономической динамики стал переход от крестьянского земледелия к капиталистическому сельскому хозяйству, который взаимоувязал революционные изменения технологических условий и организации производства (особенно в «новых Европах», старой Европе и на промышленных плантациях в тропиках) с расширением масштабов международной торговли основными продуктами питания, которые производились в «зерно-животноводческих комплексах умеренных широт» и «тропических бакалеях» (сахар, какао, бананы, чай и кофе), и техническими культурами (каучуком, пальмовым маслом, хлопком, сизалем и джутом).

Политика колониальных держав в Азии и Африке в этот период была призвана одновременно принудительно коммодифицировать крестьянские хозяйства и содействовать формированию промышленных плантаций, поселенческих хозяйств и коммерческого лесного хозяйства. Коммодификация затрагивала и комбинировала разные виды деятельности, расширяя (и углубляя) общественное разделение труда за счет принуждения крестьян выращивать экспортные культуры, производить продовольствие для удовлетворения спроса работников горнодобывающей отрасли и строительства, городских предприятий и промышленных плантаций, заработная плата которых постоянно росла, а также наниматься на сезонные работы. В XIX веке колониальные правительства создали на своих азиатских и африканских территориях департаменты сельского хозяйства, но аграрные исследования колониального периода были сосредоточены на главных экспортных культурах, таких как каучук и сахар, фактически игнорируя основные продукты тропиков.

Сельскохозяйственные границы раздвигали и местные крестьяне, которые мигрировали и расчищали новые территории под экспортные культуры. В этот период они осуществляли подобную деятельность по собственной инициативе, но специализирован-



ное производство на экспорт во все большей степени вовлекало их во взаимодействие с капиталистическими компаниями, которые торговали, перевозили и перерабатывали их продукцию.

Мировая капиталистическая система была глубоко затронута двумя мировыми войнами — 1914–1918 и 1939–1945 годов и Великой депрессией 1930-х годов, имевшей серьезные последствия для международной торговли. Принимая во внимание характерную для капиталистического развития в разных регионах мира неравномерность и невзирая на сжатие мировой экономической системы, описанные выше процессы продолжались, хотя следует назвать одно исключение. Первый международный продовольственный режим распался в 1914 году, и политические меры военного времени вместе с депрессией породили протекционизм в сельском хозяйстве в странах промышленного капитализма. В то же время Великобритания, Франция и другие европейские колониальные державы пытались выжать еще больше ресурсов из крестьянского населения Азии и Африки. Департаменты торговли основными сельскохозяйственными товарами, которые были созданы для поддержки фермеров (и всей сельскохозяйственной промышленности) в Европе, в колониальной Африке были переориентированы на извлечение максимальных доходов из крестьянского населения. В Индии Великая депрессия лишь усилила тенденцию вытеснения производства основных продуктов питания для внутреннего потребления производством хлопка, джута, сахара и мелкозерновых культур на экспорт, что стало одной из причин великого бенгальского голода в 1943–1944 годах.

Для США и промышленно развитого Севера с конца 1940-х годов было характерно ускорение темпов технологической модернизации сельского хозяйства за счет химизации, механизации и выведения высокоурожайных сортов растений и высокопродуктивных пород скота. Ускоренные технологические преобразования сельского хозяйства на Севере объясняются ростом и концентрацией сырьевых агрокорпораций во «входном» секторе сельского хозяйства. Их роль в определении методов сельскохозяйственной деятельности внесла вклад в нарастание концентрации в агросекторе, где становилось меньше капитализированных фермерских хозяйств, но более крупных по размерам, что увеличивало масштабы их деятельности и производительность труда. Вскоре все это породило типичную для капитализма проблему перепроизводства: капиталистическая конкуренция и рост производительности приводят к появлению на рынке такого количества товаров, которые не могут быть проданы в силу отсутствия «эффективного спроса» (покупательная способность недостаточна для приобретения предлагаемых на рынке товаров). В свою очередь, «эффективный спрос» отражает другую фундаментальную черту капитализма — распределение благ, кто что получает, то есть «располагаемые доходы», которые потребители могут потратить (в том числе в кредит), а не кто в чем *нужда-*

ется. В глобальной продовольственной экономике не существует абсолютного дефицита, но многие голодают потому, что у них нет средств на покупку продуктов питания.

В отличие от сконцентрированного на регулировании цен первого международного продовольственного режима с характерным для него конкурентным давлением на европейское зерновое производство второй режим сочетал «меркантильную» торговую политику с «корпоративной организацией транснационального агропродовольственного комплекса с центром в атлантической экономике» (Friedmann, 1993: 18). В этом комплексе европейские страны копировали национальную американскую сельскохозяйственную политику в плане поддержки фермерских хозяйств и экспортной ориентации под эгидой ОСП, Общей сельскохозяйственной политики (сегодня — ЕС, Европейский союз).

Новые независимые государства Азии и Африки, появившиеся благодаря избавлению от колониальной зависимости, были аграрными обществами, но приверженными идеям национальной развития, как большинство стран Латинской Америки, которые, как правило, были промышленно более развитыми. Модернизация сельского хозяйства обычно выступала центральным элементом программы национального развития, хотя зачастую и подчиненным задачей индустриализации. Приоритет индустриализации мог означать отказ от собственного производства зерна в пользу импорта дешевой пшеницы или отсрочку сельскохозяйственной модернизации до момента, когда развитие национальной промышленности могло бы обеспечить агропромышленный сектор современным сырьем, — эта точка зрения возобладала при разработке планов национального развития в Индии в первые 20 лет после обретения страной независимости и в рамках запуска программы «зеленой революции».

На пике популярности идей девелопментализма — индустриального развития под эгидой государства — в 1950–1970-е годы целый ряд политических мер был реализован правительствами Юга, чтобы модернизировать сельское хозяйство. Аграрная политика должна была разрешить некоторые противоречия и социальные конфликты, унаследованные от колониального прошлого. Земельные реформы самого разного типа были широко распространены в этот период, как и поддерживаемые или инициируемые правительством программы переселения сельского населения (типичная колониальная практика) в отдельные регионы Африки и Юго-Восточной Азии. В 1970-е годы «комплексные программы сельского развития как широкий пакет» мер, обеспечивающих доступность образования, услуг здравоохранения и экономических институций в сельской местности, активно пропагандировались Всемирным банком и АМР США (Агентством по международному развитию), что рассматривается рядом исследователей как реакция данных организаций на успех крестьянского движения, возглавляемого коммунистами, во Вьетнаме.

В этот период меры агропромышленного и — шире — сельского развития демонстрировали поразительное институциональное разнообразие и частые «смены парадигм», то есть, проще говоря, как и сегодня, были подвержены моде. Несмотря на вариативность, все программы модернизации основаны на одной схеме — создании *более продуктивного сельского хозяйства, основанного на большем углублении товарных отношений*, невзирая на тип хозяйств — мелкие или крупные, государственные или частные. Эту цель часто преследовали правительства Юга в партнерстве со Всемирным банком в рамках двусторонних донорских соглашений с США, Великобританией и Францией, а также с частным агропромышленным капиталом — все эти формы партнерства были ориентированы на определенные проекты модернизации. *Наиболее продуктивные* из них решали задачи технологической модернизации за счет внедрения усовершенствованных сортов и методов земледелия и широкого использования удобрений наряду с мягкой кредитной политикой и техническими консультациями (известный пример — «зеленая революция» 1960-х годов с высокоурожайными сортами «большой тройки» — кукурузы, пшеницы и риса). «*Углубление товарных отношений*» предполагало большую вовлеченность фермеров в рыночные процессы, включая специализацию на производстве конкретных продуктов на продажу, а также покупку и использование большего количества средств производства и потребления, в том числе продовольственных товаров.

Сложно обобщить результаты попыток сельскохозяйственной модернизации в моменты популярности девелопментализма по причине многообразия политических мер, их технических и институциональных «пакетов», возможностей государства реализовывать таковые на практике, а также в силу разнообразия экологических условий и типов хозяйствования. Безусловно, существуют разномасштабные истории успеха, крупнейшей из которых стала «зеленая революция» в Индии — она позволила стране за короткое время полностью обеспечить себя зерном. Однако ее успех не был безоговорочным: существуют очевидные биохимические ограничения роста урожайности пшеницы и риса и проблема экологических издержек; не все крестьяне в равной степени выиграли, не все потребители продовольствия воспользовались результатами «зеленой революции» (часть земли, отданная под выращивание высококачественного и дорогого зерна, была изъята из производства «простых» культур, таких как просо и бобовые, — основного источника белка в рационе бедняков).

### **Неолиберальная глобализация и мировое сельское хозяйство**

С 1970-х годов мировая капиталистическая экономика вступила в эпоху фундаментальных изменений, совокупность которых принято называть глобализацией. Это новые формы организации мировой капиталистической системы, которые включают дерегулирова-

ние финансовых рынков и «монетизацию» всех аспектов экономики; возрастающее дерегулирование международной торговли; трансформацию стратегий и технологий производства, снабжения и продаж транснациональными агропромышленными и производственными корпорациями; масштабные новые возможности, сопутствующие развитию информационных технологий в сфере экономики (производства и сбыта) и массовых коммуникаций. 1970-е годы — несомненный провозвестник последовавших структурных изменений мировой экономики, столь же серьезных, как и в 1870-е годы. Нынешние глобализационные процессы также были запущены рецессией мировой капиталистической экономики и ее попытками приспособиться, которые породили широкомасштабное расширение международных товарных потоков, в первую очередь финансовых, и снижение конкурентоспособности американской промышленности (как столетием ранее — британской).

Понятие «*неолиберальная* глобализация» означает, что изменения и динамику нынешнего периода нельзя рассматривать как «автоматическое» проявление циклической природы и противоречий капитализма (по аналогии с перепроизводством, избыточным накоплением и его давлением на показатели прибыли) — это определенная идеологическая и политическая программа, призванная разрешить проблемы капитализма за счет свободы и мобильности капитала, а также избирательного «отказа государства от регулирования рыночных цен». Во-первых, она привела к сокращению или отмене завоеваний рабочего класса, достигнутых в разное время и закрепленных в государственном законодательстве в положениях, регулирующих заключение трудовых договоров, длительность рабочего дня и условия труда, минимальный уровень заработной платы, возможности и право создавать ассоциации, получать медицинское обслуживание, образование, социальное страхование и пенсионное обеспечение. Во-вторых, глобальные рынки капитала подрывают возможности государств осуществлять автономную макроэкономическую политику, то есть политическая мантра о «конкурентоспособности» на мировых рынках и призывы к приватизации государственных предприятий и служб — проявления нарастающей коммерциализации всех аспектов общественной жизни в ходе неолиберальной глобализации. В-третьих, неолиберализм предлагает структурную перестройку государственных программ, экономическую либерализацию, приватизацию и «государственное реформирование», которые были навязаны странам Юга (и бывшего советского блока) и возвести закат государственных проектов.

Сложно делать однозначные выводы и глобальные обобщения относительно итогов неолиберальной глобализации для сельского хозяйства во всех странах третьего мира, но можно выделить ряд тенденций. Во-первых, нарастание и углубление товарных отношений при одновременном сокращении государственных инвестиций, регулирования и контроля, снижении или отмене прямых и косвен-

ных субсидий, особенно для мелких фермеров, что «стало самым губительным аспектом структурной перестройки сельского хозяйства» (Desmarais, 2007: 48). Негативное воздействие неолитеральной глобализации в основном почувствовали на себе мелкие и бедные фермеры Юга, что породило во многих регионах новые волны деаграризации и раскрестьянивания.

Во-вторых, вследствие либерализации импорта ряд стран вынуждены были отказаться от национального развития посредством индустриализации и производства продовольствия для внутреннего рынка (импортозамещения) по причине их неконкурентоспособности, если цена собственного продукта оказывалась выше, чем импортируемого. Ориентация внутреннего рынка на девелопментализм сменилась стремлением развивать экспортное производство как якобы обладающее сравнительными преимуществами, что повлекло расширение производства традиционных экспортных культур (кофе, какао, чая, сахара, хлопка и пальмового масла); продвижение новых дорогостоящих товаров, особенно плодоовощной продукции, которые доставляются в супермаркеты Северной Америки и Европы по воздуху, как и продукты аквакультуры; расширение производства сои, сахара и зерновых частично для биотоплива и на корма, особенно в Латинской Америки. В-третьих, в разных регионах все типы сельскохозяйственных производителей углубляют коммодификацию и специализацию товарного производства.

В результате вновь провозглашается исчезновение крестьянства, мелкого и семейного хозяйства. Устранение крестьянства (Kitching, 2001) считают необходимым шагом приверженцы капиталистической и/или социалистической модернизации, для кого оно представляет положительное историческое явление, хотя и болезненное, поскольку прогрессивное движение к современности связано с крупными потрясениями: идея, что создание нового предполагает уничтожение старого, занимает центральное место в марксистском анализе капитализма и объясняет неприятие Марксом романтизации предшествующего капитализму периода. Трактовка устранения крестьянства как негативного исторического явления характерна для популизма: отстаивание непреходящей ценности и интересов мелкого производителя, будь то ремесленника или крестьянина, как представителя народа возникает снова и снова как идеологический лозунг оппозиционного движения, выступающего против изменений, порожденных накоплением капитала.

### **Производство, эксплуатация и сопротивление**

В качестве наиболее общих объяснительных моделей прерывистости капиталистического развития, особенно в сельском хозяйстве, сегодня выступают те, кто подчеркивает (1) «препятствия» для инвестиций капитала в сельское хозяйство; (2) заинтересованность

капитализма в сохранении и даже поддержке воспроизводства мелких форм хозяйствования; (3) сопротивление мелких фермеров своей пролетаризации.

Согласно первому типу объяснений факторы, препятствующие широкомасштабным и прямым инвестициям в сельское хозяйство, кроются в нем самом. Скажем, если обрабатывающая промышленность имеет дело с материалами, которые уже отобраны у природы, то земледелие и другие виды крестьянского труда преобразуют природу в ходе и посредством присвоения ее материалов, поэтому вынуждены сталкиваться с непредсказуемостью природных условий и экологических процессов, непрогнозируемостью их влияния на рост растений и развитие животных. Второй тип объяснений тоже отталкивается от своеобразия природных условий, но концентрируется на различии временных затрат на труд и производство. В сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, временные затраты превышают рабочее время, поскольку учитывают естественные ритмы роста растений и животных. Это означает, что капитал связан и не способен производить прибыль до тех пор, пока урожай не собран или животные, которых выращивают на мясо, не отправлены на бойню.

Характерная черта современного капиталистического агропромышленного комплекса — попытка увязать сельское хозяйство с промышленным производством: *упростить, стандартизировать и ускорить* естественные процессы. Технологические новации в сельском хозяйстве стимулируются в первую очередь производством, отвечающим за исходные условия сельскохозяйственной деятельности, хотя не отстает и пищевая промышленность. Для критиков современного капитализма подобные инновации — следующий этап «индустриализации» традиционного земледелия за счет серьезных и все возрастающих экологических издержек, включая расходы на здравоохранение вследствие того, как выращивается и перерабатывается продовольствие, а также снижения питательной ценности и повышения токсичности многих продуктов.

Существуют и иные политэкономические объяснения неравномерности развития капиталистического сельского хозяйства. Одно из них утверждает, что груз земельной ренты, вычитаемой из прибыли, заставляет капитал перекладывать эти затраты на плечи семейных ферм (Djurfeldt, 1981), как и риски отсроченной реализации сельхозтоваров. Другой аргумент связан с организацией труда: намного сложнее, а значит, и дороже регулировать и контролировать скорость и качество работы на поле или в саду, чем на фабрике, что определяет преимущества семейного труда перед наемным в сельском хозяйстве. Третий аргумент состоит в том, что, когда быстрая индустриализация и связанная с ней урбанизация повышают уровень заработной платы, семейные хозяйства в полной мере ощущают «преимущество соотношения „труд — цена“» над капиталистическими хозяйствами. Это является одним из факторов «провала

аграрного капитализма», точнее, капиталистического сельского хозяйства в Великобритании, Германии, Нидерландах и США в период с 1846 по 1919 год (Koning, 1994).

Все три аргумента можно интерпретировать по-разному, например как механизмы превращения мелких хозяйств в *конкурентоспособные* благодаря их согласию пойти на затраты и риски, от которых отказались капиталистические предприятия. Соответственно, мелкие фермеры могут поставлять продукты по более низким ценам, чем капиталистические агропредприятия, хотя капиталу выгодно инвестировать в сельскохозяйственную деятельность в обоих форматах на «входе» (сырье и условия) и «выходе» (продукция). Это приводит нас ко второй группе объяснений неравномерности развития капитализма в сельском хозяйстве: капиталу было выгодно сохранять семейные хозяйства. Впрочем, преимущества семейного хозяйства по сравнению с капиталистическим могут оказаться лишь оборотной стороной препятствий на пути капиталистического развития, хотя эти препоны непостоянны.

А. В. Чаянов говорил о крестьянах как о *мелких* товаропроизводителях, которые используют труд своей семьи (домохозяйства), а не наемный труд (Chaianov, 1966). Это допущение нас ограничивает в теоретическом и историческом смысле по нескольким причинам: во-первых, временная шкала Чаянова коррелирует с *размером* хозяйства и предполагает, что его размеры ограничены площадью земли, которую можно обработать силами семьи, используя доступные на тот период средства производства. В современном капитализме более релевантной мерой масштабов хозяйства стала *капитализация*, то есть размер капитала, необходимого для создания разных типов хозяйств («затраты на организацию производства») и их воспроизводства. Во-вторых, понятие «семейное хозяйство» часто используется для обозначения разных вещей — семейного *владения*, семейного *управления* и семейного *труда*: семейное владение может быть капиталистическим предприятием, которым руководит наемный управляющий и в котором трудятся наемные работники; управляемое семьей хозяйство может быть капиталистическим предприятием, нанимающим работников и/или подрядчиков под конкретные виды работ; остается только обрабатываемое семейным трудом хозяйство, которое в полной мере может считаться семейным и является единственным примером, где эксплуатация (в любом смысле этого слова) земледельца в принципе невозможна. Хозяйства, которые стремятся максимально включиться в современное капиталистическое сельское хозяйство, согласно чаяновскому описанию ситуации в Северной Америке, например, те, что поставляют свою продукцию агропромышленным корпорациям по контрактам, как правило, являются капиталистическими предприятиями, использующими наемный труд, и не отличаются от (обычно мелких) капиталистических предприятий, которые специализируются на производ-

стве, скажем, автомобильных деталей по контрактам с крупными автопроизводителями.

Итак, различные политэкономические теории пытаются объяснить, почему развитие капитализма не породило полноценного капиталистического сельского хозяйства. Объединяет эти теории убеждение, что капитализм изобретает разные способы подстройки и включения мелких и семейных хозяйств (крестьян) в свои рыночные структуры и процессы накопления до тех пор, пока это выгодно капиталу. Часто, хотя не всегда, эти способы ассоциируются с попытками прямой или косвенной эксплуатации земледельцев, будь то на Юге или на Севере, где доля мелких хозяйств в общей стоимости сельхозпродукции неуклонно снижается по причине возрастания доли (и стоимости) «входных» условий, что приносит прибыль агропромышленным корпорациям, а также переработки и сбыта, прибыль от которых достается им же (Weis, 2007: 82). С другой стороны, мелкие хозяйства в некоторых регионах Юга были маргинализированы и обойдены «проникновением капитала в земледелие», нередко на долгий срок. Иными словами, жизнь крестьянства — результат того, что первоначальное накопление оказалось неравномерным и затяжным процессом, пусть даже сегодня он завершен в ряде регионов благодаря интенсивному «накоплению через изъятие». Тем не менее этот процесс плохо предсказуем и подвержен изменениям, поэтому капитализм изобретает способы подведения мелких хозяйств под рыночные условия «до тех пор, пока ему это выгодно».

Существует и третье объяснение неравномерного развития сельского хозяйства при капитализме, включая колониальные периоды в разных регионах Юга, — это *сопротивление* мелких фермеров и крестьян коммодификации, а также угрозам выселения и пролетаризации (борьба за землю, против аренды, налогов, долговой кабалы, трудовых повинностей и разных форм контроля и т. д.). Существует множество примеров подобного сопротивления — широкомасштабных и локальных, жестоких и мирных. Наиболее крупные и героические виды борьбы в Мексике, России, Китае, Вьетнаме, Алжире и Кубе в период с 1900-х по 1960-е годы описаны в книге Э. Вульфа «Крестьянские войны двадцатого века» (Wolf, 1969). Сегодня часто высказывается идея, согласно которой неolibеральная глобализация породила контрдвижение «глобального аграрного сопротивления» (McMichael, 2006).

В колониальных условиях метрополии часто не были готовы к решению масштабной задачи лишения крестьян земли и закабаления, особенно в густонаселенной сельской местности, где это неизбежно порождало восстания и беспорядки. Поэтому колониальные власти предпринимали разные шаги, которые прямо или косвенно, намеренно или невольно вели к коммодификации крестьянского хозяйства. Часть крестьян в колониях и сами предлагали новые варианты специализированного товарного производства



и с течением времени наиболее успешные из них создали капиталистические хозяйства. Вместо того чтобы выступать в роли пассивных жертв или активных борцов против колониального режима, многие крестьяне пытались *договориться* о переходе к товарному производству, который им навязывался, на более или менее выгодных условиях, мобилизуя значительные или скудные ресурсы земли и труда, с большим или меньшим успехом. То же самое можно сказать и о реакции местных сообществ на навязывание им модели национального развития после обретения независимости от колониального господства.

Политическая независимость и девелопментализм принесли с собой продуманные стратегии развития мелких хозяйств в целях их модернизации и дальнейшей коммодификации, и одной из них стала перераспределительная *земельная реформа*. Перераспределение прав собственности на землю осуществлялось в разных формах: (1) конфискация крупных землевладений и перераспределение их между мелкими хозяйствами; (2) передача прав собственности на землю тем мелким хозяйствам, которые ее обрабатывали, чтобы избавить их от арендных поборов и власти землевладельцев и гарантировать источник доходов; (3) национализация или обобществление крупных коммерческих хозяйств и плантаций; (4) деколлективизация совхозов и коммун в странах бывшего советского блока, Китае, Вьетнаме и на Кубе.

Подобные земельные реформы — всегда политические решения, хотя часто они экономически целесообразны и имеют социально-экономические последствия. Первые два типа земельной реформы ассоциируются с лозунгом «Земля крестьянам!», который может озвучиваться и «снизу», и «сверху». Если земельная реформа инициируется «снизу», то главную роль в ней играет крестьянское движение против бедности и голода, социальной несправедливости и угнетения. Его проявления достигли своего пика в период с 1900-х по 1970-е годы: борьба против крупных землевладельцев была особенно напряженной там, где сочеталась с антиколониальным или антиимпериалистическим движением. Иногда земельная реформа «сверху» в послевоенный период была ответом на угрозу социальных волнений, например крестьянских войн в Японии и Корее в 1940–1950-е годы (американская военная оккупация). Экономический смысл земельной реформы «сверху» состоит в том, что если предоставить мелким хозяйствам гарантированное право собственности на землю, то при правильных стимулах они увеличат производительность, тогда как крупные землевладельцы не обрабатывают землю, а используют ее для спекуляций или получения арендной платы, которую отказываются (ре)инвестировать в производство. Земельная реформа «сверху» стремится не раздробить коммерчески успешные капиталистические хозяйства — результат агропромышленной модернизации, а, наоборот, всячески их поддержать.

Социальные различия и водоразделы не обязательно возникают при капитализме, кроме того, их не всегда можно объяснить с позиций интересов капитала. Наблюдается огромная пропасть между теорией, согласно которой все, что существует в капиталистическом мире, служит интересам капитала («функционалистское» объяснение), и попытками исследовать, как элементы капитализма возникают вследствие противоречивой динамики общественных отношений, которые видоизменяют докапиталистические практики и верования. Эту динамику также определяют непредвиденные последствия, с одной стороны, конкретных стратегий накопления и политического господства классов капитала, с другой стороны — стремления трудовых классов к воспроизводству и угрозы капиталу со стороны контрдвижений.

Чтобы перейти от экономической социологии классовых отношений к проблемам классовой идентичности и сознания, а затем к коллективным политическим практикам, необходимо рассмотреть ряд иных факторов и детерминант политической жизни. Во-первых, экономическая и социальная власть капитала, проистекающая из системы распределения собственности и товарных отношений, должна подкрепляться политически и идеологически и осуществляться государством (это универсальный, но не единственный механизм). Не существует никаких гарантий единства, последовательности или эффективности того, как именно классы капитала воспринимают, предвидят, оценивают или пытаются сдержать общественные противоречия капитализма, чтобы одновременно добиться прибыли и накопления капитала и при этом гарантировать легитимность или по крайней мере молчаливое одобрение своих действий.

Во-вторых, существует «множество способов, посредством которых власть фрагментирует жизненные *обстоятельства и практики* угнетенных» (Mamdani, 1996: 272). И политическая социология классов задает вопрос, как именно эти обстоятельства *переживаются*. С экзистенциальных позиций они не воспринимаются (само) очевидно как классовая эксплуатация и угнетение *в целом* — только в рамках неких идентификаций: городские — сельские жители, промышленные рабочие — сельскохозяйственные работники, мужчины — женщины и т. д. Сельские районы Юга охвачены борьбой под разными политическими лозунгами, в ней сталкиваются разные акторы, начиная с агробизнеса, национальных и локальных классов земельных собственников и аграрного капитала и заканчивая мелкими фермерами и разрозненными трудовыми классами. Подобные противостояния подвержены универсальным, но не единым принципам классовой динамики, которые в сложнейших сочетаниях переплетаются со структурными ресурсами и практиками других общественных противоречий. Это определяет различия масштабов и видов политической борьбы.

Как и повседневные формы сопротивления, интенсивные противостояния в широких региональных масштабах — характерная черта земельных конфликтов в странах Африки к югу от Сахары. Поразительно, но самые жестокие войны в их современной истории, которые обычно преподносятся международными средствами массовой информации как примеры африканского трайбализма или варварства, имеют долгую предысторию земельных конфликтов. Последние менялись под влиянием колониального политического и земельного управления и коммодификации, вариативно усиливались последствиями эксплуатации природных ресурсов, изменения климата и избирательного вмешательства международных политических акторов. Это *действительно* борьба «между группами, различающимися региональной, этнической или религиозной принадлежностью» (Peters, 2004: 305), но *также* и борьба против классовой динамики в «скрытой и неартикулированной форме» (Peters, 1994: 210).

Другие распространенные локальные формы борьбы имеют более выраженный классовый характер, особенно если речь идет о найме, контроле и оплате труда рабочих. Первый тип конфликтов — борьба рабочих плантаций с их владельцами и работодателями; второй — территории бурного крестьянского капитализма в Индии, отмеченные открытыми конфликтами между богатыми и средними фермерами, с одной стороны, и их работниками — с другой. Оба типа сельской классовой борьбы могут быть крайне жестокими, если классовые процессы усугубляются социальными различиями — делением на касты и гендерными отношениями — и ролью этнического фактора в трудоустройстве.

Являются ли нынешние аграрные протесты наследниками великих крестьянских движений прошлого по крайней мере с точки зрения масштабов и значения, если не обстоятельств возникновения, методов или целей? В основе мобилизации крестьянских движений в XX веке лежали вопросы земли, аренды и налогов, пауперизации, угнетения и социальной несправедливости часто в условиях глобального социального катаклизма или войны. Обычно крестьянские выступления были частью более широкого движения за национальное освобождение и социальную революцию, велись методами партизанской войны, имели историческую и локальную специфику, были разнородными по классовому составу. В современном мире нелиберальной глобализации возникли новые аграрные движения, которые стремятся объединить всех мелких фермеров или всех мелких и «*средних фермеров*» (Desmarais, 2007: 6;) на Юге, иногда вместе с семейными фермерами на Севере, в качестве «людей земли». Предлагаемый подобными аграрными движениями политический проект обычно направлен против «приватизации сельского хозяйства... [которая] *повсюду* осуществляется неизменно в ущерб сельскому населению» (McMichael, 2006: 473).

- Amin S.* (1976). *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. Hassocks: Harvester Press.
- Bagchi A. K.* (2009). Nineteenth Century Imperialism and Structural Transformation in Colonized Countries // A. H. Akram-Lodhi, C. Kay (eds.). *Peasants and Globalization, Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question*. L.: Routledge.
- Bello W.* (2009). *The Food Wars*. L.: Verso.
- Bharadwaj K. A.* (1985). View of Commercialisation in Indian Agriculture and the Development of Capitalism // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 12. № 4.
- Chayanov A. V.* (1966). *The Theory of Peasant Economy*. D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (eds.). Homewood, Illinois: Richard Irwin for the American Economic Association.
- Crosby A. W.* (1986). *Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davis M.* (2001). *Late Victorian Holocausts. El Niño Famines and the Making of the Third World*. L.: Verso.
- Desmarais A. A.* (2007). *La Vía Campesina. Globalization and the Power of Peasants*. Halifax: Fernwood Publishing.
- Djurfeldt G.* (1981). What Happened to the Agrarian Bourgeoisie and Rural Proletariat Under Monopoly Capitalism? Some Hypotheses Derived from the Classics of Marxism on the Agrarian Question // *Acta Sociologica*. Vol. 24. № 3.
- Friedmann H.* (1993). The Political Economy of Food: A Global Crisis // *New Left Review*. № 197.
- Kay C.* (1974). Comparative Development of the European Manorial System and the Latin American Hacienda System // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 2. № 1.
- Kay G.* (1975). *Development and Underdevelopment*. L.: Macmillan.
- Kitching G.* (2001). *Seeking Social Justice through Globalization*, University Park PA: Pennsylvania State University Press.
- Koning N.* (1994). *The Failure of Agrarian Capitalism. Agrarian Politics in the United Kingdom, Germany, the Netherlands and the USA, 1846–1919*. L.: Routledge.
- Mamdani M.* (1996). *Citizen and Subject. Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Cape Town: David Philip.
- Marx K.* (1976). *Capital*. Vol. I. Harmondsworth: Penguin Books, 1976 (first published 1867; translated by B. Fowkes).
- McMichael P.* (2006). Reframing Development: Global Peasant Movements and the New Agrarian Question // *Canadian Journal of Development Studies*. № 27.
- Moore Jr. B.* (1966). *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Peters P. E.* (1994). *Dividing the Commons. Politics, Policy and Culture in Botswana*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Peters P. E.* (2004). Inequality and Social Conflict over Land in Africa // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 4. № 3.
- Sender J., Smith S.* (1986). *The Development of Capitalism in Africa*. L.: Methuen.
- Freyhold, von M.* (1979). *Ujamaa Villages in Tanzania. Analysis of a Social Experiment*. L.: Heinemann.
- Warren B.* (1980). *Imperialism: Pioneer of Capitalism*. L.: Verso.
- Weis T.* (2007). *The Global Food Economy. The Battle for the Future of Farming*. L.: Zed Books.
- Wolf E.* (1969). *Peasant Wars of the Twentieth Century*. N. Y.: Harper and Row.

ТЕОРИЯ

*Henry Bernstein*, Professor of Development Studies of the University of London at the School of Oriental and African Studies, Adjunct Professor at the College of Humanities and Development Studies of China Agricultural University, Beijing; coeditor of *Journal of Agrarian Change*. Thornhaugh Street, Russell Square, London WC1H 0XG, United Kingdom. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk.

*Irina Trotsuk*, D.Sc (Sociology), Associate Professor at the Sociology Chair of Peoples' Friendship University of Russia; Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

This article is an abridged version of the book "Class Dynamics of Agrarian Change". The author believes that to understand the agrarian change in the modern world we need to analyze capitalism as a system of relations between capital and labour, which alters the social character of small-scale farming, generates "subsistence commodification", and creates not a single class of peasants or family farmers, but rather differentiated classes of small-scale capitalist farmers, petty commodity producers, and wage labour. The author uses Marx's theory of the capitalist mode of production to make sense of diverse and complex agrarian histories of the modern world, and to propose some "very general themes" of the world-historical career of capitalism instead of simple, ideologically attractive morality tales on peasant world and its transformations. The author presents his interpretations of the concepts "production", "productivity" and "reproduction" emphasizing the role of active subjects (agents); proposes the general logic of the historical relationships of colonialism and capitalism that determined the large-scale agrarian change on all continents; identifies new forms of the world capitalist system organization under the neo-liberal globalization; highlights the role of resistance against capitalist exploitation and land reforms in the development of modern agriculture.

*Key words:* political economy; agrarian change; capitalism; colonialism; class of capitalists; class of petty commodity producers; class of wage labour; Marx's theory.

### References

- Amin S. (1976) *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. Hassocks: Harvester Press.
- Bagchi A. K. (2009) Nineteenth Century Imperialism and Structural Transformation in Colonized Countries / A. H. Akram-Lodhi, C. Kay (eds.). *Peasants and Globalization, Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question*. L.: Routledge.
- Bello W. (2009) *The Food Wars*. London: Verso.
- Bharadwaj K. (1985) A View of Commercialisation in Indian Agriculture and the Development of Capitalism. *Journal of Peasant Studies*, vol. 12, no 4.
- Chayanov A. V. (1966) *The Theory of Peasant Economy*. D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (eds.). Homewood, Illinois: Richard Irwin for the American Economic Association.
- Crosby A. W. (1986) *Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davis M. (2001) *Late Victorian Holocausts. El Niño Famines and the Making of the Third World*. L.: Verso.
- Desmarais A. A. (2007) *La Vía Campesina. Globalization and the Power of Peasants*. Halifax: Fernwood Publishing.
- Djurfeldt G. (1981) What Happened to the Agrarian Bourgeoisie and Rural Proletariat Under Monopoly Capitalism? Some Hypotheses Derived from the Classics of Marxism on the Agrarian Question. *Acta Sociologica*, vol. 24, no 3.

- Friedmann H. (1993) The Political Economy of Food: A Global Crisis. *New Left Review*, no 197.
- Kay C. (1974) Comparative Development of the European Manorial System and the Latin American Hacienda System. *Journal of Peasant Studies*, vol. 2, no 1.
- Kay G. (1975) *Development and Underdevelopment*. L.: Macmillan.
- Kitching G. (2001) *Seeking Social Justice through Globalization*. University Park PA: Pennsylvania State University Press.
- Koning N. (1994) *The Failure of Agrarian Capitalism. Agrarian Politics in the United Kingdom, Germany, the Netherlands and the USA, 1846–1919*. L.: Routledge.
- Mamdani M. (1996) *Citizen and Subject. Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Cape Town: David Philip.
- Marx K. (1976) *Capital*. Vol. I. Harmondsworth: Penguin Books.
- McMichael P. (2006) Reframing Development: Global Peasant Movements and the New Agrarian Question. *Canadian Journal of Development Studies*, no 27.
- Moore Jr.B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Peters P.E. (1994) *Dividing the Commons. Politics, Policy and Culture in Botswana*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Peters P.E. (2004) Inequality and Social Conflict over Land in Africa. *Journal of Agrarian Change*, vol. 4, no 3.
- Sender J., Smith S. (1986) *The Development of Capitalism in Africa*. L.: Methuen.
- von Freyhold M. (1979) *Ujamaa Villages in Tanzania. Analysis of a Social Experiment*. L.: Heinemann.
- Warren B. (1980) *Imperialism: Pioneer of Capitalism*. L.: Verso.
- Weis T. (2007) *The Global Food Economy. The Battle for the Future of Farming*. L.: Zed Books.
- Wolf E. (1969) *Peasant Wars of the Twentieth Century*. N.Y.: Harper and Row.

## Формы жизни и ландшафты культуры

С. Д. Домников

*Сергей Дмитриевич Домников*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН. 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1. E-mail: domino-70@mail.ru

Автор рассматривает как исходное основание мировосприятия и первичное условие формирования культурной традиции комплекс отношений человека с ландшафтом. Этот базовый уровень социально-экологической организации в статье представлен как система пространственно-технологического и адаптивно-экологического порядка, которая конструируется отношениями человека и ландшафтной среды, совокупностью жизненно важных и культурно значимых для человеческого существования объектов внешнего мира. Главной функцией культуры оказывается адаптивная, тогда как ландшафту отводится активная роль в оформлении человеческого мира: в усвоении первичных хозяйственных навыков, развитии технологий и связанных с ними программ и стратегий жизнедеятельности. По мнению автора, в исторически достоверных моделях культуры воплощаются типологически разные формы социального ландшафта, организующие во времени и пространстве локальные «жизненные миры». Так, классический ландшафт включает в себе область «нехватки Другого», в обращенности к которому формируются язык и культура, знаки и символы, отпечатывающиеся на теле живого ландшафта. Автор фокусирует свое внимание на исследовании генезиса аграрной культурной традиции, для чего рассматривает соотношение дискурсов экзистенциально-феноменологической философии и философской антропологии в перспективе изучения «форм культуры». Автор следует общей эволюции классической проблематики античной антропологии с различением *dzōon* (живое) и *bios* (форма жизни), которая развивается в направлении проблематизации «символической формы» в современной философии культуры (Э. Кассирер). Также в статье прослеживается применение данного корпуса методологических подходов к проблематике философии культуры и экологии ландшафта культуры.

*Ключевые слова:* тотемизм; антропология; форма жизни; форма культуры; символическая форма; ландшафт культуры.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-38-67

Исходным основанием мировосприятия и первичным условием формирования культурной традиции является комплекс отношений человека с вмещающим ландшафтом. В архаическом сознании человек, по определению В. Н. Топорова, есть «особая ипостась или инобытие места, характеризующееся, условно говоря, „активностью“, а место — особая ипостась человека, разыгрывающего на новом уровне идею места сего и являющегося как некий дух места, как его персонификация» (Топоров, 2000: 84). Исходной характеристикой *своего* места выступает его обусловленность «кормящей» функцией, а идеологической основой «причастности месту» — материнский комплекс кормящего ландшафта.

Этот базовый уровень социально-экологической организации представляет система пространственно-технологического и адаптивно-экологического порядка. Он целиком определяется со-от-

ношением человека и ландшафтной среды, совокупностью реальных жизненно важных и культурно значимых для человеческого существования объектов внешнего мира. На этом уровне культура выступает прежде всего в своей адаптивной функции. Именно вмещающему или кормящему ландшафту принадлежит активная роль в оформлении человеческого мира: усвоении первичных хозяйственных навыков, развитии технологий и связанных с ними программ и стратегий жизнедеятельности.

### **Ландшафт и культура**

В исторически достоверных моделях культуры воплощаются типологически различные формы социального ландшафта, организующие во времени и в пространстве локальные «жизненные миры». Во всех доходящих до нас сведениях о культурном прошлом самых разных обществ в той или иной форме освещаются динамически развертывающиеся процессы онтогенеза, закрепляемые в качестве культурных моделей (типов и уровней) отношений к миру. Каждый из этих уровней восприятия в фиксируемых моделях текстовых репрезентаций отличается глубиной и объемом, но вместе они составляют своего рода матрицу восприятия мира человеком. Наполняемость этой матрицы не только в диахроническом, но и в синхронистическом срезе естественно отличается для разных сред и людей, носителей ментальности социальных страт, культурных и социальных позиций и т. п. Но вместе с тем она составляет основание социальной памяти и выступает носителем программ социально-культурной идентичности общества в целом. Ее ячеистая структура вполне отвечает представлениям экономической и социальной антропологии о принципах пространственной организации традиционных обществ.

Вертикальная динамика ее сетевых параметров вполне соответствует тезису экономической антропологии, предлагающей рассматривать общество как сетевой режим многоуровневых отношений взаимного труда, обмена и обязательств. Уточняя базовые характеристики относимых к тому же порядку крестьянских обществ, Дж. Скотт объединил их термином «моральная экономика», или «этика выживания» (Скотт, 1992а, 1992b). В таких обществах, по мнению К. Поланьи, можно выделить два полярных способа социально-экономического взаимодействия: реципрокцию и редистрибуцию (Polanyi, 1971, 1944, 1959). Низовые элементы социально-экономического взаимодействия предполагают режим реципрокции — обязательного дарообмена между сородичами, близкими соседями и друзьями. Верхние уровни социальности, организованные властными структурами, образуют режимы редистрибуции — обязательных деяний центральной власти, использующей их для своих и общественных нужд, а также как резервный фонд, предназначенный в том числе для перераспределения.



«Примитивные экономические системы организованы так, что размещение труда и земли, организация производства в области земледелия, скотоводства, строительства и т. д., а также распределение произведенных продуктов и услуг специалистов выражаются в обязательствах по отношению к родственникам, членам племени, в религиозном и моральном долге» (Polanyi, 1971; цит. по: Антонова, 1998: 25). Общественные отношения этого типа, предполагающие сетевую пространственную организацию, очевидно, конвертируются в общую вертикаль сложно структурированной сети организующих социальность отношений обмена — распределения.

Таким образом, исходный уровень социально-экологической организации представляет собой система пространственно-технологического и адаптивно-экологического порядка. Она целиком определяется соотношением ландшафта и реальных, то есть доступных человеку, технологических средств и навыков, в формировании которых активная роль принадлежит вмещающему или «кормящему» человека ландшафту или природной среде (среде обитания). Высшие уровни образуются надлокальными принципами социальной организации. Взаимообуславливая друг друга, общество и ландшафт образуют территориально-организованный режим взаимной адаптации социального и природного порядков.

Именно на низовом уровне адаптивные режимы определяют определенные виды традиционных занятий, технологии и стратегии местного населения, предлагают наборы программ и обуславливающий их ресурсный потенциал, способствующий развертыванию тех или иных видов практической деятельности. Каждая из них представляет достаточно жесткую сетчатую структуру, накладываемую одна на другую, с достаточно устойчивыми параметрами хозяйственно-технологических, мифоритуальных и идеологических скреп. Поддерживая и взаимообуславливая друг друга, эти структуры образуют единую и сверхпрочную сеть социальных позиций, связей, отношений, а также обосновывающих их мифологик и идеологем, плотно охватывающих общество, пронизывающих его насквозь, цементирующих изнутри и снаружи и стягивающих его сетями традиции.

Высокая плотность этих сетей обуславливает тотальность заключающего человека универсума, жесткость внутрисоциальных отношений вплоть до полного смешения субъект-объектных характеристик. Следствие этого — непрерываемость авторитета традиции, которая вся — воплощение живой ткани социальности и принципа всеобщей связи, претворенное в ландшафте и слитое с социальностью сакральное тело тотема.

### **Ландшафт и тело тотема**

Термины «тотемизм» и «тотем», отмечает О. М. Фрейденберг, вполне условны и восходят к первобытной дородовой архаике. «В науке

этим термином было названо своеобразное явление у нецивилизованных народов — объединение коллективов по признаку не кровного родства, а принадлежности к одному тотему — животному или растению, которое являлось якобы их общим родоначальником. <...> Основная черта так называемых тотемистических представлений — слитность в них внешней природы и человеческого общества, с одной стороны, и слитность в них единичности со множественностью — с другой. <...> В силу нерасчлененности субъекта и объекта природа и люди кажутся зверьми, растениями, камнями; это зависит от того, чем коллектив занимается, что более всего находится в поле его зрения. Конечно, о кровном родстве еще не может быть и речи. Вожак с людским коллективом представляется тотемом, это значит, в переводе на наш язык понятий, единично-множественной видимой природой — светилом, зверем, камнем, растением» (Фрейденберг, 1998: 30–31).

Этот способ мировосприятия непосредственно связан с определяющей на ранних этапах культурогенеза функцией «правополушарного типа мышления» (Коул, 1997; Найссер, 1981; Режабек, 2003). С позиций когнитивной психологии «восприятие обычно начинается с размытого, недифференцированного целого, которое постепенно модифицируется и разрабатывается...» (Режабек, 2003: 36). «Первичная, биологически значимая ориентация в мире происходит по контурному очертанию предмета, по его нерасчлененному абрису. <...> Правополушарное мышление — это мышление, ретуширующее демаркационные линии между вещами. Затусhevывание специфики отдельных фрагментов позволяет „схватывать“ и оценивать ситуацию в целом, без детального анализа составляющих ее элементов» (Режабек, 2003: 38–39). В расплывчато-иррадирующем образе признаки вещей «скользят и колеблются», незаметно переходят друг в друга. Для правополушарных образов характерен неустоявшийся, зыбкий способ кодирования информации.

Эти особенности и рудименты первобытного мышления, обусловленные культивированием архаическими и традиционными культурами «правополушарного типа мышления», фиксируются мифом и сохраняются на стадии родовой и позднее территориальной общественной организации.

Наличие в истории «эпохи тотемизма» для многих серьезных исследователей является проблематичным и как минимум недоказуемым. С этим вряд ли можно поспорить, поскольку то, что называют тотемизмом, включает в себе предпосылку любого мифологического мышления. Поэтому примем всю условность термина «тотемизм». Тотемизм — та первичная форма и способ мышления, которую О. М. Фрейденберг назвала «рождающей эпохой» в культуре. Это определение в полной мере относится и к характеристике онтогенеза человека. На ранней детской фазе сознание ребенка функционирует в своем правополушарном режиме, не различающем субъект-объектных характеристик, и только позже подключается

левое полушарие головного мозга и обеспечивающие его развитие неокортикальные отделы. Но всякий рационально мыслящий взрослый осознает, что детские комплексы неизживаемы, они сопровождают человека на протяжении всего жизненного пути, представляя «второй план» восприятия и в определенном смысле являя его основу. Именно в них при всей их иррациональности укоренены генетические программы и биологические коды, заключена вся родовая история человека. И исторически, и онтогенетически они всегда будут иметь более длительную биографию, нежели биография рационального. Для архаического мироощущения, если попытаться сформулировать его интуиции, эта «другая реальность» аффективного бессознательного представлялась, вероятно, не иначе как проникающая вовнутрь человека власть тотема, свидетельство его всеприсутствия и произвола.

### **Тело мира и ландшафты присутствия**

Итак, «субъектно-объектное мировосприятие, а также предметное восприятие времени и пространства <...> создают особую картину мира. В тотемистическом универсуме Человек представляет себе, что его жизнь и жизнь природы — одно. Все, что происходит во внешней природе, происходит и с ним». В этом способе мировосприятия «пространственные ощущения — самые ранние. Они вызывают первые восприятия явлений в форме образной наглядной конкретности» (Фрейденоберг, 1998: 32). Через совокупность внешних образов (форм) окружающих человека тел и вещей в архаическом сознании формировался образ мира как всевещающего космического тела, подвижного и изменчивого, тела тотема — живого существа и природного мира как такового, вбирающего человека без остатка. В его фантастическом облике сливались пространство и время, единичное и всеобщее, универсальное и локальное, прошедшее и будущее. В тотемном архетипе мир развернут к человеку параметрами своего-освоенного, расцениваемого как дар и благо, предназначенное к усвоению и потреблению. Тотемизм определил собой первичную форму мифологического мышления и предопределил наследующие его формы сознания как драматизированные, связанные с переживанием мира как «распада» архетипического образа первобытного тотема, его претворения в природное многообразие. Но с этим же мотивом связан мотив жертвенности, передачи себя — собственного тела в прокормление своим потомкам.

В работе, посвященной исследованию славянских терминов родства, О. Н. Трубачев останавливается на известном факте распространенности у ряда индоевропейских и других народов древности поликефалических (многоголовых) фигур. Для полабских и балтийских славян наличие поликефалических изваяний отмечал еще Л. Нидерле. Среди поликефалических изображений он упоминает

о знаменитом четырехликом збручском идоле, Четырехбоге, Триглаве, пятиглавом Поревите, семиглавом Ругиевите. Чехословацкий этнограф Крушина-Черный также останавливался на феномене многоголовости, отмечая его связь с другим феноменом — многососцовости, которым представляется «кормящее тело».

Привлекая широкий круг пластических изображений славянских, галльских, греческих, фракийских, сибирских, индийских, ассирийских и других богов, он особенно останавливается на каппадокийских изваяниях из Малой Азии. По мнению Крушины-Черного, многоголовые изваяния представляют собой «образы общественной организации, при которой они могли возникнуть. В частности, интересна поликефалия каппадокийских фигур как отражение культа праматери. От нее идут две линии: одна — в направлении поликефалии вообще, позднее — мужской поликефалии, другая — в направлении полимастии (многососцовости), то есть абстрагированного изображения *природного плодородия*» (Трубачев, 2007: 8–9). Трансформация образов от поликефалии к полимастии, возможно, является следствием перехода номадических сообществ (кочевых в недавнем прошлом народов) к оседлости и открытию *кормящей функции ландшафта*, с которым непосредственно сливается образ многоликой социальности.

О. Н. Трубачев в этой связи обращает внимание на «необходимость проводить различие между поликефалией как первичным явлением (непосредственное отражение родовой организации) и дальнейшим развитием ее как самостоятельного иконографического типа. Есть примеры мужской поликефалии и ряд переходных (от женских к мужским) форм. Интерес представляет первичная поликефалия — несомненный образ современной социальной организации и, насколько можно судить по полимастии и другим женским чертам фигур, — именно матриархального рода» (Трубачев, 2007: 9).

### Человек в зеркале ландшафта

Тотемистический архетип находится в основании всякого мифологического сознания, мышления и действия. «Восприятия времени в виде вещи, причинности в форме тождества причин и следствий — эти восприятия, облеченные в слово, создают миф, облеченные в поступок — создают действие. Миф не есть какой-то жанр, как жанром, например, является рассказ». Миф зарождается с первыми зачатками дискурса и представляет собой вначале «образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время поняты нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины» (Фрейденоберг, 1998: 32). Однако это весьма своеобразный дискурс, оперирующий домостоименными и предпадежными формами, не знающий синтаксиса и граммати-

ки, не «повествующий» о или *про* нечто, но топологизирующий самого субъекта «вовне» в это «нечто» (экстериоризация), но также качественно «переводящий» это «нечто» извне — вовнутрь самого субъекта (интериоризация). Истоки синтаксиса образуются в этих экспрессивных эллипсах субъекта и объекта, которыми субъект «проглатывается» объектом, как и объект «поглощается» субъектом в топологии безлично осуществляемого действия.

Речь идет и о феноменологии зарождающихся языковых структур. К таковым феноменам в лингвистике обращается О. Н. Топоров при изучении проблемы деиктических «местоимений» на примере синтагмы и.-е. *\*egʰ-om & \*men-*. «Почему нельзя ограничиться только этим „местоименным“ толкованием синтагмы *\*egʰ-om & \*men-* и почему нужно за местоименным *\*men-* искать его „доместоименный“ смысл? Говоря в общем, потому что деиктическое *\*egʰ-om* указывает только на место, а место-образующая функция и для мифопоэтического сознания, и для всей философской линии от Платона до Гейдеггера предполагает реальное *заполнение места неким телом*, принадлежащим этому месту, и, в свою очередь, его если не образующим, то реализующим, актуализирующим. Это исходное отношение места и тела, его заполняющего, стало локусом, в котором началось оформление категории притяжательности и сложение системы отношений, в которые может входить это тело („пред-падежная“ стадия)» (Топоров, 1993: 135–136). В таком дискурсе нет причинно-следственных связей, и все формы отношений — суть телесные манифестации Одного. Как пишет О. М. Фрейденберг, «миф и есть морфологическая форма такой антикаузальной системы тождественных, предметных, субъектно-объектных представлений. <...> Мифом служат и действия, и вещи, и речь, и «быт» первобытного человека, то есть все его сознание и все то, на что направлено его сознание. Потому-то и принято такое сознание называть мифотворческим...» (Фрейденберг, 1998: 32–34). Однако этот образ тотального всеединства уже фиксируется мифом как смысл. Миф в своих истоках — это наглядное представление о связности одного с другим, лишенное всякой законосообразности и причинности: вещи с вещью; явления с признаком; причины с явлением и необязательно со следствием; части с целым; вещи с производимым им эффектом/ощущением; следствия с сопровождающим его обстоятельством и т. п. Такое всесмешение возможно именно потому, что присутствует некий доминантный образ всевбирающего в себя тела, актуального объекта, каковым выступает тело мира, социальности, ландшафта и т. п., то есть «тотема».

### Обретение места

Тотем, в котором можно угадать как отпечаток действия Другого, так и след собственного альтер эго, и есть ландшафт, мир как таковой, воплощенный в конкретности опыта освоения места, его за-

мкнутости и средоточии как места обитания коллектива, проникнутого взаимными воздействиями, воспринимаемого как внутренность общего социального тела — сакрального тела тотема. «Людской коллектив в силу тотемистических представлений носит имя тотема, и это есть имя племени, клана, имя единично-множественное. <...> Топонимика и этнонимика показывают, что названия местностей и племен совпадали и носили имя тотема. Местность считалась живым существом, одновременно и мертвым — землей, или водой, или горой-небом» (Фрейденберг, 1998: 39–40). Именно общность места и причастность одному месту преодолевает все видимые различия в пространстве видения членов оседлого коллектива. Именно местность отныне представлялась источником социальной общности и физического родства, она — вместилище тел и вещей, мертвых и живых, формирующих образ самого места.

В одном из тотемических мифов южноамериканских индейцев, исследуемых К. Леви-Стросом, можно наглядно представить, каким образом человек связывает свое существование с существованием ягуара (Леви-Строс, 2007). Жизнь животного и его смерть отождествляются с циклом жизни человеческого коллектива. Охотничья магия целиком сосредоточена на установлении связи человека и животного, подчинении промыслового животного воле человека. Заговоры и заклинания «ловили» животное в словесные сети, пронзали его воображаемыми копьями и стрелами, «опутывали» его человеческими желаниями. Танцевальные движения не просто магически пленили зверя, но и вырабатывали и формировали навыки коллективного действия. Животное должно выйти на нужную тропу, попасться в расставленные ловушки или оказаться на доступном для нападения расстоянии, оно должно подставить нужную часть тела для пущенной стрелы или метательного снаряда. Магия и повторение являются источником внушения метафизической связи и полной взаимности субъекта (желания) и объекта (желания).

Образ животного в мифах представлен амбивалентными характеристиками. Оно — верховное божество, источник надежд на выживание группы и разного рода благодеяний, главным среди которых мыслится само рождение человека от животного. Но оно же и источник страхов. Его тень и его рык мерещатся повсюду. В одном из мифов Леви-Строса ( $M_{9a}$ ) герой, двигаясь по направлению к дому, слышит три зова: скалы, дерева арозйра и гниющего дерева. Путник предполагает, что зов издает преследующий его ягуар. В архаическом мифе в этой связи можно предположить способность ягуара воплощаться или превращаться в дерево, скалу и другие тела и объекты ландшафта. Именно ягуар, мясо которого использовалось в пищу, в мифе выступает кормильцем, но в опосредованной форме: он кормит изголодавшегося героя мифа, причем жареным мясом, в то время когда человек не знал огня и жарки. В тотемной мифологии с ягуаром связаны и всевозможные культурные обретения человеческого коллектива. Они же приурочены

и к определенным пространственным объектам, которые суть простертое в пространстве тело ягуара. Огонь вместе с навыками его добывания и сохранения и даже жарка мяса являются навыками, которым человек научился у ягуара и приобрел в его пещере. Лук и стрелы ягуар добыл в лесу и подарил человеку, рассказав, как ими пользоваться. Он обучил человека ходить тайными тропами и понимать следы. Ягуар привил людям анатомические знания и навыки обращения с собственным телом. Он показал человеку, где находится сонная артерия ( $M_{12}$ ), научил его смертельному удару и т. п.

В архаическом охотничьем мифе, основанном на охотничьей магии, можно предположить, что весь комплекс вещей, знаний и навыков, связанных с охотой на ягуара, целиком ассоциирован с его сущностью и мифы о дарении охотничьих знаний и оружия можно отнести к тому же архаическому комплексу. В качестве объекта охоты животное превращалось в субъект любого «охотничьего сценария», с которым знакомили молодежь племени: так ягуар становится основным актантом инициатического мифа. Знакомство с повадками хищника, вероятно основанное на успешной охоте и добыче этого дикого зверя, связано с представлением о мужестве. Когти ягуара и его шкура и, вероятно, другие части его тела (лапы, череп и пр.) становились знаками отличия для прошедшего инициацию и, таким образом, означали переход из подросткового во взрослое состояние, получение права на интимные отношения со взрослыми женщинами из противоположного клана, а при оседлом образе жизни — на обзаведение женой и семьей и т. п. Аналогичная тема становится достоянием сюжета «сакрального брака» между человеком и диким животным. Секс (с животным) и смерть (животного) некоторым образом увязываются в архаическом мифе.

В земледельческую эпоху при переходе к оседлому образу жизни и культу дома, с которым связано происхождение малой нуклеарной семьи, у ягуара появляется ревнивая и мстительная жена. Именно она оказывается содержанием образцового дома «царственного животного» ягуара, в котором мифологический персонаж-человек, незнакомый с домашним образом жизни и способом приготовления пищи на огне (то есть с жаркой мяса), обнаруживает горящий очаг, откуда он получает пылающие угли. Непосредственно у жены ягуара он находит прялку и приобретает знания о прядении и инвентарь для прядения ( $M_8$ ). Можно предположить, что это позднейшие напластования опыта оседлого земледельческого образа жизни и вновь обретенных на этом этапе развития общественного сознания и культуры навыков нарративной организации текста и в целом мифопойесиса на матрицу архаического охотничьего мифа.

Ягуар был не просто жителем степной саванны или лесной сельвы, он был царственным животным. И человек, переживая себя сопричастным жизни животного, располагал себя в одном с ним иерархическом статусе. Степень близости животного и человека является предельной вплоть до полной тождественности либо со-

стояния родства. Классическая клановая тотемическая организация первобытной жизни исходила из признания животного-тотема прародителем человеческого коллектива. В архаических мифах по всему миру Животное представлялось ближайшим родственником предков человека, прародителем человеческого коллектива, изображалось в качестве покровителя живущих поколений людей, трактовалось как царственное животное.

Архаический мотив господства животного представлен в виде сюжета с охотой ягуара за тенью человека. Это явно «ослабленная» версия мифа, но его распространенность в многочисленных версиях одного и того же мифа у разных племен и групп индейцев свидетельствует о том, что некогда миф об охоте зверя на человека имел всеобщую актуальность.

Животное в древние времена — центр и основание жизни первобытного племени, поэтому оно ассоциируется с нуждами группы как таковой. Оно — объект культа и магических процедур, источник страхов и влечений, помыслов и надежд первобытного человека. Его охотничьи тропы — это маршруты передвижений людей-охотников. Замыслы животного, его нрав, его намерения и желания — объекты пристального наблюдения человека, а его ловкость, сила и быстрота — объекты желания, имеющего целью не только поражение, но и овладения и причащения человеком-охотником. Еще Аристотель в «Никомаховой этике» заметил, что в своих желаниях человек преследует сверхцель обладания чужими желаниями. А З. Фрейд связывал эту установку с наследием архаической магии. Таким образом, уже в исходных установках действий существование зверя оказывается сопрячено культурной жизни человека, животное превращается в зеркало, в которое всматривается человек, силясь обнаружить источник собственной идентичности. Поэтому и царственное животное мерещится человеку повсюду.

Отношения с животным строятся на основании взаимности. Человек убивает животное, но он и подчиняется животному. Это отношение дара и обмена. Человек соблюдает в отношении с животным строгие правила: не убивает зря, не охотится на детенышей, сохраняет в неприкосновенности отводимый для животного участок леса или саванны. Это означает связь с животным, предполагающую как возможность его убийства, так и заботу о животном, создание условий для воспроизводства его вида. В этом — секрет амбивалентности таких отношений, особого понимания взаимности.

### **Место и имя**

Видение чего-либо, то есть восприятие в тотемическом мифе, означает проявление тотема, сливающего видящего (субъекта) и видимого (объекта) в «пространстве видения». Проявление означает узнавание, а следовательно, фиксацию позиции места, подлежащего име-



нованию, то есть освоению и утилитаризации, но также мифологизации и сакрализации. Именование не просто актуальность для меня, само именование относит вещь к инстанции своего и тотемного (социального и всемирного). Выход в имя, устанавливающий отношение животного или растительного (тотемного) и человеческого, отмечает выход в пространство *собственного*, обозначаемого, к примеру, в архаическом Египте иероглифом «что от плоти» (Перепелкин, 1966: 118; 1988: 30 и сл.)<sup>1</sup>. Обнаружение причастных к моему телу и его нуждам (а также к телу и нуждам других) мест и вещей сопровождается выделением связанных с ними локусов (вещающих их пространств-тел). Апперцепция «произведенный, рожденный, вскормленный (матерью)», по мнению О. Н. Трубачева, была заложена в освоение раннесоциальных терминов родства (Трубачев, 2007: 56).

Но только с переходом к оседлому образу жизни имена оказываются носителями характеристик вещей, отличимыми от статуса и телесности их обладателя. Только относительно устойчивости позиции места мир начинает фиксироваться в метафорических отношениях вещей, их движении и сообщении. В эргативной трансформации языка, классифицирующего объекты по двум основным классам — одушевленности (активности) и неодушевленности (пассивности), тела и вещи становятся обладателями самобытных миров. Автономность человеческого мира определяется через осмысление автономности миров птиц и животных, рыб и пресмыкающихся, трав, деревьев и кустарников, отдельных ландшафтов и природных объектов — водоемов, горных круч и ущелий, равнин и оврагов и т. п.

Каждый локус, уже посредством именованной обретающий олицетворяющего его «хозяина», и каждый хозяин места превращались в агента и участника (экономических) отношений взаимных даров и обменов. Он становился сотворцом сети взаимного кормления и, таким образом, представителем социальности и участником коммуникации, игроком на поле взаимодействующих и ритуально проявляемых слов, тел и вещей.

Узнавание и именование — предпосылка и начало освоения места, начало обживания ландшафта, выделения в нем актуальных объектов — мест привлекательности и связанных с ними вещей и идей. Перемещение вещей, обращение с вещами может означать перемещение фрагментов места, в том числе приближение того или иного к пространству *освоенного*. Тотемический архетип в оседлом мире переносится на пространство внутреннего мира и обитания человека. Само жизненное пространство наделяется тотемными характеристиками, а погребение предков в орбите этого пространства превращает его в родовое существо.

Вещь как носитель качеств места и само место — одновременно но миф, локус, тело, время, пространство. Образ мира здесь — ми-

1. Варианты: «сотворенное мышцей моей собственной» или «что от особы» и т. п. См.: Берлев, 1972: 172, 174 и сл.

фологический сценарий «обращаемости» вещей и миров, бесконечный поток взаимных жертв, даров и обменов. Через приобщение к вещи приобщаются к месту и друг к другу. В этом потоке обретения сопровождают потери; проявления-обретения сменяются исчезновениями-уходами, смертями и разрушениями. Именно таковые обрывы интенсифицируют движение даров и услуг, а места разрывов скрепляются, «сшиваются» сетями обменов. Погребения предков, места захоронений — объекты особого почитания — места ухода тотема, источающие энергию взаимного влечения и связи миров.

Погребальные обряды во всех культурах выражают концепцию движения тел и вещей, способ существования мира, не терпящего никаких разрывов. Кладбище превращается в центр социального единения и ритуальную площадку. «А. Н. Веселовский приводит факты побратимства: если целуются на кладбище через венки, то тем самым становятся родными, мужчины — братьями, женщины — сестрами. Кладбище здесь — сценарий, на котором происходит рождение из земли, со-рождение с растительностью, и это рождение из земли представляется также рождением из неба, через венки, круг, диск, как светило. У скифов жарили быка, садились на его шкуру, делили мясо, и кто съедал кусок, тот становился союзником» (Трубачев, 2007: 41 и сл.). Тело-шкура быка здесь олицетворяет тело тотема, как и кладбище — тело предка, причащение которого соединяет людей в единый круг живых и мертвых. «...Путем еды или питья (смазывания) крови люди становились как бы соплеменниками (союзниками, кунаками). Обмен вещами создавал тот же институт социальной близости, потому что вещь тоже представлялась тотемом. Отсюда произошел обычай обмена подарками».

### **Внутренний мир и пространство освоенного**

Феноменология дара уходит корнями в архетипику тотемистического мифа. Но прагматика дара не имеет никакого отношения к экономике и долгосрочным стратегиям обмена, лишена какой бы то ни было хозяйственной парадигматики, предполагающей обращение с различиями. Лишена она и нравственно-этического содержания. В ее основе — семантический образ тотальной целостности и единства, не знающего и не принимающего различий. Его цели — ближайшие и конкретные — единение, соитие, нейтрализация дискомфорта от встречи с отличным и обособленным, преодоление фиксируемого «встречей» разрыва. Его задача — стирание различий, нейтрализация и преодоление «инаковости» за счет поглощения Другого, включения в собственный телесный «состав», претворение в тело ландшафта. Тотемизм не знает и не терпит разрывов и обособленностей, это стратегия «ближайших» планов: фиксация (видение/рождение/проявление) — захват (смерть/поглощение/

насилии). Сама социальность здесь предполагается посредством причастности телу тотема и кормящему ландшафту, это, собственно, и не социальное, но непроницаемое тотемное бытие.

Социальность как способ репрезентации человеческой самости начинается с фиксации места, образуемого в качестве локуса параметрами различий, с выделения пространства своего/освоенного, отделяемого от иного, существующего по себе («особого», то есть обособленного), закрытого и комфортного. Маркером такового пространства становится оседлое поселение и дом, образующий в нем центр средоточия автономной жизни семейно-родственных групп. В неолитическую эпоху утверждается практика захоронений предков под полами домов — собственными телами социальность прорастает в землю, таким образом, возникает миф «строительной жертвы» или «сакрального брака» предка (мужчины, рода) и земли (женщины, места), гарантирующих связность (родственность) с местом. Такой образ социальности непосредственно восходит к тотемистическому архетипу. Но и впоследствии обособленность домашнего мира, связанная с образами детства, формирует представление о ближайшем человеку домашнем мире как существующем особо, обособленно от других миров. Но это уже и разрыв с тотемизмом, обнаружение в мире различий и инаковостей, от которых, собственно, и требуется укрытие и обособление.

Близкий круг — как и внутреннее пространство дома — обладает свойством невидимости, прозрачности, все здесь знакомо и близко, подчинено издавна заведенному порядку вещей, находится в круге непосредственной обращаемости, по выражению М. Хайдеггера, наделено качеством «подручности», свершается привычным ходом, как будто само собой. Детский или даже внутриутробный архетип «материнского кормления» срабатывает здесь со всей определенностью, материнское тело всегда рядом и «вокруг»: мир свершается как бы *вокруг и для* человека, всецело направлен на его нужды и служит его потребностям. Младенцу достаточно подать знак криком или проигнорировать детским «дай» и «хочу», чтобы получить желаемое.

Домашний мир свершается по этим законам утробного благополучия. Одно здесь перетекает в другое, пересекается, накладывается и наращивается, скрещивается и поглощается. Здесь сливается «всё со всем», отражается «всё во всём». Через овнутривание человеку открывается образ мира как «всеобщей пригнанности вещей», мира, в котором вещи «соприкасаются краями, их грани соединяются друг с другом, и конец одной вещи означает начало другой. Благодаря этому происходит передача движения, воздействия, страстей, да и свойств от вещи к вещи... Пригнанность (*convenientia*) — это сходство, связанное с пространственным отношением ближнего к ближнему, выражающее соединение и слаженность вещей...». Такой «мир — это всеобщая пригнанность вещей» (Фуко, 1994: 55).

В этом мире, взятом самим по себе, невозможна проблематизация. Но этот мир уже обладает границами: стены дома отделяют

его от внешнего мира, а сам мир отсрочивает свое соприсутствие в доме границами территории совместного поселения. Тема домашнего хозяйства сводится к физиологическим процессам, свершается внутри социального тела. Для нее применима физиологическая терминология «захвата», «поглощения», «срачивания», выхода вовне и погружения вовнутрь. Так в античной культуре возникает дихотомия Космоса и Хаоса: украшенного, добротного сколоченного мира (Космос) и зияющей бездны и всепоглощающего чрева (Хаос). Деятельность сводится к физиологическим процессам органического обмена и непрерывного насыщения, к неисповедимым законам утробной витальности. В этом мире человек и себя ощущает функцией вещей, служащих кормлению, а сами вещи — продолжением собственного тела. Но вещь, как и дом, это уже изъятость из среды, присутствие формы в облачении бесформенного.

### Домашняя экономика

Концепция дома, которая оформляется в неолитическую эпоху, воспроизводит образ тела, простирающегося в мир. И в то же время дом для того и существует, чтобы определять границы своего, проявленного, прозрачного, освоенного и самоупорядоченного, не требующего сложных процедур различий, вокруг которого открывается пространство Другого, инакового, затемненного, наполненного смутными различиями и неясностями и потому таящего угрозы, вызывающего к пристальному вниманию и напряженному всматриванию. Здесь в полной мере обнаруживается та дуальность традиционного мировосприятия, позволяющая проявлять внутренние замутнения и неопределенности через внешние различия и, наоборот, посредством внутреннего различаемого проникать в сферы внешней замутненности и неразличимости. Играм различий определяется дуальность сакрального и витального, предполагающая идею перехода, связи-отношения, то есть культ и ритуал, но также и хозяйство, фиксирующее комбинации различий и их отношений.

Домашний мир и его обиход, собственно, уже есть «экономика» (греч. *eco*, (*w*)*oikos* — дом, огражденное пространство) и хозяйство (и.-е. \**kes-*, \**ko* (*z*)-, \**ko* (*s*)- внутреннее как *овнутриваемое*, употребляемое вовнутрь, утробное, глубинное, ср. с греч. *hosia*, *óbía* (с целым списком производных *áγιος áσραι*, *áγιος*, *óbñ*, *óbía*, *óbios* и т. п.), имеющее отношение к сакральному, погруженное или вовлеченное в обращение сакрума, вменное человеку в обязанности. Однако, как отмечал Э. Бенвенист, «*óbñ* четко определяет нечто противоположное *éθρος* и не значит ни „жертва“, ни „ритуал“, но, напротив, обозначает действие, которое делает „священное“ употребимым, то есть превращает мясо, предназначенное богам, в пищу, которую могут есть люди» (Бенвенист, 1995: 353 и сл.). Его источник — переживание причастия своему миру как носителю це-

лого, через *архетип кормления* и причастности родовому телу<sup>2</sup>. Но организующей является идея разрыва, разделения своего и иного, предельной концептуализацией которого служит разграничение Космоса и Хаоса. Этимологически Космос (*κόσμος*) и Хаос (*χάος*) имеют в основе общую семантику разинутой пасти, глотки, развернутой утробы (Мифы народов мира, 1992: 9, 579) как символа неопределенности и неупорядоченности, всесмешения, с одной стороны, и преодолевающего его или «проясняющего» его, но образующегося из тех же элементов начала порядка, устроенности, упорядоченности — с другой. Генезис связанных с этим образом представлений восходит к более древним временам, когда отсутствовало всякое представление о богах и духах-хозяевах и весь мир представлялся общим, вмещающим человека родовым телом — телом тотема.

Образы роевой нерасчлененности и тотальной сплошности, взаимного кормления и тактильного обмена укоренены в архетип детского восприятия семьи, представляя наследие правополушарного мышления. Дискреторная функция у ребенка еще не сформирована. Детское восприятие сохраняет «адистрибутивный» (лат. *distribuere* — распределять, разделять), нерасчлененный характер, ему присущи слитные, диффузные ощущения» (Режабек, 2003: 38, 45–46). Такому подвижному восприятию свойственна «иррадирующая, расфокусированная генерализация сенсорной информации, могущая быть сфокусированной на любом конкретном предмете», любом гештальте. «В филогенетическом плане правополушарное реагирование явилось наследием палеолита: того периода, когда человеческая гортань была качественно недоразвита и доминирование правополушарных механизмов было неизбежным» (Режабек, 2003: 37). Психологами отмечается «адаптивное значение такого способа переработки информации», который опирается при этом на аффективные механизмы психики» (Лурия, 1979: 64). Однако со временем детское восприятие усложняется, когнитивные процессы развиваются, дискреторная функция и различительная способность начинают вытеснять восприятие «пятнами» по аналогии с историческими процессами в культуре (Лурия, 1974). В мир едва различимых образов и представлений вносятся уточнения и дефиниции, он начинает усложняться и дифференцироваться, перестает быть только внутренним миром чувств и переживаний, воплощением собственной телесности (аффекта) и открывается как объективированный мир реальности.

2. Для демонстрации отношения «внутреннее-внешнее» ср.: и.-е. *\*bher-* «есть, питаться» (вовнутрь), но также «рожать» (вовне); *\*bhars* — «растение, трава» (возникновение), и.-е. *\*dheg-* «гореть, огонь» (уничтожение), но *\*uek-*, *\*es-*, *\*os-* «быть, существовать», русск. «вещь», англ. *thing* — «вещь», хетт. *huck* — «колдовать, ворожить», *egh-s* — «внешний», и.-е. *\*seu-* «родить, явить», но и.-е. *\*ghas* «есть», *\*ues-* «глотать, съедать» и т. п. См.: Маковский, 2005: 118, 158, 162, 164, 190 и др.

Обуславливая друг друга, общество и ландшафт образуют территориально-ориентированный, а по сути, телесно-позицированный режим взаимной адаптации социального и природного (экологического) порядков. Таковая система закрепляется посредством становления и воспроизводства первичной поселенческой сети. Как отмечают антропологи: «На ранних этапах истории <...> объекты природного ландшафта (оазисы, горы, водные источники и пр.) маркировались строго по родам. В результате образовались „родовые территории“, имевшие выраженные естественные границы. Кровнородственные коллективы, возводящие свою генеалогию к общему предку-родоначальнику, воспроизводили особый тип поселенческой организации. При освоении территории наиболее важен центрирующий объект (долина, гора, озеро и т. п.), то есть место, где собирались люди, проживавшие в пределах какой-либо территории, для проведения общественных мероприятий. Так оформились родовые места поклонения, консолидирующие вокруг себя человеческие коллективы. В целом такое пространственное образование может быть названо территориально-родовым комплексом (ТРК). Совокупность комплексов образовала сложную сетчатую пространственную структуру, в ячейках которой взаимодействовали люди и обожествленные ими экологические силы природы. В ареал влияния святыни входили многочисленные жертвенники духам-хозяевам ландшафтов» (Огудин, 2001: 24).

Этот тип поселенческой структуры основан на кровнородственных принципах, которым на ранних этапах истории человека соответствует тотемический архетип. Тело тотема в наиболее архаических версиях тотемических мифов представляется как воплощенный ландшафт. Уже впоследствии с распадом родовых отношений на смену кровнородственной организации приходит территориальный (соседский) принцип расселения. Так что над первичным уровнем ТРК со временем надстраивается сетевая структура складывающихся территориальных общин. Его организующим началом выступает мифологический и поддерживающий его мифоритуальный комплекс матери-земли. Идеологически он закрепляет значимость общности места проживания и обосновывает общинный архетип, стимулирующий социальные институты взаимной поддержки и коллективной взаимопомощи.

По мере утверждения деревенского принципа расселения и роста отношений между общинами, развитием отношений обмена и систем власти возникают тенденции к дальнейшей консолидации общества. В своей работе «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон блестяще показал, что любая социальная общность моделируется сознанием человека (Андерсон, 2001). Общество существует и является устойчивым лишь до тех пор, пока человек воспринимает его таковым. Переход от локальных структур к системе «большого общества» оказывается обусловлен развитием надлокальной

мифопоэтической традиции, представляющей собой контаминации различных моделей отношений человека с ландшафтами-местами, инвертированных в общее пространство социального ландшафта-мира. Востребуемый на этом уровне аппарат ресурсного обмена предопределяет дальнейшую эволюцию систем власти и организации, нуждающейся в универсальных надлокальных идеологических структурах, каковыми выступают большие религии. Их влияние поддерживает институт формирующейся центральной власти, а также исторически складывающийся отчасти на базе родовых святилищ, отчасти на основе роста местного авторитета жреческой корпорации (позже церковной власти) сакральный институт храмовых и дворцовых комплексов.

Указанные уровни могут быть представлены как генетически взаимосвязанные хозяйственные комплексы, обеспечивающие потоки социально-природного и социально-экономического обмена. Вместе они и составляют единую систему территориальной организации традиционного общества. В фундамент каждого территориального комплекса заложена сложная архетипически обусловленная мифоритуальная основа, скрепленная наличными социальными ресурсами, увязывающими вместе интересы центра (силы, власти) с потенциалом территорий (земли). Каждому из отмеченных уровней соответствует определенный способ восприятия мира и особый режим социального действия и коммуникации. Социальное действие при переходе с одного уровня на другой выражает процессы усложнения социальной организации и становления надлокальных систем власти и администрирования, а также адаптации общественного сознания к усложняющимся формам общественной организации. Ритуал становится универсальным средством адаптации человека как к режимам социально-природного, так и политико-экономического взаимодействия. Субъектами социальности в ритуале выступают не только живые люди, но и мертвые предки, а также одухотворяемые силы природы, демоны мест (локусы и вещи) и духи плодородия, воплощенные в живом теле ландшафта.

В то же время выделенные комплексы соответствуют различным уровням достоверности и абстрагирования материально-практического, религиозно-познавательного и интуитивного опыта, которым оперирует традиция.

### **Кормление и организация**

Логическое разделение функций кормления и организации и соответствующий ему смысловой разрыв воспроизводят идею хозяйства как упорядоченности отношения фрагментов реальности. Мир хозяйствующего субъекта перестает быть целостным, различия фиксируются в нем как самостоятельные миры, требующие пристального всматривания и особого обращения с каждым. Как след-

стве, хозяйственное восприятие порождает гетерогенный образ мира, дробящегося на множество миров-«хозяйств», миров-«царств» и т. п., находящихся в отношениях магического взаимопроникновения и взаимозависимости.

Медиаторная позиция человеческого мира как пространства *между* мирами и одновременно *над* мирами и *сквозь* миры предполагает способность манипулятивного воздействия и корректировки этих отношений. Посреднический статус человеческого мира соотносится с медиаторной функцией культуры, сформулированной К. Леви-Стросом в его «Структурной антропологии». Однако эта же функция относится к хозяйственной деятельности, являющейся составной частью магических практик, придающих человеку иногда демонические властные, иногда откровенно монструозные черты.

С выявлением принципов обращаемости природных миров под властью человека при поддержке демонического Хозяина или как проявляемое качество человека-Хозяина, собственно, и возникает проблематизация человеческого мира как хозяйства. Обозначившаяся сначала едва-едва тема порядка превращается в проблему жизнеустройства, требующую непрерывного разрешения и пересмотра. В колышущемся универсуме дуализируемого рациональностью мира возникают «зазоры», открывающие широкий простор символической, собственно культуротворческой деятельности. Раскрытие в динамике жизненного развития места организации преобразует образ мира. Из пространства видимого, которым оперирует тотемистический миф, человек переключается на инстанцию невидимого, чаемого, предполагаемого. Подобная установка в оценке оснований собственного мира приводит и к соответствующим ожиданиям от других миров, моделируемых как миры-«хозяйства», миры-«царства», «сил» и «властей» и т. п. Именно таковыми мы застаем их в традиционном фольклоре.

Пространство мира разрезается на дискретные зоны и участки, которые семантически выделяются человеком и дифференцируются, структурируются, в логическом плане выстраиваются в серии пропозициональных множеств, распределяются по принципу большей витальной или сакральной насыщенности, а с утилитарных позиций — доступности и близости человеку. Сами эти пространства обладают качествами вполне самостоятельных миров-«хозяйств» («царств»), отношения между которыми развиваются на основе взаимности: кормления и дарообмена, с одной стороны, последовательности и упорядоченности — с другой.

Собственно, и внутри человеческого мира помимо дома особое место отводится пространствам, предполагающим обмен и взаимность, порядок и организацию. В таковой функции в древних поселениях первых земледельцев могли выступать открытые площадки с общественными печами и ямами-хранилищами, места совместных трапез, ритуальных действий и обмена продуктами жизнедеятельности. Вероятно, аналогичные функции переходят к так называемым большим



домам (Т. Корниенко), нестандартным постройкам (Ю. Андреев), престижным строениям (О. Оранж), домам с неопределенными функциями (А. Зубов) и т. п., повсеместно обнаруживаемым археологами на территориях поселений первых земледельцев, выполняющих функции то ли общественных собраний, то ли мест исполнения ритуалов, то ли хранилищ продуктов, в первую очередь зерна, иногда того и другого вместе. Параллельно им в рамках поселений и за их пределами — как правило, в центрах или на границах экологических и ландшафтных зон — оформляются различные ритуальные площадки для разнофункциональных магических обрядов и общественных мероприятий. Ритуальное кормление является обязательным элементом обрядовых действий, за исключением «ритуалов бедствий» (В. Тэрнер). Бедствие или болезнь является следствием не разрыва связей, а, наоборот, прорыва демонического потустороннего существа в этот мир и бесчинства в нем, потому и отношения с ним регулируются не ритуалами кормления, но логикой «разрыва», «изгнания» или «противоборства (ритуального конфликта), которыми являлись общественные пиры и коллективные трапезы.

Функция таких пространств — служить местами ритуального единения, взаимной связи и взаимного кормления, организуемого в строгом порядке, образуемом разными режимами ритуальной последовательности. Следствием и продуктом этой направленности человеческих устремлений становится массовое производство и непрерывное воспроизводство символических форм жизнедеятельности — собственно культуры. Хозяйство, облачающее социальность в каркас символических универсалий, перерастает из функций кормления и организации в культуротворчество.

### **Витальное и сакральное**

Отношение хозяйства и культуры в структурном отношении тождественно отношениям витального и сакрального (Чеснов, 1999: 22 и сл.). Локусы сакрального культурными средствами отмечают разрывы в живой ткани витальности, то есть различают локусы ослабления тотальной сплошности витальных сил. Культура не просто отмечает эти локусы как нуждающиеся в выработке порядка (ритуала или обряда) перехода от «слабости» к «силе». Им соответствующие обряды восстановления или возобновления, ритуалы Начала — те же календарные обряды, обряды жизненных и хозяйственных циклов и т. п.

Тело витальности предстает в хозяйственном видении облаченным в «заплаты» сакрального. Именно сакрум обнажает наличие «дыр» и «разрывов» в органической ткани социальности, и его прорывы облачают «локусы разрывов» в ритуальные «слова» и «вещи». Они могут быть «теми самими» или «другими», в том числе теми, которые некогда обеспечивали «сшивание» социального тела в дру-

гих локусах. Они становятся завораживающими человека и отделяющими его от естественного природного мира символическими объектами социальности, которые есть уже другая реальность — культурная. И если представить культуру во всей ее целостности, образованную избыточностью выразительных средств, то окажется, что фактически она целиком «покрывает» сакральными метками весь ландшафт социальности, образуя как бы «поверх» него мир второй природы — некое мистическое, исполненное тотальным сакрумом надсоциальное тело.

Именно здесь — в инстанции коллективного сознания/бессознательного — совершается событие встречи Витального и Сакрального и глобальная медиальная трансформация — разворачивается процедура оцельнивания, преобразующая множество предметностей (ставшего) мира в единое космическое тело (архетип кормящего, непрерывно «становящегося» живого ландшафта). В идеале именно оно очерчивается пунктирами сакральных меток, сливающихся в единое лоскутное и многоголовое сакральное тело. Сакрум — это оболочка человеческого, надеваемая на природное как знак овладения. В этом ракурсе нет ничего постоянного, так как ритуал не может быть непрерывным: указывая на непрерывное, он сам — воплощение временности, срочности, пограничности, ибо отмечает искусственные границы и обеспечивает переходы, предлагая правила и представляя тот или иной порядок перехода границ (*rites de passage*). Сакральное (в ритуале) = вещи/слова/тела — суть знаки и смыслы, то есть символические формы. Ибо в них (знаках-вещах и культурных артефактах) заложен механизм встречи «природного и культурного», мира и человека, запечатлевается одно в другом, наполняется семантикой перехода-связи-отношения-обмена.

В традиционных культурах, где отсутствует тотальная обособленность (изъятость) человека от природы (как в современном урбанизированном мире), где локальные социумы окружены природными ландшафтами, миры природы и социальности находятся в диалогических отношениях, отношениях взаимопроникновения. Сквозь природу «сквозит» человеческое, а сквозь человеческое «сквозит» природное, но вместе и природный мир, и человеческий мир как бы прозрачны — через одно видно «иное», сквозь зримое проступает чаемое, сквозь Присутствие просвечивает инстанция Отсутствующего. Их дуализация заряжена энергией Смысла, их отношение потенцировано поиском смысла, их встреча чревата смыслом. Более того, человеческое и природное пронизывают друг друга насквозь, переходят друг в друга, связаны друг с другом наслоениями дискурсов, цепочками слов, тел и живых ландшафтов.

Все, что происходит в этом мире, есть отклик на происходящее в других мирах, и восстановление порядка в человеческом мире возможно только через общее упорядочение отношений между мирами. Но такая же зафиксированная мифом модель всесвязности миров существует и в хозяйственной реальности. Засеянное поле

уводит к лесу или даже ведет в лес. Животные становятся домашними, располагаются в человеческом мире, но, подвергаясь изменениям в человеческой среде, они не перестают быть животными, сохраняют природную самостоятельность, нуждаются в выпасе на лугу и в лесу. И потому сами они являются объектами привлекательности для диких хищников, которые также оказываются причастны к судьбам человеческого мира, и т. п. Это взаимопроникновение и связь миров служат наилучшей метафорой для осмысления характера витальности, которая есть единство всех форм жизни, обмен жизненными силами, продуктами жизнедеятельности и живыми энергиями при самобытности и самостоятельности каждого.

Их тождество и подобие в культурном космосе подчинено контекстам символического — метонимического и метафорического. Каждый троп задает определенную инстанцию значения, но только сведенные вместе они образуют инстанцию смысла как совокупности значений, нагруженных множественными логиками различий. Хозяйство — двигатель культуры и, так сказать, ее материальное основание, естественный регулятор человеческой «машины желаний», упорядочивающий хаос мифа, впервые схватывающего смысл в идее кормления. Но хозяйство же и творит миф. Отмечая локусы разрывов самопорождающей витальности и утверждающей себя в мире социальности, миф хозяйства обращается к инстанции актуального отсутствия. Человек не может жить только в пространстве видимого. Желание, пусть даже порожденное на первый взгляд примитивным стремлением к сытости, преобразует пространство невидимого в пространство ожидаемого и сокровенного. Хозяйство и культура заряжены мифом, и в мифе обретает свои целостные очертания сама социальность.

### Место и мир

Помимо мифа, становясь обладателем места, человек становится и обладателем мира. И только в этом качестве — обладателя Мира — определяется его понимание собственного отличия от животного состояния.

Заслуга в осмыслении этой проблемы принадлежит М. Хайдеггеру. Сопоставляя отношения между обделенностью миром (*Weltarmut*) у животного и мирообразующим (*weltbildender*) человеком, Хайдеггер стремится соотнести основополагающую структуру *Dasein* — бытие-в-мире с животным и, таким образом, задаться вопросом об истоках и смысле той открытости, которая осуществляется деятельностью человека. Как известно, Хайдеггер упорно отвергал метафизическое определение человека как *animal rationale*, живого существа, наделенного языком (или разумом), когда бытие человека представало как некая добавка к «просто живому». В параграфах 10 и 12 «Бытия и времени» он стремится продемон-

стрировать, как свойственная Dasein структура бытия-в-мире уже всегда предпослана всем (как философским, так и научным) концепциям жизни, так что жизнь всегда определена лишь на основе этой структуры, но «путем привативной интерпретации». Бытие-в-мире возможно только как «бытие миром». Термин «становление» не из хайдеггеровского лексикона, но он напрашивается из трактовки человека как *weltbildend* («образующий мир»), в связи с которым речь может идти и об онтологии человеческого мира как особого «образа бытия» (Агамбен, 2012: 61).

Жизнь превращается у Хайдеггера в онтологическое понятие: «Жизнь есть особый образ бытия, по сути доступный только в Dasein. Онтология жизни осуществляется путем привативной интерпретации; ею определяется то, что должно быть, чтобы могло быть нечто такое, как просто-только-жизнь [*nur-noch-Leben*]. Жизнь не есть ни чистое наличествование, но и ни Dasein. Dasein опять же никогда не получится онтологически определить, установив его как жизнь (онтологически неопределенную) — и сверх того еще что-то другое» (Хайдеггер, 1997: 50).

### Существо становления

Эта метафизическая игра предположения и отсрочки, нехватки и восполнения между человеком и животным и раскрывает подлинное бытие Dasein. В этом непрерывном соотношении человеческого с животным в самом человеке и усматривается та пропасть, которая их отделяет, «бездна между человеческим (*humanitas*) и животным (*animalitas*)». Эта бездна — в самой их близости и в укорененности в человеке, проходящая сквозь человека, вздыбливающая или вспыхивающая его. Ее незримое присутствие предстает как нечто неуловимое и отсутствующее, но относимое к обладанию «местом» и несводимости к «месту», через которое человек прозревает собственную определенность, бытие-себя, как бы подвешенное между «не-способностью-оставаться-тем-что-оно-есть» и «не-способностью-сойти-со-своего-места» (Агамбен, 2012: 62; Хайдеггер, 1997: 369).

Через рассуждения Хайдеггера, замечает Агамбен, красной нитью проходит трехчастный тезис: «Камень лишен мира [*weltlos*], животное обделено миром [*weltarm*], человек формирует мир [*weltbildend*]». Формирование места — собственно деятельность, в которой осуществляется человеческое бытие-в-мире и которой определяется его статус как Присутствия. В этом смысле неспособность быть Присутствием, или «обделенность миром» — определяющая характеристика животного. Обделенность миром у животного Хайдеггер выражает терминами из биологической теории Якоба фон Иксюля «*Umwelt* и *Innenwelt*»<sup>3</sup>. Последний термин развертывается

3. Внутренний мир (*нем.*)

в человеке как мир значений, и в этом смысле иксюлевская теория может быть причислена к разряду семиологических, трактуя внешний объективный мир как систему знаков (*sema*), предметная сфера которых для человеческого сознания предполагает инстанцию внутренних значений. Значение в этой теории — тропическая схематизация действия, возникающая вследствие разрядки нервного напряжения. Эту «разрядку» Хайдеггер определил как действие «растормаживания». Специфика «растормаживающего» — его прикрепление к ландшафтному опыту и соответствующих объектов в пространстве, как бы присваивающих себе определенную биологическую функцию.

«Хайдеггер называет *das Enthemmende* — растормаживающим — то, что Иксюль называет «носителями значения» (*Bedeutungsträger* и *Merkmalträger*), и говорит об *Enthemmungsring* — цикле растормаживания (речь идет об элементах, присутствующих в среде животного, которые высвобождают и провоцируют реакции органов животного на среду: сам термин включает в себя варианты перевода «среда обитания» и «окружающий мир») — там, где зоолог говорит об *Umwelt*, окружающем мире. *Wirorgan*<sup>4</sup> соответствует хайдеггеровской *Fähigkeit zu*, способности-к, которая определяет орган в противоположность простому механическому средству. Животное замкнуто в кругу своих растормаживающих реакций, и точно так же, как у Иксюля, его перцептивный мир состоит из небольшого числа элементов. Поэтому животное, «вступая в отношения с Другим, может встретить только то, что задевает его способность быть и приводить в движение. Все остальное *a priori* неспособно проникнуть в круг, где существует животное» (Агамбен, 2012: 63).

Человек в этом отношении представляется как антипод животного, но свобода — его неточное определение. Более того, *свобода становится объектом косвенной критики Хайдеггера. Свобода не есть отсутствие или несформированность у человека адаптивных реакций — таковые он должен проявлять по отношению к общественным нуждам, — но ограничение способности человека к «возвышению» Миром, что означает отсутствие или недостаточность собственно человечности в человеке. Опыт социальной адаптивности в этом смысле неотделим от адаптивного опыта как такового. Именно торможение животных инстинктов (недопускаемых к растормаживанию) и ограничение свободы культурной формой в этом смысле как раз и открывают доступ духовному измерению. Это не означает превознесения «несвободы» (для внутреннего мира со стороны внешнего социального мира или культуры), поскольку речь идет о самой способности «быть миром», или о внутреннем переживании несвободы собственного произвола как необходимости и условия жизни в обществе и формирования в человеке чувства социальной сопричастности.*

4. Действующий орган (*нем.*)

Сама ограниченность свободы культурой, не распускание или «отпущенность» сами по себе, но *распускание в культуру* приводит человека, запирает в нем зверя. Запирая отдельные клапаны животных инстинктов и вводя прочие в определенную культурную форму, в человеке раскрываются каналы, не замыкающие человека, а открывающие его, связывающие человека с Другими, с Миром и Богом. Речь идет и об основаниях этики, которые, как известно, Кант начинал со способности к *common sense* (общему чувству), то есть разделять «общее мнение» и, кроме того, сочувствовать (Кант, 1966: 250 и сл.). Рациональность в этом случае приобретает иную форму — ответственности за собственный жизненный мир. Быть человеком в рамках любой формы и означает деонтологический предикат «быть миром».

По мнению Хайдеггера, свойственный животному способ бытия, который определяет его отношение с растормаживанием, — это оцепенелость (*Benommenheit*). Хайдеггер многократно обыгрывает здесь этимологическую фигуру родства между термином *benommen* («оглушенный», «оцепенелый», но также и «лишенный», «тот, кому препятствуют»), *eingenommen* («включенный», «втянутый внутрь») и *Benehmen* («поведение») — и все они отсылают к глаголу *nehmen*, «брать» (с индоевропейским корнем *\*net*, означающим «делить», «наделять»). <...> Если оцепенелость — сущность животного и оно целиком включено в круг своих растормаживающих элементов, то оно не способно ни по-настоящему действовать (*handein*), ни вести себя (*sich verhalten*) по отношению к ним; оно способно только на поведение (*sich benehmen*)» (Агамбен, 2012: 64).

Хайдеггер проникает в само существо примитивной эргативной семантики, разделяющей объекты по принципу пассивности и активности, которые становятся маркерами признаков одушевленности/неодушевленности. Оцепенелость животного, фиксируемая в грамматических формах языка, ставит их в зависимость от воли человека, возвышающегося над животными и устанавливающего, таким образом, иерархические отношения в мире, мыслимом как мир различий и положений (статусов) — различных форм существования. «Поведение как способ бытия вообще возможно лишь благодаря погруженности-в-себя [*Eingenommenheit*] животного. Мы характеризуем специфически животное при-себе-бытие, не имеющее ничего общего с самостью [*Selbtheit*] относящегося к чему-либо человеку как личности, эту самопогруженность животного, в которой только и возможно всякое и любое поведение, как оцепенелость. Только потому, что животное по своей сути как бы оглушено [*benommen*], оно может вести себя [*benehmen*] <...>. Оцепенение служит условием возможности того, чтобы животное вело себя, согласно своей сущности, в некоей окружающей среде, но никогда — в каком-либо мире [*in einer Umgebung sich bennimmt, aber nie einer Welt*]» (Хайдеггер, 1997: 347–348).

По Хайдеггеру, животное лишено способности восприятия сущности («чего-то как чего-то»), то есть доступа к сущности, здесь

есть лишь инстинктивное поведение. Ему присуща вовлеченность-в: «Итак, оцепенение животного означает: сущностную отнятость у него какого бы то ни было восприятия чего-то как чего-то, а поэтому при такой отнятости имеет место вовлеченность-в... следовательно, оцепенение животного означает прежде всего модус бытия, при котором животное в своих отношениях с Другим лишено возможности или, как мы еще говорим, у него отнята возможность вступать в отношения и относиться к этому Другому как к таковому, как к наличному, как к сущему. И как раз потому, что животное лишено этой возможности воспринимать как нечто то, с чем оно соотносится, как раз поэтому оно может быть абсолютно погружено в это иное» (Хайдеггер, 1997: 36с).

Устанавливать различие, по Хайдеггеру, не означает изымать человека из причастности миру живого как таковому. Способность быть, то есть соотноситься с другим, распространяется и на способность быть живым, удерживающим трансвалентность между *zoon* (живое) и *bios* (форма жизни), или признавать в себе качество живого и одушевленности. Очевидно, сама эта способность как человеческая должна быть связана с определенной концептуализацией человеческого как живого, то есть представлением и пониманием того, что есть живое, к которому мы принадлежим.

Быть зверем и быть растением — разные способы быть, но «живое» как термин охватывает и зверя, и растение, и насекомое, и пресмыкающееся и т. п., то есть живое как множество форм жизни. Именно жизнь становится *предметом*, который тотемизм уже проблематизирует, каков бы ни был избран *объект* тотемических пристрастий общества. Это и обуславливает становление клановых систем, в которых разные группы или коллективы людей становятся носителями разных тотемных наименований. Иными словами, тотем остается лишь знаком различия, транслируя имя и «форму», через обладание которой человек становится уже не животным. Даже если это животное-тотем, имя которого принадлежит человеку и присвоено человеком, оно присвоено человеком как таковым, прорастающим сквозь оболочку тотема, возвышающимся и преодолевающим собственные заданные рамки, в которых он улавливает «культурную форму». Именно заданность культурной формы предопределяет саму возможность «возвышения» над внешне установленной условной заданностью нечто, что иначе неопределимо.

Отношение культурной формы и внутреннего наполнения (и переполнения, прорывания, собственно, возвышения в человечность) может трактоваться в духе разграничения *ноэмы*, то есть выраженным содержанием, имеющим дело с внешней предметностью, и *ноэсы*, планом внутреннего содержания, возможно и не получившим своего полного выражения, или будучи высказанным — все же остающимся недосказанным, невыраженным. Эти два плана никогда не совпадают в силу различия своей феноменологической

природы, но связаны друг с другом, сориентированы друг на друга, сопоставлены с аналогичными планами Другого.

Ноэма ориентирована на синтаксис и порядок организации предметного мира Другого, и на правах материального субстрата включается в культурную игру языковых и прочих символических форм. Ноэса направлена на внутреннюю форму Другого, на его материальную «пустоту» и духовный голод и потому нацелена на его исключительность и невыразимость самого его существования. В силу этого ноэтический план соединяет то, что находится у истоков выражения в качестве надежды, на тот остаток, который переживается в отчаянии как досада и разочарование от чувства бессилия и ощущения безнадежности, от невозможности быть выраженным, но должным подойти к осмысленности. «Должное быть помысленным» образует таинство любой культуры.

Утопическое чаяние (быть выраженным, и потому надежда быть услышанным) и едва сдерживаемый рессентимент (от несостоятельности этих надежд) вместе порождают отчаянное стремление к повторению очередной неудавшейся попытки. Повторение — сама по себе материализация желания в ландшафте социальности, в котором находит воплощение Плоть мира, которая движет действием. А чувство и переживание, сопровождаемые сознанием собственной невыразимости и нематериальности, обеспечивают внутреннюю подспудную силу и волевое оформление духовного состояния. Но это оформление имеет отношение к духовному миру и «внутренней форме», определяющей неповторимый и совершенно исключительный порядок индивидуальной личностной структуры, прорывающейся всякий раз за рамки задаваемой культурой внешней формы.

Внутренний мир, таким образом, это бесформенность структурированного, заряженного волевым импульсом и дуализированной структурой Возвышенного — с той особенностью, что возвышенное как лишенное определенности формы, и своей принципиальной неоформляемости — единственный источник свободы. Форма культуры и Возвышенность (неоформляемость) — референты в определенном смысле «тождественных», но разнонаправленных «сил», отношение которых производит эффект волевой и эмоциональной разрядки. «Активность» волевого действующего субъекта в каждой структурной единице его личностной организации сочленена с «пассивностью» претерпевающего воздействия, и таким образом эта структура имеет возвратные, то есть удваиваемые на каждом отрезке, механизмы и мощный потенциал развертывания. Акция-реакция может быть оформлена как рефлексия и как волевое решение и т. п. Перед нами силовой универсум, потенцирующий ресурс будущих возможностей развертывания новых культурных форм, преобразующих потенциальное в возможное.

Форма задает онтологию (бытие-формой) и, таким образом, определяет правила обращения в задаваемом бытии-формой. Так, Л. Витгенштейн рассуждал о правилах, которые подспудно детер-



минируют не только тот или иной способ действия (культурную форму) согласно ситуации, но и способы восприятия, мышления, воображения. Аналогичную интуицию Х. Плейснер связал с образами (формами) жизни. Можно говорить о формировании тех или иных способов или образов жизни, предопределяющих организацию жизни, выражающей себя в ландшафтных моделях социальности.

Отсутствие исторического опыта предопределяет исключительно ландшафтные стратегии выживания и соответствующие им «образы жизни» — адаптация к ландшафтам и разным видам живого предопределяет и типологические модели: животные, олицетворяющие стороны света в месторасположении традиционного чукотского чума (В. Г. Богораз), или тотемы, регулирующие пространственную организацию деревень индейцев бороро (К. Леви-Строс), или дома североамериканских индейцев квакиутль (Ф. Боас), или стоянки австралийских аборигенов (О. Кабо), и т. п.

История предопределяет возможные передвижения и накопление опыта обживания разных ландшафтов (мест) и наличие множества моделей, не имеющих референтов в реальном ландшафте. Но в историческом опыте мифология становится все более абстрагированной, а деятельность — формальной. Общество выходит на уровень производящих экономик и включается в жизнь хозяйственных систем. В этом случае все заметнее проявляются объективирующая функция сознания и формализованные способы организации (хранения и обработки) опыта. Наряду с рационализацией жизни мифология раскрывает дополнительные возможности воображения, неограниченного и производящего совершенно фантастические ландшафты. Наряду с рациональными моделями (хозяйственной организации или систем родства, упорядочения движения даров и порядка наследования) увеличивается значение фантастических сюжетов, а соответственно, прослеживается востребование фантазирования как особого рода деятельности, когда ценится талант рассказчика, теоретика, выдумщика и фантазера.

\* \* \*

Верность ландшафту и верность мифу — разные типы мифоритуальной и организационной практики, но и в том и в другом случае рациональность гарантировала достаточно четкий и осмысленный характер со-организации форм жизни и пространства, отливающегося в организации форм ландшафта культуры.

Классический ландшафт как среда и условие существования включает в себе область «нехватки Другого», которой продуцируется мир. В обращенности к Другому формируются язык и культура. Другой отмечает свое Присутствие в структурах деятельности, ее знаках и символах, отпечатывающихся на теле живого ландшафта, в символических формах и моделях культуры, которой раскрывается человек миру и мир воплощается человеком.

- Агамбен Дж. (2012). Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ.
- Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Антонова Е. В. (1998). Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.
- Бенвенист Э. (1995). Словари индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс.
- Берлев О. Д. (1972). Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Гл. ред. изд-ва «Восточная литература».
- Кант И. (1966). Сочинения в 6-ти томах. Т. 5. М.: Академия наук, Институт философии; Мысль.
- Коул М. (1997). Культурно-историческая психология: наука будущего. М.
- Леви-Строс К. (2007). Мифологики: Происхождение застольных обычаев. М.: FreeFly.
- Лурия А. Р. (1974). Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологические исследования. М.
- Лурия А. Р. (1979). Язык и сознание. М.
- Маковский М. М. (2005). Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность — формы — развитие. М.: КомКнига.
- Мифы народов мира (1992). Энциклопедия. Т. II. М.: СЭ.
- Найссер У. (1981). Познание и реальность. М.
- Огудин В. Л. (2001). Экологическая функция религии // Этнографическое обозрение. № 1.
- Перепелкин Ю. Я. (1966). Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.; Л.: Наука.
- Перепелкин Ю. Я. (1988). Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука.
- Режабек Е. Я. (2003). Мифомышление. Когнитивный анализ. М.: КомКнига.
- Скотт Дж. (1992а). Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Нью-Хэвн; Лондон: Изд-во Йельского ун-та, 1976 [Реферат] // Отечественная история. № 5. С. 5–17.
- Скотт Дж. (1992b). Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Теодор Шанин. М.: Прогресс. С. 202–210.
- Топоров В. Н. (2000). О «евразийской» перспективе романа Андрея Белого «Петербург» // Евразийское пространство: Звук и слово. Междунар. конф. 3–6 сентября 2000 г. Тезисы и материалы. М.
- Топоров В. Н. (1993). Из индоевропейской этимологии IV (1) // Этимология. 1988–1990. М.: Наука.
- Трубачев О. Н. (2007). История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: КомКнига.
- Фрейденберг О. М. (1998). Введение в теорию античного фольклора // Миф и литература древности. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.
- Фуко М. (1994). Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.
- Хайдеггер М. (1997). Бытие и время. М.: Наука.
- Чеснов Я. В. (1999). По страницам работ С. А. Токарева о происхождении и ранних формах религии // Этнографическое обозрение. № 5.
- Polanyi K. (1944). The Great transformation. N. Y.: Rinehart.
- Polanyi K. (1959). Anthropology and Economy Theory // Readings in Anthropology. Vol. 2. N. Y.: Crowell.
- Polanyi K. (1971). Primitive, archaic, and modern economies / Ed. by George Dalton. Boston: Beacon press.

ТЕОРИЯ

*Sergey Domnikov*, PhD (History), Senior Researcher at the Department of Philosophy of Culture of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.  
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240. E-mail: domino-70@mail.ru.

The author considers a complex system of man-landscape relationship as a starting point of worldview formation and a primary condition for the development of cultural traditions. This basic level of social and environmental organization is presented as a space-technological and adaptive environmental system, which is constructed by the relations of man with the landscape and by a set of external world objects that are vitally important and culturally significant for human existence. The main function of culture is adaptive, whereas the landscape plays an active role in designing human world, i. e. in acquiring basic economic skills, technology development, and related programs and life strategies. The author believes that the historically accurate models of culture embody typologically different forms of social landscape and organize spatiotemporally the local 'life-worlds'; for instance, the classic landscape embraces the space of "the lack of the Other". The author focuses on the genesis of the agrarian cultural tradition, and considers the relationship of two discourses—existential-phenomenological philosophy and philosophical anthropology. The article follows the general evolution of the classical anthropology with the distinction of *dzōon* (living being) and *bios* (life form), which led to the problematization of "symbolic forms" (E. Cassirer).

**Key words:** totemism; anthropology; form of life; form of culture; symbolic form; cultural landscape.

### References

- Agamben G. (2012) *Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe* [The Open. Man and Animal]. Moscow: RGGU.
- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo Pole.
- Antonova E. (1998) *Mesopotamiya na puti k pervym gosudarstvam* [Mesopotamia on the Way to First States]. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN.
- Benveniste E. (1995) *Slovari indoevropskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Concepts]. Moscow: Progress-Univers.
- Berlev O. (1972) *Trudovoe naselenie Egipta v ehpkhu Srednego tsarstva* [Working Population of Egypt in the Middle Kingdom]. Moscow: "Vostochnaya literatura".
- Kant I. (1966) *Sochineniya v 6-ti tomakh* [Works]. Vol. 5. Moscow: Akademiya nauk, Institut filosofii; "Mysl".
- Cole M. (1997) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushhego* [Cultural-Historical Psychology: A Future Discipline]. Moscow.
- Levi-Strauss C. (2007) *Mifologiki: Proiskhozhdenie zastol'nykh obychaev* [Mythologies: Origins of Mensal Customs]. Moscow: FreeFly.
- Luria A. (1974) *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov: Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya* [Historical Development of Cognitive Processes: Experimental-Psychological Studies]. M.
- Luria A. (1979) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow.
- Makovsky M. (2005) *Fenomen tabu v traditsiyakh i v yazyke indoevropetssev. Sushhnost'—formy—razvitie* [Taboo in the Traditions and Language of Indo-Europeans]. Moscow: KomKniga.
- Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia] (1992). Vol. II. Moscow: SE.
- Neisser U. (1981) *Poznanie i real'nost'* [Cognition and Reality]. Moscow.
- Ogudin V. (2001) *Ekologicheskaya funktsiya religii* [Ecological Function of Religion]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 1.

- Perepelkin Yu. (1966) *Chastnaya sobstvennost' v predstavleniya egipciyan Starogo tsarstva* [Private Property and the Egyptians' Representations in the Old Kingdom]. Moscow—Leningrad: Nauka.
- Perepelkin Yu. (1988) *Khozyajstvo staroegipetskich vel'mozh* [Economy of the Old Egyptian Nobles]. Moscow: Nauka.
- Rezhabek E. (2003) *Mifomyshlenie. Kognitivnyj analiz* [Mythological Thinking. Cognitive Analysis]. Moscow: KomKniga.
- Scott J. (1992a) *Moral'naya ekonomika krest'yanstva. Vosstanie i vyzhivanie v Yugo-Vostochnoj Azii. N'yu-KHehvn*; London: Izd-vo Yel'skogo un-ta, 1976. *Peфepar* [Peasants' Moral Economy. Uprising and Survival in the Southeast Asia]. *Otechestvennaya istoriya*, no 5.
- Scott J. (1992b) *Moral'naya ekonomika krest'yanstva kak etika vyzhivaniya* [Peasant Moral Economy as an Ethics of Survival]. *Velikij neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire* / Sost. T. Shanin. Moscow: Progress.
- Toporov V. (2000) O "evrazijskoj" perspektive romana Andrey Belogo "Peterburg" [On the "Eurasian" Perspective of Andrey Bely Novel "Petersburg"]. *Evrazijskoe prostranstvo: Zvuk i slovo. Mezhdunar. konf. 3–6 sentyabrya 2000 g. Tezisy i materialy*. Moscow.
- Toporov V. (1993) Iz indoevropskoj etimologii-IV [From the Indo-European Etymology]. *Etimologiya*. 1988–1990. Moscow: Nauka.
- Trubachev O. (2007) *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic Kinship Terms and Some Oldest Notions of Social Order]. Moscow: KomKniga.
- Freidenberg O. (1998) *Vvedenie v teoriyu antichnogo fol'klora* [Introduction to the Theory of Ancient Folklore]. *Mif i literatura drevnosti*. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN.
- Foucault M. (1994) *Slova i veshhi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Leningrad.
- Heidegger M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Nauka.
- Chesnov YA. (1999) *Po stranitsam rabot S. A. Tokareva o proiskhozhdenii i rannikh formakh religii* [Through the Pages of S. A. Tokarev's Works on the Origins and Early Forms of Religion]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5.
- Polanyi K. (1944) *The Great transformation*. N. Y.: Rinehart.
- Polanyi K. (1959) *Anthropology and Economy Theory. Readings in Anthropology*, vol. 2. N. Y.: Crowell.
- Polanyi K. (1971) *Primitive, Archaic, and Modern Economies*. G. Dalton (ed.). Boston: Beacon press.

## Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке

### Круглый стол

Настоящая публикация представляет собой стенограмму круглого стола, посвященного презентации книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке», состоявшейся 18 марта 2016 года в Московской высшей школе социальных и экономических наук в рамках XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север—Юг». В книге собраны материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», действовавшего в 1992–2000 годах под руководством Виктора Петровича Данилова и Теодора Шанина, внесшего весомый вклад в развитие постсоветской аграрной историографии и изучение истории российского крестьянства в XX веке, объединявшего на протяжении нескольких десятилетий исследователей разных поколений — цвет не только российской, но и мировой науки, изучающей проблемы аграрных отношений в российском обществе. На круглом столе обсуждались вопросы становления российских и зарубежных крестьяноведческих исследований в 1960–90-е годы, их современное состояние, проблемы и перспективы. В частности, неоднократно отмечалось, что можно спорить о том, существует или уже исчезло в современной России реальное крестьянство, но не приходится сомневаться в сохранении крестьянственности и определенных черт крестьянского сознания у российского населения. Участники круглого стола поделились личными воспоминаниями о работе шанинско-даниловского аграрного семинара, о собственном опыте участия в полевых антропологических и социологических исследованиях и научных дискуссиях. В обсуждении приняли участие представители разных дисциплинарных направлений, в том числе ведущие отечественные социологи и историки-аграрники.

*Ключевые слова:* крестьяноведение; аграрный семинар; крестьянство; социология села; аграрная история; история России; постсоветская аграрная историография.

*Участники круглого стола:* Валерий Георгиевич Виноградский, д-р филос. наук, Институт аграрных проблем РАН (Саратов); Александр Владимирович Гордон, д-р ист. наук, профессор, ИНИОН РАН; Василий Васильевич Зверев, д-р ист. наук, профессор РАНХиГС; Николай Алексеевич Ивницкий, д-р ист. наук, профессор; Виктор Викторович Кондрашин, д-р ист. наук, профессор, член Совета Федерации (Пенза); Авенир Павлович Корелин, д-р ист. наук, профессор, ИРИ РАН; Павел Петрович Марченя, канд. ист. наук, Московский университет МВД России; Сергей Анатольевич Никольский, д-р филос. наук, профессор, ИФ РАН; Сергей Юрьевич Разин, Институт гуманитарного образования и информационных технологий; Игорь Николаевич Слепнёв, канд. ист. наук, РГНФ; Сергей Иванович Толстов, канд. ист. наук (Томск); Теодор Шанин, профессор, Манчестерский университет, Московская высшая школа социальных и экономических наук; Галина Александровна Ястребинская, канд. экон. наук, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики. Ведущий — редактор книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке» д-р ист. наук, профессор РАНХиГС Владимир Валентинович Бабашкин.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-68-92

**В. В. Бабашкин:** Здравствуйте, уважаемые коллеги. Мы начинаем круглый стол — презентацию книги, с которой связано очень много интересных воспоминаний. Десять лет Теодор Шанин, Виктор Пе-

трович Данилов, Виктор Викторович Кондрашин, целый ряд других известных вам историков...

**Т. Шанин:** И господин Бабашкин.

**В. В. Бабашкин:** Примкнувший к ним, да... на протяжении 1990-х годов участвовали в заседаниях теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», стенограммы которых тогда же публиковались на страницах журнала «Отечественная история». И вот недавно материалы всех 15 заседаний — рефераты обсуждавшихся книг и стенограммы дискуссий — вышли отдельной книгой<sup>1</sup>. Издание осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Один из участников наших семинаров — профессор Василий Васильевич Зверев, уже успевший прочитать эту книгу, предложил собрать всех, кто есть, участников тех семинаров и провести что-то вроде презентации. Я думаю, что желающих высказаться будет достаточно, но первое слово я бы хотел предоставить организатору семинара, патриарху крестьяноведения Теодору Шанину.

**Т. Шанин:** Более 20 лет жизни — это довольно много, поэтому говорить об этом непросто. Это работа, которая в свое время была прорывом, открытием того, о чем прежде не говорили, а должны были бы говорить. А также это воспоминания о людях, которых уже нет с нами.

Быть может, надо начать с того, как я приехал в СССР по линии Британской академии, чтобы изучить российское крестьянство. Мне сказали, что я прикреплен к Институту истории Академии наук и поэтому должен зайти к секретарю по международным делам. Меня встретил господин Бугай<sup>2</sup>, который вытащил бумажку и прочел мне, с кем я должен встречаться. Я вытянулся во весь рост и сказал ему: «Вы забываете, господин Бугай, я не ваш подданный и сам буду определять, с кем мне встречаться». — «Да что вы, что вы, мы, конечно, это понимаем». — «Если так, то я бы хотел для начала встретиться с профессором Виктором Даниловым, его книги я видел, и они меня очень заинтересовали». И услышал: «К сожалению, профессор Данилов болен». Я вышел из комнаты секретаря по международным делам, прошел по коридору института до двери с табличкой «Отдел аграрной истории». Постучал, зашел. Там сидел человек и одним пальцем печатал что-то на машинке. Он спросил: «В чем дело?» — «Я ищу профессора Данилова». — «Я — Дани-

1. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия.
2. Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, в конце 1970–80-х годов ученый секретарь по международным связям Института истории СССР АН СССР.

лов». Это стало началом нашей дружбы. И я думаю, не было бы нашего семинара, если бы не это событие, с рассказа о котором я начал.

Когда я задумал свою работу по истории крестьянства в Англии, меня считали странным: тема была какая-то невероятная — крестьянство, а тут еще русское крестьянство. «Зачем тебе русское крестьянство?» — слышал я не раз. Я отвечал, что, во-первых, в России во время революции было 85% крестьян. Значит, это была крестьянская революция. Но только все говорили о пролетариях, как будто бы там не было ни одного крестьянина. В Англии как будто тоже не было ни одного крестьянина. Потому что исследования крестьянства в Англии исчезли на определенном этапе. Исчезли, потому что говорить про крестьянство было «не прогрессивно». Крестьяне — это прошлое, а мы — будущее. Мы даже не настоящие, мы — будущее. Историки, может быть, должны этим заниматься, но социологи и экономисты должны заниматься серьезным делом, я же работал над пограничной проблемой на стыке социологии и экономики. Серьезное дело, конечно, все то, что есть вокруг нас. А крестьян нет. Были коллеги, которые считали, что сделать карьеру на этом нельзя. Потому что тот, кто хочет сделать карьеру, должен заниматься business studies, которые меня не очень интересовали, хотя я и сын купцов, но это не мое.

Когда я попал в Англию, чтобы работать над докторской диссертацией, я хотел взять тему об участии интеллигенции в русской революции. Но мои будущие супервайзеры спросили: «А как вы сможете доказать то, что вы собираетесь изучать? Интеллигенция, мысли...» Они оба были прекрасными учеными, но завзятыми позитивистами, им были нужны факты. А какие там факты, если выбирать тему интеллигенции в революции? Мы проспорили три часа. Тогда я просто пошутил: «Что вы хотите, чтобы я провел корреляцию количества коровьих хвостов на Украине с количеством там голубоглазых девушек?» У них загорелись глаза: «20 лет не было у нас настоящей докторской работы по крестьянству в России. Какая прекрасная идея!» Назавтра встретились опять, я им сказал: «Знаете, коллеги, вам не хочется, чтобы я занимался интеллигенцией, я готов заняться крестьянством. Почему бы нет? Меня это тоже интересует». Так и начал.

Дальше, дальше, дальше. На каком-то этапе стало действительно интересно. Оказалось, что факты, которые были мне нужны для понимания русского крестьянства, я не мог найти в Англии — их просто не было. Их нельзя было найти и в России, потому что в Советской России эти книги были частично уничтожены, частично закрыты в спецхране. Я нашел их в Финляндии, которая была частью царской России. А по русским законам того времени каждая новая книга высылалась в четырех экземплярах: в Москву, Петербург, Киев и Хельсинки. Я нашел статистические материалы в Хельсинки. На них я смог построить альтернативное понимание того, что происходило с русским крестьянством.

Свою первую книгу я назвал *The Awkward class*. Интересное слово. С одной стороны, это «неудобный», с другой стороны, это *clumsy* — «корявый», «неуклюжий» класс. После этой книги меня лет пять называли *the awkward* Теодор, что и меня смешило, и всем улучшало настроение.

Однажды я услышал от друзей, что книгу Данилова про русское крестьянство, которая уже была в печати, «рассыпали» — кто-то решил, что там недостаточно марксизма-ленинизма. Сама идея «рассыпать» книги меня для начала удивила, потом взбесила, а затем рассмешила. Потому что в Англии это звучит как плохая шутка.

В 1990-е годы я решил создать университет, который будет нести в себе элементы «русскости» и «английскости». Мое знание английского университета и русской академической системы, которую я изучил, работая в России, помогло создать Московскую школу социальных и экономических наук.

И это, конечно, дало возможность Виктору Данилову работать у нас и создать семинар, который был его идеей. Он предложил: «Надо создать семинар, в котором можно проговаривать то, чего добились западная наука в изучении крестьянства, чтобы внести эту струю знания в жизнь России. И конечно, связать ее с тем, чего добились русские ученые». Потому что в то время английские и американские ученые довольно свободно изучали, анализировали, думали, спорили о крестьянстве, в России об этом куда меньше думали и говорили. Но и российские историки сделали очень много. Таким образом, возник семинар, который вели двое: Виктор и я. Меня этот семинар очень многому научил. Научил нас всех. И вокруг этого семинара создавалось новое понимание, если хотите, новая волна интереса к крестьянству.

Дальше — больше. Я начал исследование русского крестьянства, в котором участвовали те, кто здесь сидит, особенно эта команда, которая находится прямо передо мной. Я поставил центральное условие: те, кто соглашался участвовать в этом исследовании, должны были прожить полгода в одном селе, после полгода во втором селе, затем полгода в третьем селе.

**В. Г. Виноградский:** Восемь месяцев, Теодор. И по году мы сидели.

**Т. Шанин:** Помню, что я вначале хотел полгода, но в итоге кончилось бóльшим. В те времена главная проблема методологии у нас была, где найти резиновые сапоги, потому что ребята не могли ходить, а должны были. Но как-то эту методологически-концептуально-теоретически-аналитическую проблему мы разрешили и были очень рады. Когда мы начали семинар, была уже группа людей, которая знала это дело не только с точки зрения марксизма, хотя не имело ничего общего с Марксом. Ну, с Лениным в какой-то мере, но не с Марксом. Эта работа связала концептуальное мышление с тем, что люди проходили этот год, полгода, восемь месяцев, и со-



здала совершенно другое отношение к тому, что есть социальная структура, что есть крестьянин, что есть крестьянство, что есть сельское хозяйство.

Я хочу только добавить, что как социолог я, конечно, создал эту структуру как социологическую в широком смысле, которая обязательно включает элементы истории, экономики и так далее. Но так как Виктор Данилов был историком, то мы примерно через год после того, как начали это исследование, раскрутили его на базе историков частично потому, что в то время в России история была продвинута больше, чем социология. Мы начали развивать двойное исследование: социологию и историю. Как результат связки социологии с историей, проблем теории и концептуализации с практической, эмпирической работой в поле у нас вышли тогда книги «Великий незнакомец», «Голоса крестьян». Я бы сказал, появилась целая библиотека. Из этой библиотеки исходил семинар, который в эту библиотеку внес, конечно, в итоге эту книгу. И вот мы встречаемся спустя 20 лет...

**В. Г. Виноградский:** 25 лет, 1990 год.

**Т. Шанин:** Это целая жизнь. Целая научная жизнь, научное поколение. Я хочу сказать, что это было очень счастливое для меня время, самая счастливая часть моей научной деятельности — период моей работы по исследованию русского крестьянства. Спасибо.

**Г. А. Ястребинская:** Можно Теодору ответить? Я участник тех событий. И хочу ответить за весь наш проект, что мы до сих пор дружим, вспоминаем, называем себя шанинцами. Теодор, это был тот период, который и для Вас, оказывается, был счастливым, и для нас счастливым. Здесь вспомнили о сапогах... Я хочу рассказать один случай, до сих пор, когда я его вспоминаю, у меня все содрогается. Я работала в деревне русского Севера, в процессе исследования я там сделала крюк. А Север — это бездорожье. Я заночевала у респондентки, мы всю ночь проговорили, потом мы вышли на берег Пинеги — это широкая река. Было время года, когда река встала, то есть появился первый ледок. Она говорит: «Вот ты иди прямо и пройдешь». Тоненький лед, видно, как под ним вода течет. Я тогда пробежала эту реку. Сейчас вспоминаю, думаю: «Боже мой, если бы он провалился, меня бы никто не спас!» Это просто штрих. Это действительно было незабываемое время. До сих пор я им живу, и оно меня вдохновляет на изучение нашего российского крестьянства. Спасибо Теодору.

**В. В. Бабашкин:** Дорогие коллеги, Теодор упоминал в своем выступлении, что были все-таки русские историки, которые серьезно, иной раз с карьерным риском, с другими опасностями продвигали науку о крестьянах вперед. Роберт Дэвис называл их «могучая кучка».

Один из участников этой «могучей кучки» сегодня здесь, с нами — Николай Алексеевич Ивницкий.

**Н. А. Ивницкий:** Я хотел бы поблагодарить организаторов этого мероприятия за приглашение. Хотел бы сказать, что семинар мне лично очень много дал. Прежде всего я научился говорить и писать правду о том, что было в нашей истории. После опубликования в 1972 году моей книги «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса» я подвергся критическому анализу, можно сказать, гонению и охаиванию со стороны высших органов нашей партии. Затем в течение 11 лет мои работы не публиковались, а в тех случаях, когда я участвовал в коллективных трудах, моя фамилия вычеркивалась. И только уже в начале 1990-х годов благодаря этому семинару, семинару Шанина, я научился говорить правду, несмотря ни на что. Мне это дало силы в последующем, поскольку моральной основой являлся он. Благодаря этому мне удалось написать еще несколько книг: «Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов», которая была издана тиражом 13 тысяч экземпляров, понятно, что это очень большой тираж; «Репрессивная политика советской власти в деревне»; «Судьба раскулаченных в СССР», затем «Голод 1932–1933 годов в СССР». А также благодаря, наверное, этому мне удалось, не знаю, насколько удалось, написать автобиографические заметки, в которых я рассказал не столько о своем жизненном пути, сколько об истории науки. Книга называется «Трудный путь в науку». Она была издана, когда мне исполнился 91 год, то есть совсем недавно, в 2013 году. Я так же, как и Виктор Петрович Данилов, не изменил своих взглядов на те события, которые были как в советское, так и в постсоветское время. Может быть, это мне удалось также благодаря этому семинару. Спасибо за то, что меня пригласили, я вспомнил и свою молодость, и тот путь, который мы прошли в 90-е, 80-е, 70-е, 50-е годы. Спасибо.

**В. В. Бабашкин:** Николай Алексеевич был постоянным участником нашего семинара, автором едва ли ни острейших и наиболее глубоких реплик, зафиксированных стенограммами. Сидящий рядом с ним Игорь Николаевич Слепнёв, сотрудник Российского гуманитарного научного фонда, принес почетную грамоту, которой фонд награждает Николая Алексеевича.

**И. Н. Слепнёв:** Пользуясь приятной возможностью, я выполняю данное мне поручение вручить почетную грамоту за большой личный вклад в развитие гуманитарной науки патриарху не только аграрной науки, но и экспертной системы российских научных фондов. Я не оговорился. Николай Алексеевич Ивницкий начинал свою деятельность эксперта еще в Российском фонде фундаментальных исследований. Очень приятно поздравить Николая Алексеевича с такой оценкой его многолетнего труда.

**В. В. Бабашкин:** Александр Владимирович Гордон — человек-символ нашего семинара, еще один патриарх, который *peasant studies* перевел на русский как крестьяноведение. Он участвовал во всех 15 заседаниях и, как правило, открывал дискуссию, выступал как провокатор. Возможно, это у него получится и сегодня.

**А. В. Гордон:** Большое спасибо прежде всего Владимиру Валентиновичу Бабашкину за ту невероятную работу, которую он проделал. Это, конечно, замечательная работа, она шла из одного семинара в другой. И приятно удивляет, что она была доведена до логического завершения. Какие-то наши старые дела вдруг получили новое освещение, новую презентацию! Я совершенно не представлял, что такое возможно. Тут уже говорили, и Слепнёв приложил руку, и другие, конечно. Но первая скрипка принадлежит Владимиру Валентиновичу, и я ему вместе со всеми хочу воздать должное.

По поводу семинара. Теодор Шанин начал выступление с «неканонизированного» состояния наших исследований крестьянства. Это действительно так. Где-то в начале 1990-х годов, когда уже началась работа семинара, хорошо знакомый с ситуацией мой одноклассник по Ленинградскому университету Дэвид Рэнсел (он вел библиографический отдел в журнале *American historical review*) написал: «Одно сообщество? Нет, два». То есть мы и западная историческая наука представляли разные профессиональные сообщества, наследие идеологической борьбы. Я помню еще раньше, прочтя в *American historical review* рецензию на книгу В. П. Данилова, страшно обрадованный звоню ему и говорю: «Виктор Петрович, вот такая хорошая рецензия, положительная». Она была написана даже с определенной симпатией. В. П. мне сказал примерно так: «Держите язык за зубами. У меня предстоит защита. Не дай бог, если будет известно про эту положительную рецензию».

То есть начинался старт, который мы обсуждаем, с очень низкого старта. Я даже, может быть, на первое место поставлю культуртрегерскую функцию нашего семинара. Мы сближали разные политические культуры, по-настоящему разные культуры. Но был и момент чисто профессиональный или методологический, как хотите. В России с начала прошлого века успешно развивались аграрные исследования, притом традиционно они были отраслью экономической науки. В то время как на Западе к началу работы нашего семинара несколько десятилетий бурно развивались так называемые *peasant studies*, исследования крестьянства. Вот Теодор Шанин своим творчеством символизирует в полной мере эти исследования. Это была социология и шире — социальная наука.

И не только в этом дело. Мы привыкли считать, что крестьянство, деревня — объект тех великих исторических движений, которые идут из города, это абсолютно по Марксу. И по этой схеме советским историкам приходилось писать чуть ли не про восстание Болотникова, что оно не могло победить, потому что не было руководства

пролетариата и коммунистической партии. Примерно так. А в этих peasant studies крестьянство мыслилось субъектом, воспринималось как самостоятельная общественная сила. И еще важно было то, что мы застыли на классовом подходе, который крайне схематизировал изучение крестьянства, порой сводя это изучение к политически удобной формуле партийных программ: бедняк — середняк — кулак. Между тем крестьянство не укладывается в «классовую арифметику». Не случайно Теодор Шанин, определяя крестьянство, цитировал китайского социолога Фэй Сяотуна, который говорил, что крестьянство не класс, а *мир*, иначе говоря — социальная общность.

**Т. Шанин:** Антрополог. Для себя он был антропологом.

**А. В. Гордон:** Да, в работе по китайской деревне 1930-х годов. И важно было сблизить разные подходы. Как говорит Владимир Валентинович, я первый употребил в русском языке слово «крестьяноведение». Произошло это почти стихийно, когда писал заключение для тематического сборника (между прочим ДСП)<sup>3</sup>, дав своей статье название «*Крестьяне и крестьянские движения Востока в западном крестьяноведении*». Просто перевел термин peasant studies, которым был посвящен сборник. Еще помню, замдиректора ИНИОН, курировавший наш отдел, пожурил: «Саша, какое крестьяноведение? Рабочеведения же нет». Я с ходу парировал: «Да, но востоковедение есть, а западоведения нет». Это как-то его сразило. Но все произошло рефлекторно, я заботился лишь о том, чтобы новое понятие хорошо звучало по-русски. Я еще не понимал, что слово обязывает, что придется обосновывать академический статус специального мультидисциплинарного направления исследований. И только спустя 12 лет<sup>4</sup> смог в известной мере обобщить новации peasant studies, сливав их с достижениями отечественных ученых — этнографов и филологов, историков и экономистов, востоковедов и африканистов, с неканонизированными размышлениями Маркса, а также с прозрениями русской классики от Глеба Успенского до В. И. Белова. И когда у Теодора и Виктора Петровича возникла идея ознакомить с этими тенденциями мировой науки широкие круги российских коллег, у меня просто эйфория началась, с таким удовольствием я посещал заседания семинара.

Чтобы не очень ударяться в мемуаристику, должен сказать, что вышедший сборник семинаров не просто дань прошлому, не просто историографическая ценность. Это некий компендиум знаний, а главное — идей. Важнейшие идеи, которые сейчас курсируют, были уже тогда высказаны. И проблемы тоже сформулированы. Не-

3. Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки (1977). М.: ИНИОН.

4. Гордон А. В. (1989). Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука.

давно мне довелось прочесть книгу Сергея Александровича Нефёдова о коллективизации<sup>5</sup>. Помните, у нас был семинар по Уиткрофту?

**В. В. Бабашкин:** 13-й по счету, в 1998 году по работе С. Уиткрофта и Р. Дэвиса.

**А. В. Гордон:** Историк из Австралии Стивен Уиткрофт принадлежит к так называемому ревизионистскому направлению. Вначале проблемами нашего голода и советской коллективизации в западной советологии занимались, условно говоря, «идеологи» с определенной обличительной тональностью подхода. А «ревизионисты», начиная с Шейлы Фицпатрик, попытались дать деидеологизированную картину. И они много преуспели в раскрытии сложной реальности голода 30-х годов и многообразия его факторов. Но в своей «деидеологизации», по-моему, перегнули палку. Получалось уже так, вспоминая по жаркой полемике с Уиткрофтом, что голод периода коллективизации есть некая надысторическая закономерность, проявление природных циклов крестьянского бытия, установленных еще Мальтусом. На первый план выходили экологические обстоятельства, а человеческий фактор, поскольку затрагивался, трактовался против крестьян, что они сами в какой-то степени виноваты в том, что обрекли себя на бескормицу, стали резать скот, недосевали, не соблюдали агротехнику и т. д. Короче, несознательность патриархального крестьянства, которое не поняло преимуществ аграрной модернизации, проводившейся советской властью. Для меня такой идейно-теоретический поворот был совершенно неприемлем, я воспринимал голод как прежде всего антропогенную катастрофу, объективное следствие форсированной модернизации.

И сейчас, читая замечательную книгу С. А. Нефёдова, вижу, что вопросы все те же: был ли исходной причиной трагедии крестьянский традиционализм или форсированная модернизация? Подчеркивая традиционалистский фактор, оппоненты опираются на модернизационную парадигму. Конечно, в известных пределах она работает, и я, кстати, этой парадигме сам отдал заметную дань. Но теперь прихожу к выводу: неправильно рассматривать коллективизацию и голод 1930-х годов исключительно в рамках модернизации. Все-таки создание колхозов было не только способом аграрной модернизации, но и социальной революцией, потому что насильственным, по сути, путем в форсированном темпе был разрушен вековой уклад крестьянского бытия, радикально трансформировалась социальная структура деревни, коренным образом изменены отношения собственности. И все последовавшее видится в конечном итоге следствием. Не заходя далеко, заключаю, что

5. Нефёдов С. А. (2013). Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина.

идеи, которые обсуждались на семинарах 1990-х годов, и сейчас достаточно актуальны. Спасибо.

**В. В. Бабашкин:** Вам спасибо. Если мне не изменяет память, Виктор Викторович Кондрашин практически тоже не пропустил ни одного заседания «Современных концепций аграрного развития». Этот человек не менее известный в кругах историков-крестьяноведов, специалист по голоду, который по существу сказанного может сейчас добавить достаточно много.

**В. В. Кондрашин:** Я очень благодарен Теодору Шанину и Виктору Петровичу Данилову за то, что мне посчастливилось тогда, в 90-е, участвовать во всем этом. Для меня самое ценное в том жизненном и исследовательском опыте заключалось в возможности регулярно общаться с историками старшего поколения, сверять свои мысли и формировавшиеся научные убеждения. Ведь посмотрите, какие люди принимали участие в тех дискуссиях: наряду с руководителями семинара В. П. Даниловым и Т. Шаниным это были Н. А. Ивницкий, А. П. Корелин, И. Е. Зеленин, Л. В. Милов, П. Н. Зырянов, из США приезжал М. Левин, из Англии — Р. Дэвис, из Франции — А. Берелович... Это же был цвет не только российской, но и мировой исторической науки, исследующей проблемы аграрных отношений в нашей стране. И мы, молодые аспиранты и докторанты, имели возможность в их присутствии озвучивать какие-то свои мысли и теоретические находки. Это было страшно волнительно, и это была серьезная научная школа для меня и таких моих сверстников, как С. Домников, И. Слепнёв, В. Бабашкин, А. Никулин. Теперь все гоняются за какими-то ваковскими публикациями, чтобы без проблем защититься. Мы тогда об этом и не думали. Нам важно было не сфальшивить, обдумывая результаты своих исследований. Поэтому возможность систематически выступать перед авторитетными коллегами старшего поколения нельзя переоценить.

Была у меня и другая счастливая возможность — участвовать в комплексном исследовании российской деревни под руководством Т. Шанина. Вспоминается первое обсуждение результатов этого исследования, которое было организовано в санатории им. Константина Федина. А. П. Корелин сказал тогда В. П. Данилову, что хороший исторический очерк села, в котором использовано матерное выражение. Сиюю, думаю: «Господи, это мой». Я тогда в «Истории села Лох» привел документально зафиксированное мнение одного из крестьян об указе 9 ноября 1906 года: не рукой писан, а... Потом этот очерк опубликовали в «Крестьяноведении», как положено, с многоточием<sup>6</sup>. Но я на всю жизнь запомнил, как важна для меня была тогда положительная оценка.

6. *Кондрашин В. В.* (1997). История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М. С. 176–216.

Это стимулировало к постоянной и напряженной исследовательской работе. Помогало и то, что из материалов семинаров начинала обрисовываться определенная теоретическая система, с которой намного легче было ориентироваться в огромном массиве документов. Иначе легко в них просто потеряться. Приведу простой пример. Три дня назад мне как представителю Пензенской области в Совете Федерации довелось участвовать в юбилейном мероприятии, проходившем в Пензенской духовной семинарии, в связи с 200-летием Пензенской епархии. Смотрю, продается специальный выпуск альманаха «Краеведение», а там — моя статья под названием «Повстанцы во имя царя»<sup>7</sup> о религиозно-монархическом восстании крестьян в Краснослободском уезде в 1919 году. Само ее название — аллюзия на знаменитую монографию американского историка Д. Филда о крестьянском восстании в селе Бездна в апреле 1861 года, которой был посвящен наш семинар 26 октября 1995 года<sup>8</sup>. И то, о чем писал в свое время Д. Филд, и то, о чем мы тогда говорили, очень помогло лучше разобраться в содержании бурных событий времен Гражданской войны в России.

Буквально час тому назад мне в РГБ торжественно вручали награду за серию монографических исследований по истории аграрных отношений в России. Скромно полагая, что есть и более достойные подобной премии историки, я все же склонен рассматривать такое радостное для себя событие, как знак внимания руководства страны к российскому крестьянству, его истории и роли в российской истории, которая остается очень и очень значительной. Думаю, что мне как автору этих книг помогло встать на данные теоретические позиции мое собственное крестьянское происхождение. В речи на церемонии награждения в РГБ я подчеркнул, что свою первую книгу я посвятил своему отцу и дяде — уроженцам села Иванырс Лунинского района Пензенской области<sup>9</sup>, последнюю — патриарху советской аграрной истории М. Левину, с которым мне посчастливилось работать<sup>10</sup>. А сборник документальных материалов о крестьянском движении на Украине в годы Гражданской войны, который я редактировал, мы посвятили памяти В. П. Данилова<sup>11</sup>. Такая вот переключка поколений в аграрной истории.

7. *Кондрашин В. В.* (1999). Повстанцы во имя царя. Религиозно-монархическое восстание в селе Большой Азясь Краснослободского уезда // Краеведение. 200 лет Пензенской епархии. Спецвыпуск. Пенза. С. 32–41.

8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 462–474, 482–486 и далее.

9. *Кондрашин В. В.* (2008). Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М.

10. *Кондрашин В. В.* (2014). Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.

11. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг. (2006): Документы и материалы. М.

Мой собственный опыт чтения лекций по истории не только в российских вузах, но даже и в зарубежных университетах убеждает меня в том, что крестьянская тематика очень интересна для молодежи. Возможно, потому, что здесь минимум надоевшей политики, идеологии, из-за которых так ссорятся исследователи. Ну, попытались политизировать тему голодомора, но, кажется, это уже забыто как явная глупость, уже уходит куда-то. А крестьянство никуда не уйдет, оно останется — и в истории, и в современной повседневности. Оно живет в нас через особенности сознания, менталитет. И это очень серьезно. Мы под Пензой в деревне Степановка каждый год проводим международную конференцию «Моя малая родина». В ноябре проходила тринадцатая по счету. Туда приезжал Теодор Шанин. Его спросили про крестьянскую культуру, как же так, мол, крестьян-то уже нет никаких, о какой культуре речь? Он ответил в том смысле, что ее можно и нужно сохранять. Ученые должны запечатлеть все это, учителя, преподаватели должны заинтересовать этим молодежь. И мы в Пензе это делаем<sup>12</sup>. Насколько я знаю, эта работа ведется во многих местах.

**В. В. Бабашкин:** Сергей Анатольевич Никольский был одним из тех, кто стоял у истоков семинара.

**С. А. Никольский:** В связи с обсуждением значения семинара «Современные концепции аграрного развития», объединявшего советских и российских историков крестьянства и аграрных социологов, повторю известную мысль: любое научное и общественное явление не возникает на пустом месте. Думаю, что определенным основанием для того, чтобы такое объединение состоялось, были изменения, которые произошли в сознании исследователей советской деревни несколькими годами ранее.

Мы хорошо помним ту научную и просветительскую работу, которую с начала 80-х годов выполняли отечественные экономисты, историки, ученые-аграрники, писатели и публицисты. Кроме научных публикаций это были выступления в печати и в «толстых» общественно-литературных журналах Д. Н. Дурманова, А. М. Емельянова, А. А. Жученко, С. П. Залыгина, Ю. П. Ковырялова, М. Я. Лемешева, Г. С. Лисичкина, Н. Ф. Реймерса, А. С. Салуцкого, А. И. Стреляного, В. А. Тихонова, Л. Л. Шишова, А. В. Яблокова. На телевидении еженедельным событием был «Сельский час» Ю. Д. Черниченко. К исследованию мировоззренческой составляющей крестьянского сознания с 1983 года подключился сектор Института философии Академии наук под руководством Р. С. Карпинской, и в 1985 году в московском «Агропромиздате» вышла первая междисциплинарная монография «Раздумья о земле».

12. [http://malajarodina.narod.ru/index/zhurnal\\_quot\\_malaja\\_rodina\\_quot/c-8](http://malajarodina.narod.ru/index/zhurnal_quot_malaja_rodina_quot/c-8)



Но самой знаменательной вехой в осмыслении общественной мысли послеоктябрьского бытия отечественного крестьянства стала организованная 27 октября — 1 ноября 1986 года в Полтаве областным комитетом компартии Украины, Институтом философии АН СССР, Президиумом ВАСХНИЛ, Союзом писателей СССР и Полтавским сельскохозяйственным институтом Первая научно-практическая конференция «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика». На ней, проходившей за плотно закрытыми дверями и двойной проверкой пропусков в Полтавском обкоме под председательством его первого секретаря Федора Трофимовича Моргуна, прозвучали неподцензурные выступления многих исследователей советского общественного бытия. Будучи одним из ее организаторов, я выступал с докладом на тему «Мировоззрение, сельскохозяйственная практика, социальный прогресс» и хорошо помню доклады философов А. И. Алешина, Ю. М. Бородая, Л. П. Буевой, Р. С. Карпинской, И. К. Лисеева, А. С. Ципко, В. Н. Шердакова, экономистов В. Ф. Башмачникова, М. Я. Лемешева, Г. С. Лисичкина, Н. Ф. Реймерса, писателей и публицистов А. И. Стреляного и Ю. Д. Черниченко. По ее итогам в 1988 году вышла книга «Человек и земля. Мировоззрение. Экономика. Социальная политика».

На следующий год 9–11 октября по инициативе Института философии, в котором в то время под моим руководством начала работать исследовательская группа «Философские проблемы аграрного производства», впоследствии ставшая сектором, в Одессе состоялась II Всесоюзная научно-практическая конференция философов, экономистов, историков, писателей, ученых-аграрников и практиков сельского хозяйства «Аграрное производство и природопользование». К философам, уже выступавшим по проблематике общественного сознания крестьянства в Полтаве, подключились такие известные среди профессионалов специалисты, как Т. А. Кузьмина, Ф. Т. Михайлов, Л. И. Новикова, А. П. Огурцов, а круглые столы вели известные в то время в стране журналисты Юрий Апенченко (журнал «Знамя»), Александр Беккер (газета «Московские новости»), публицист Лен Карпинский. После конференции была издана книга «Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки».

Тесно сотрудничая с В. П. Даниловым, я опубликовал в 1990 году книгу «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября». В ней на основе работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Е. А. Преображенского и других теоретиков большевизма, а также советских историков и экономистов-аграрников мне, как я полагаю, удалось показать реальную зависимость между марксистской теорией превращения мелких крестьянских хозяйств в крупные «фабрики зерна», большевистским аграрным законодательством и послеоктябрьской политической практикой вплоть до завершения коллективизации. Такой претендующий на целостный подход ракурс не был типичным

для нашей исторической науки, традиционно работающей в русле узкой дисциплинарности. К тому же в глазах многих историков и ученых других специальностей мне невольно пришлось «нести ответственность» за грехи той части отечественной философии, которая в советское время выступала в роли толкователя партийно-политической линии. По этой причине книга не получила должного отклика в научной среде, не считая рецензии профессора Института истории АН СССР Г. З. Иоффе, вышедшей в 1991 году в 4-м номере журнала «Вопросы философии»<sup>13</sup>.

Далее Виктор Петрович познакомил меня с приехавшим в Москву Теодором, и 18–24 июня 1990 года под председательством президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова, директора Института философии АН СССР члена-корреспондента АН СССР В. С. Степина, заведующего кафедрой Манчестерского университета профессора Теодора Шанина и директора Института истории АН СССР члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева прошла I Международная конференция ученых-аграрников. Ее приветствовал тогдашний секретарь по аграрной политике Е. С. Строев. Среди ее участников были члены-корреспонденты Э. И. Крылатых и Г. И. Шмелев, профессор Д. Харрис (Канада), К. Ведекин (ФРГ), К. Бхарадвадж (Индия), профессор В. Узун (СССР) и другие известные ученые. Тогда же нами была учреждена Ассоциация ученых-аграрников, к сожалению не получившая дальнейшего развития.

Думаю, что все эти научные и общественные явления и события заслуживают рассмотрения в качестве предыстории той систематической работы, которая началась с семинара «Современные концепции аграрного развития».

**В. В. Бабашкин:** Уважаемые коллеги, пользуясь своими полномочиями ведущего, я предоставляю слово человеку, который в 90-е годы в наших семинарах участия не принимал, но, внимательно знакомясь с материалами на страницах «Отечественной истории», стал, с моей точки зрения, серьезным и очень интересным ученым. Павел Петрович Марченя, о котором я веду речь, совместно с Сергеем Юрьевичем Разиным организовал что-то вроде продолжения нашего семинара в рамках проекта «Народ и власть».

13. Впоследствии материалы книги «Власть и земля» были дополнены анализом предреволюционного и современного (после 1991 года) состояния аграрного сектора и общественного сознания крестьянства. В том числе материалами проходивших под моим руководством полевых исследований в Орловской, Нижегородской и Белгородской областях, в Краснодарском крае и в Автономной Республике Крым, в которой в 1994 году в составе московского правительства я исполнял обязанности министра сельского хозяйства и готовил аграрную реформу. Все это вошло в мою книгу «Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах» (М.: КолосС, 2003).

**П. П. Марченя:** Спасибо, Владимир Валентинович. Здесь было сказано уже много теплых слов благодарности в адрес организаторов знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития» и организаторов сегодняшнего мероприятия, посвященного презентации долгожданной книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке». Разрешите от лица нашего проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и проводимого в его рамках семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» присоединиться к сказанному: большое и искреннее спасибо всем, благодаря кому мы сегодня здесь собрались. И особые слова признательности — Владимиру Валентиновичу Бабашкину, который смог собрать столь толстый фолиант и подарить его научной общественности. Это действительно огромный и, без сомнения, полезнейший труд.

Сегодня Теодор Шанин сказал, что для современной Англии и ее науки тема крестьянства уже давно неактуальна, это прошлое, интересное лишь отдельным историкам. Не знаю, как для Англии, но для современной России изучение и понимание крестьянства и его сознания остается сверхактуальной задачей и одним из важнейших вызовов для ее интеллектуального класса, имеет приоритетное значение не только для нашего прошлого, но и для сегодняшней, и для грядущей России, российской цивилизации, для всего так называемого Русского мира. В определенном смысле и сейчас крестьянское сознание остается базовым, матричным для всех форм массового, общественного и группового сознания в России. Это именно матрица — как исходная материнская форма всех реальных проявлений массового и подлинно народного в отечественной истории, как историческая первооснова («архе») нашего социального. В ней кроется весь корневой набор архетипических установок и реакций, детерминирующих причинно-следственную модель поведения масс, задающих определенную последовательность и диапазон (коридор) событийного ряда российской истории (особенно в ситуациях системных кризисов, смут, революций, вообще в пограничных ситуациях). Эта крестьянская матрица до сих пор остается для внимательных историков изначальной «формой форм», подобной известному математикам «волшебному квадрату», возвращающемуся к канонической (нормальной) форме при любой попытке замены координат.

Да, можно спорить о том, существует ли (либо уже отсутствует) в сегодняшней России реальное крестьянство, но не приходится сомневаться в реальности сохранения самой крестьянственности и вполне определенных характеристик крестьянского сознания, остающихся доминантными в условиях непреодоленной Смуты на всем пространстве разваленной Советской империи. Без адекватного понимания и полноценного учета этих объективно сохранившихся «крестьянских» характеристик немислимо и стратегическое оформление новых (обновление старых) императивов

дальнейшего исторического пути России как главных оснований ее «выздоровления», выхода из затянувшегося «Смутного времени», восстановления прерванной «связи времен», цивилизационной преемственности. Проще говоря, сохранения России в мировой истории.

В этом смысле крестьяноведение в России — это не просто изучение аграрного вопроса, аграрной истории или современных концепций аграрного развития. Это одно из важнейших направлений всего современного проективного россиеведения, способ и мера понимания самой России, ее прошлого, настоящего и будущего. Крестьянское сознание и сегодня является матрицей массового сознания в нашем обществе — это факт, с которым, думаю, согласятся все современные крестьяноведы. И вне понимания этого факта в России в принципе невозможны никакие долгосрочные стратегические прогнозы и масштабные реформы, любые акты власти, требующие мобилизации масс. А игнорирование крестьяноведческого опыта властью при проведении всевозможных модернизаций, оптимизаций и всяких прочих инноваций делает последние не только неэффективными, но и крайне опасными — нельзя забывать, что «элитарное» пренебрежение реалиями массового сознания только за один прошлый век дважды становилось далеко не последней (если не главной!) причиной развала исторически сложившейся империи (сначала Российской, потом Советской). От усвоения современными российскими элитами уроков крестьяноведения во многом зависит, не наступим ли мы на те же грабли и в XXI веке.

Еще раз спасибо всем собравшимся. И за то, что эта тема была начата, и за то, что она продолжается, огромное спасибо тем, кто сегодня здесь присутствует, кто это делал, кто нас сегодня собрал. Со многими здесь присутствующими мы с удовольствием сотрудничали, сотрудничаем и надеемся сотрудничать дальше.

**В. В. Бабашкин:** Уважаемые коллеги, я полагаю, что дальше наше мероприятие можно пустить на самотек. Если есть желающие высказаться — пожалуйста.

**А. П. Корелин:** Хотелось бы прежде всего сказать, что почти четвертьвековой юбилей семинара — это сама по себе уже неординарная дата. Вместе с тем следует отметить, что, пока мы обсуждали теоретические и конкретно-исторические темы мировой аграрной эволюции, поднятые зарубежной и российской историографией, Россия ежегодно «теряла» сотни и тысячи деревень, крестьяне как класс-сословие практически исчезло, растворившись в сельском населении или в лучшем случае превратилось просто в сельских производителей и наемных рабочих. Между тем мы, располагая богатым историческим опытом собственного и мирового кооперативного движения, игравшего и до сих пор сохранившего важную роль в развитии экономики и формировании гражданского обще-

ства едва ли не во всех ведущих странах мира, особенно и главным образом в переходные периоды, до сих пор так и не смогли воспользоваться его уроками.

Кооперативное движение, возникнув в его классической форме в передовых странах Европы во второй четверти века как реакция мелких товаропроизводителей и наемных рабочих на развитие капитализма в его ранней стадии, сопровождавшейся заметным ухудшением материального и правового положения широких масс трудящихся, уже вскоре становится одним из заметных факторов реформирования социально-экономических, а отчасти политических и гражданских структур почти всех государств, вставших на путь буржуазной эволюции. Проявив затем поразительную устойчивость в самых различных условиях — экономических, социокультурных, политических и т. д. и продемонстрировав весьма широкий набор идейно-теоретических вариантов понимания его сути, целей и задач (от «христианского социализма», «кооператизма», «коопартнешипа» и до коллективных хозяйств советского образца и израильских киббуцев), кооперация показала, что ее фундаментальные принципы и практика находят приложения во всех обществах с рыночной экономикой — и как эффективный способ мобилизации внутренних сил для оживления и модернизации экономики, и как средство стимулирования самодеятельности широких народных масс, которая является основой гражданского общества.

Следует отметить, что и в настоящее время кооперативное движение остается одним из самых массовых движений в мире. Крупнейший его центр — Международный кооперативный альянс — сегодня объединяет кооперативы, представляющие интересы около миллиарда человек. В процессе более чем полуторавековой эволюции современная кооперация в странах Запада приобрела вид слаженно работающего механизма с достаточно четкой структурой и разграничением функций между отдельными элементами системы, обслуживающей хозяйственные, культурные, информационные и другие потребности значительной части населения. Судя по выступлениям на научных форумах американских и европейских специалистов, и сейчас перед кооперацией открываются новые перспективы в совершенствовании хозяйственной, культурной и политической жизни общества. Роль кооперативных ассоциаций именно в силу их демократизма приобретает особую значимость в связи с наметившимися в последние годы тенденциями к возрастанию роли местных самоуправляющихся сообществ, целью которых должно стать удовлетворение основных человеческих потребностей и поддержание устойчивых экономических структур, базирующихся на максимально возможном ресурсном самообеспечении, а также выполнение функций медиатора, посредника между государством и индивидом. В странах европейского сообщества и Скандинавии отмечается расширение сферы так называемой социальной экономики, охватывающей все виды деятельности орга-

низаций, основанных на коллективной и совместной собственности, в том числе кооперативов.

Актуальность этой тематики обуславливается и тем обстоятельством, что, как свидетельствует история, особо важную роль кооперация и кооперативное движение играют в переходные эпохи, в периоды так называемых транзитных экономик и становления гражданского общества. Россия неоднократно оказывалась в таких условиях, и тогда государство и общество возлагали на кооперацию самые серьезные надежды<sup>14</sup>. Казалось бы, в настоящее время, когда перед страной остро встают проблемы выбора путей и средств решения этих задач, кооперативные идеи и практика вновь должны становиться востребованными. Действительно, с конца 80-х годов XX века и до наших дней предпринимались неоднократные попытки централизованного возрождения и реформирования различных видов и форм кооперативных ассоциаций. Был принят ряд законов о деятельности кооперации. Возникло Всероссийское общество потребителей и при нем Лига кредитных союзов, учрежден Союз сельских кредитных кооперативов — некоммерческая общественная организация, созданная при содействии Министерства сельского хозяйства России, Фонда развития сельской кредитной кооперации и Ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов России (АККОР). Пока обнадеживающих результатов не видно. Уже количественные параметры современной российской кооперации, сами по себе более чем скромные, не предполагают ее серьезного участия в социально-экономической жизни страны. К тому же ее правовая база остается несовершенной, виды кооперативных объединений, их статус, взаимоотношения, направления деятельности определены крайне нечетко. Неоднократные попытки централизованного возрождения различных ее видов свидетельствуют о том, что законодателям не удалось в полной мере преодолеть негативные последствия извращенных представлений о характере, природе и предназначении кооперации, господствовавшие в советские годы, а политика и кооперативная практика, особенно второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века, вообще привели к дискредитации таких хозяйственных форм. Представляется, что эта проблема заслуживает особого внимания исследователей и могла бы стать одним из важных направлений деятельности возрожденного семинара.

14. *Корелин А. П.* (2009). Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.; *Морозов Л. Ф.* (1969). От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М.; *Кабанов В. В.* (1973). Октябрьская революция и кооперация. 1917 — март 1919. М.; *Болотова Е. Ю.* (2003). «В единении — сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX — начале XX в. Волгоград; *Козлова Е. Н.* (1993). Развитие кооперации в России и ее роль в обновлении страны (1906–1917) // Кооперация. Страницы истории. Вып. 3. М. С. 27–47; *Фигуровская Н. К.* (1993). Некоторые исторические уроки развития кооперации в России // Там же. С. 1–26 и др.

**В. В. Зверев:** Выход в свет книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке», на мой взгляд, может и должен стать знаковым явлением для всех, кто в своей научной практике касается проблем, связанных с исследованием еще таящего многие и многие тайны континента, имя которому крестьянство.

Делая это достаточно громкое заявление, я отнюдь не собираюсь каким-то образом преувеличить значимость публикации работы, а просто констатирую историографический факт, который, как известно, упрямая вещь. Согласитесь, одно дело, когда материалы появляются в периодическом издании, даже в таком авторитетном и известном, как «Отечественная история» (ныне «Российская история»), а другое дело, когда они собраны под одной обложкой. Эта, казалось бы, формальная подробность вместе с тем создает ощущение целостности и цельности работы. Целостности рассматриваемых проблем, их тематического единства, логической связи и интеллектуального штурма, которые были отличительными чертами, памятным для всех участникам заседаний. В этом отношении собранные вместе исторические документы (а именно так необходимо классифицировать проводившиеся обсуждения) создают кумулятивный эффект творческого поиска. Я понимаю, что у каждого, кто был причастен к раскованным, лишенным всякого научно-бюрократического чиновничества «посиделкам», неминуемо примешиваются чисто личные ностальгические чувства. Здесь уже ничего не поделаешь, к тому же ностальгия как воспоминание о несостоявшемся счастье — вещь заразная и передающаяся отнюдь не воздушно-капельным путем. Но я уверен, что никто не забудет той раскованной атмосферы общения, обмена мнениями, споров маститых исследователей и молодых начинающих ученых, которая объединяла и побуждала к смелости и даже дерзости умозаключений. Отмечу еще одну характерную особенность — сочетание новизны подхода и уважительного отношения к наследию предшественников, тех, кто в 60–70-е годы уже прошлого века испытал в полной мере «прелести» административного контроля за научной деятельностью.

Если говорить о цельности (целевой направленности), то она также вполне очевидна и заключается в одном слове — крестьяноведение. Этот термин, закрепленный с конца 1980-х годов в отечественной науке с легкой руки А. В. Гордона, стал концентрированным выражением принципиального методологического поворота в исследовании «неудобного класса», ускользавшего от холодного социологического анализа. Обращение к работам зарубежных специалистов давало очень многое в понимании феномена крестьянства, его отличительных черт и нюансов, объяснить и истолковать которые было невозможно, используя традиционные методики и наработанные приемы. При этом необходимо отметить, что восприятие новых идей происходило не путем автоматического переноса полученных результатов на российскую почву, а через критическое осмысление и собственное истолкование. К этому добавлялось и об-

ращение к относительно недавно «реабилитированному» творчеству А. В. Чайнова, Н. П. Макарова, Н. Д. Кондратьева.

В целом, подытоживая, могу сказать, что методологический семинар стал настоящей школой обучения и взросления, что явно просматривается в книге, созданной благодаря серьезному и напряженному редакторскому труду В. В. Бабашкина. За это я хотел бы выразить ему личную благодарность еще и потому, что, проштудировав работу от корки до корки, я не обнаружил ни одной опечатки. Согласитесь, в современных публикациях с подобным не часто приходится встречаться. Конечно, это частность, но частность, которая становится камертоном оценки работы в целом. Владимир Валентинович, который в годы существования семинара готовил фундаментально-содержательные рефераты по большинству обсуждаемых монографий, сумел подготовить издание, которое, я уверен, станет необходимым и незаменимым подспорьем для нового поколения крестьяноведов.

И в заключение несколько слов о тех выводах, которые напрашиваются после прочтения публикации. В. П. Данилов на одном из семинаров высказал мысль о необходимости перехода от обсуждения рефератов зарубежных исследователей к рассмотрению работ отечественных ученых. Как мне кажется, эта мысль крайне актуальна сегодня. Увы и ах, общая ситуация, складывающаяся в отечественной науке, приводит к исчезновению такого явления, как научная школа. Причин тому множество, и останавливаться на них нет возможности. Скажу лишь, что мы оказались перед серьезной опасностью, если не сказать, перед грядущей трагедией. Единственный способ сохранения научного наследия и осуществления преемственности поколений может состоять только в объединении усилий историков, работающих на общем научном поле, изучающих смежные и тематически близкие проблемы. Естественно, в полной мере это относится и к крестьяноведению. Как мне кажется, отмечая сегодня значение методологического семинара под руководством В. П. Данилова, мы также должны инициировать продолжение его деятельности.

**И. Н. Слепнёв:** По выражению В. П. Данилова, прозвучавшему на одном из заседаний семинара, аграрная теория и практика — сфера общественного бытия, «где пока продолжают господствовать наиболее безумные идеи и самые странные мифы»<sup>15</sup>. В этой атмосфере нарастающего безумия и разрухи публикация материалов историко-теоретического семинара звучала на страницах журнала «Отечественная история» голосом здравого смысла. Благодаря энергии и авторитету двух виднейших ученых-аграрников — В. П. Данилова и Т. Шанина был создан и эффективно действовал научный

15. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 591.



форум, сумевший объединить силы и идеи западного и российского крестьяноведения. Вышедший сборник явился результатом созданного таким образом поля высокого интеллектуального напряжения, служившего центром притяжения аграрно-исторической мысли. Материалы семинара доносят до нас, сегодняшних, голоса и научную позицию ученых — корифеев аграрно-исторической науки Ф. Б. Белелюбского, П. В. Волобуева, А. В. Гордона, Л. В. Даниловой, С. А. Есикова, И. Е. Зеленина, П. Н. Зырянова, Н. А. Ивницкого, М. Левина, Б. Г. Литвака, Л. В. Милова, Н. К. Фигуровской, Д. Филда и др., так же как и самих авторов избранных книг и публикаций, послуживших основой для обсуждения на семинаре. Многих из них уже нет с нами, и издание материалов семинара сейчас видится также и в качестве интеллектуального памятника ушедшей эпохе с ее тревогами, сбывшимися и несбывшимися надеждами.

Участники семинара характеризовали девяностые годы обвалом колхозно-совхозной системы ведения сельского хозяйства на фоне нарастающих процессов деколлективизации и приватизации, незащищенности и придавленности, руинизации сельского хозяйства под давлением стихии мирового рынка. Поистине это был тяжелый период для аграрной сферы и аграрной науки, как и для науки и для всей страны в целом.

Сейчас на протяжении ряда лет начали нарастать процессы прямо противоположной направленности. Спустя два десятилетия после случившегося обвала Россия стала превращаться в страну с динамично развивающимся сельским хозяйством, выходя на передовые позиции в мире по зерновому экспорту. Не буду обращаться к известной и весьма позитивной статистике, отмечу только этот феноменальный факт: впервые за большой отрезок времени страна вновь вернулась на позиции экспортера зерна. И это поистине революционное событие, по какому-то стечению обстоятельств, кажется, оставленное без должного внимания не только научной общественностью, но также и многочисленными участниками и слушателями горячих дискуссий конца 80-х — начала 90-х годов XX века. Дискуссий, которые можно условно озаглавить «Где пышнее пироги?»<sup>16</sup> Достаточно вспомнить один из главных перестроечных постулатов: царская Россия вывозила зерно, СССР его стал ввозить не в силах обеспечить собственное население продукцией сельского хозяйства...

Возвращение к прозвучавшим на семинаре дискуссиям спустя почти четверть века оправданно и своевременно. Перефразируя высказывание В. П. Данилова по поводу издания в России хрестоматии крестьяноведения<sup>17</sup>, можно сказать, что наконец-то материалы семинара «Современные концепции аграрного развития» изданы!

16. По названию получившей широкую известность во времена перестройки публицистической статьи Ларисы Пияшевой.

17. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире (1992):

**С. И. Толстов:** Первые публикации материалов семинаров «Современные концепции аграрного развития» в «Отечественной истории» пришлось на то время, когда я был в аспирантуре. Объектом моей кандидатской было крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е годы XIX века. Тема в советской историографии была досконально изучена, но дискуссионна настолько, что у специалистов дело доходило чуть ли не до личной вражды. В грубом приближении точки зрения формулировались следующим образом. Томская школа убедительно, с опорой на огромную фактографию доказывала, что крестьянское хозяйство на кабинетских землях стагнировало в рамках феодального способа производства. А представители новосибирской школы, максимально используя весь теоретический арсенал марксистско-ленинской методологии, не менее убежденно и убедительно доказывали, что крестьянская экономика на Алтае уже располагала основными признаками капитализма, как то товарное производство и наем.

В силу то ли своего крестьянского происхождения, то ли той культуры исторического исследования, которую нам прививали на историческом факультете Томского университета, а может быть, некой индифферентности к идеологической заданности, которая была свойственна молодежи 1980-х годов, я очень тяжело определялся, на чью, образно говоря, мельницу я буду лить воду. Огромного уважения к своим преподавателям, среди которых, например, была Зоя Яковлевна Бояршинова, которая глубоко позитивистски проанализировала крестьянский двор эпохи феодализма как базовую сельскохозяйственную единицу, оказывалось недостаточно. Меня интуитивно смущало то, что ряд исследователей предписывали крестьянскому хозяйству линейную логику развития. Для меня было очевидно, что возможности формационной методологии в объяснении феномена крестьянского хозяйствования в мобилизационных условиях не безграничны. Весьма кстати на почву моих сомнений, а также выкладок на основе многомерного математико-статистического анализа лег колоссальный познавательный инструментарий, почерпнутый из материалов семинаров. Реализуя крестьяноведческие методологические установки на изучение крестьянского хозяйства как такового, я сделал умозаключение: в предреформенные годы в алтайской приписной деревне имела место эволюция крестьянского хозяйства под влиянием коммерциализации, а не становления капиталистических отношений. Крестьянин реализовывался в своей имманентной природе как хозяйствующий в рыночных условиях социальный тип, он с выгодой для себя пользовался возможностями избегать издержек добывания «живых» денег.

У меня была удачная возможность укрепиться в этом своем убеждении в очных дискуссиях на конференциях с некоторыми из

---

пер. с англ. / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия».

участников семинара (В. В. Бабашкиным, А. М. Никулиным). Оно мировоззренчески меня устроило и на защите прозвучало убедительно для основных оппонентов, в чем, безусловно, сыграл свою роль позитивный отзыв на мой автореферат, который дал такой авторитетный ученый, как А. В. Гордон.

В последние годы для меня открывается огромная продуктивность крестьяноведения в трактовке феномена колхозного крестьянства, которое отнюдь не утратило традиционную роль релевантного фактора в истории. Я обнаруживаю аналогии в механизме функционирования мобилизационного крестьянского хозяйства и в доколхозную пору, и в последующие годы. Сельские труженики не перестали быть крестьянами, получив мерность колхозных. Они адаптировали колхозы под себя и побудили власть на какое-то время ввести колхозы в режим самоуправления, вынудили искать баланс интересов с ними. Колхозный строй, поставив барьер перерастанию интегрированного в общественное производство личного подсобного хозяйства в капиталистическое, задействовал мотивацию удовлетворения демографически обусловленных потребностей на базе семейно-трудовых приоритетов в предвоенные и военные годы, а также позволил раскрыться природе предприимчивости в относительно благополучные 1950-е годы, когда крестьяне по максимуму реализовались в самозэксплуатации. Вызывает сожаление, что вариант исторического развития, при котором такая производственная единица, как «колхоз-деревня», могла вписаться добросовестным трудом в модернизацию страны, если бы ею управляли, не нарушая коренных крестьянских интересов, был сломлен тем, что я называю национализацией колхозов. Однако тема эта насколько интересна, настолько и щепетильна. Опираясь на крестьяноведческую методологию, в ней можно выйти на доказательные научные выводы, и в этом отношении данная книга как нельзя кстати.

**С. Ю. Разин:** Уважаемые коллеги! Я бы хотел несколько слов сказать о теоретико-методологическом значении семинара «Современные концепции аграрного развития» и тезисно выделить несколько идей, прозвучавших в ходе его заседаний, которые, на мой взгляд, имеют важное значение для россиеведения и крестьяноведения.

Во-первых, это отказ от европоцентристских (западноцентристских) подходов к рассмотрению истории западных обществ, прежде всего России. В материалах семинара постоянно звучала мысль о том, что Россия — это крестьянская страна, особая цивилизация, специфика которой определяется крестьянством, его культурой и его сознанием. Эта теоретико-методологическая установка и сегодня не утратила своей актуальности.

Во-вторых, это позиция, согласно которой крестьянство в традиционных обществах — активный субъект политики, а не только объект манипуляций политических элит.

В-третьих, это точка зрения, согласно которой крестьянский вопрос не сводится только к аграрному. Важнейшей его составной частью является вопрос о роли крестьянского сознания в истории традиционных обществ, включая Россию.

В-четвертых, это представление о том, что русская революция начала века — это прежде всего крестьянская революция. Исход русской революции определялся позицией крестьянства, его отношением к различным политическим силам, участвовавшим в борьбе за власть.

В-пятых, это подход к анализу крестьянской революции в России, суть которого сводится к тому, что она рассматривается как длительный процесс, начавшийся в 1902 году и завершившийся в 1930-е годы.

В-шестых, это идея о том, что оборотной стороной процесса раскрестьянивания явилось окрестьянивание страны, распространение крестьянственности на все социокультурное пространство Российской/Советской империи и превращение России в огромную мега-общину, существующую по принципам крестьянского мира.

Эти идеи, на мой взгляд, приближают нас к обретению подлинного понимания глубинных социокультурных механизмов русской революции, победы большевизма и генезиса советской модели государства и общества.

В заключение хотел бы еще раз поблагодарить организаторов и участников семинара «Современные концепции аграрного развития» за все, что они сделали для исторической науки, и пригласить всех присутствующих к участию в мероприятиях и сборниках нашего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

*Публикацию подготовили  
В. В. Бабашкин, И. А. Кузнецов*

**Contemporary Peasant Studies, and Agrarian History of Russia in the XX Century. Round table.**

ИСТОРИЯ

This publication is a transcript of the round table dedicated to the presentation of the book “Contemporary Peasant Studies, and Agrarian History of Russia in the XX Century” that took place on March 18, 2016 at the Moscow School of Social and Economic Sciences within the XXIII International Symposium “The Paths of Russia. North–South”. The book consists of the materials of the theoretical seminars “Modern Theories of Agrarian Development” that worked in 1992–2000 under the direction of Viktor Danilov and Teodor Shanin, made a significant contribution to the development of post-Soviet agrarian historiography, and for several decades united Russian and foreign researchers of different generations. The participants of the round table discussed the development of Russian and foreign Peasant Studies in the 1960s—1990s, their current state, problems and prospects. In particular, it was repeatedly noted that one can argue about whether or not there are real peasants in today’s Russia, however, there is no doubt about the preservation of peasant consciousness features in the Russian population. The round table participants shared their personal memories about theoretical seminars of Shanin-Danilov, their experience of the field anthropological and sociological research and scientific discussions.

*Key words:* Peasant Studies; agrarian seminar; peasantry; rural sociology; agrarian history; Russian history; post-Soviet agrarian historiography.

# Звезда и смерть сибирского травополья

В. А. Ильных

*Владимир Андреевич Ильных*, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН. 630090. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8. E-mail [agro\\_iwa@mail.ru](mailto:agro_iwa@mail.ru)

В статье рассматриваются попытки внедрения в Сибири травопольной системы земледелия в контексте аграрной политики советского государства и идейно-теоретической борьбы в агрономической науке. В начале XX века в Сибири возникла угроза перехода от парозалежной системы земледелия к трехполью, что могло привести к кризису сельского хозяйства региона. К середине 1920-х годов ведущие специалисты земельных органов, партийные и советские руководители края полагали, что предотвратить кризис можно, лишь внедрив травопольную систему земледелия. В начале 1930-х годов от травополья отказались, поскольку предполагаемое увеличение посевов трав противоречило задаче решения зерновой проблемы. Забвение агротехнологических основ земледелия в период коллективизации привело к падению плодородия почв, в связи с чем в 1937 году было принято решение о переходе к травопольной системе в большинстве регионов страны. Прерванное Великой Отечественной войной внедрение травополья возобновилось в конце 1940-х годов. После начала кампании по освоению целины травополье было объявлено малоэффективным и ведущим к сокращению посевов зерновых. В итоге произошел повсеместный отказ от травопольной системы, следствием чего стало сужение кормовой базы животноводства и снижение плодородия почв. После завершения целинной кампании возрождения травополья не произошло — ставка была сделана на более интенсивные технологии и химизацию земледелия.

*Ключевые слова:* аграрная политика; системы земледелия; травополье; агротехника; колхозно-совхозная система; Сибирь.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-93-121

Начиная с XV века основной системой земледелия в сельскохозяйственных районах европейской части России стала паровая с трехпольным севооборотом: 1) пар; 2) озимые зерновые; 3) яровые зерновые и крупяные. Трехполье носило ярко выраженное зерновое направление. Оно сочеталось с разведением крупного рогатого скота (КРС), кормовой базой для которого служили естественные луга и гуменные корма (солома и мякина). КРС использовался в том числе как источник органического удобрения (навозное животноводство). Навоз, вносимый в паровое поле, способствовал восстановлению плодородия почвы. Пар также несколько раз за лето обрабатывали для уничтожения сорняков и накопления влаги.

Трехполье относится к экстенсивным системам земледелия и отличается относительно низкой урожайностью. Однако внутренний и внешний спрос на хлеба постоянно рос. Увеличить же производство зерновых в рамках трехполья можно было лишь за счет вовлечения в севооборот лугов. По мере их распашки паровое поле, зараставшее сорняками, в первую половину лета использовалось как пастбище. Его обработка откладывалась на вторую половину

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00067.

лета. Соответственно уменьшалась кормовая база животноводства, а связанное с этим сокращение поголовья КРС вело к снижению объема вносимого навоза. Плодородие почвы в полной мере не восстанавливалось, и урожайность пашни снижалась.

В этих условиях помещичьи хозяйства стали переходить от трехпольных к многопольным севооборотам. Однако в общине, за которой после реформы 1861 года были закреплены крестьяне, по-прежнему преобладало трехполье, имеющее принудительный характер. К началу XX века сдерживающая развитие производительных сил сельского хозяйства трехполька превратилась в агротехническое «проклятие» России и стала одним из основных факторов глубокого аграрного кризиса в стране.

В Сибири ситуация была иной. Перевалив через «Камень», русские крестьяне в качестве базовой системы земледелия избрали перелог. Выбор был обусловлен следующими особенностями региона: отсутствием помещичьего хозяйства, земельным простором и возможностями для свободного перемещения. При переложной системе земледелия освоенный участок засевался три — пять лет подряд. Для увеличения срока его использования, накопления влаги и борьбы с сорняками мог применяться пар. При этом навоз на паровое поле, как правило, не вывозился. Истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки (в залежь) для восстановления плодородия естественным путем, а крестьянин осваивал новый целинный участок.

Брошенная в залежь земля сначала покрывалась бурьяном, через три — пять лет — пыреем, за которым следовало степное разнотравье, формировавшее фактически целинную дернину. Залежь во время отдыха превращалась в пастбище, сенокосы, ягодники. Минимальное время восстановления плодородия составляло 15 лет, оптимальное — до 25 лет. После этого владелец земли, забросив новую пашню под залежь, мог возвращаться на прежний участок. Его семья, разрастаясь, выделяла новых колонистов, удалявшихся от материнского хозяйства на неосвоенные территории. В результате применения переложной системы земледелия все аграрное население находилось в состоянии неполной земледельческой оседлости — циклического перемещения в пределах освоенной территории (Историческая энциклопедия Сибири, 2009: 592; Сельское хозяйство Сибирского края, 1926а: 236–237).

С конца XIX века государство встало на путь регулирования крестьянского землепользования в Сибири. На большей части территории региона за крестьянскими общинами закреплялись земли. Наделы, которые община предоставляла своим членам, были достаточно обширными (15 дес. на душу). Однако с феноменом неполной аграрной оседлости было покончено. Переложная система земледелия трансформировалась в залежную (в мало освоенных районах) или парозалежную, основным отличием которых от переложной являлось закрепление залежи в севооборот одного хозяйства. Типич-

ный залежный севооборот (21 поле) предполагал 15-летнюю залежь, подъем пласта и оставление его под пар, посев зерновых пять лет подряд; парозалежный севооборот (23 поля) — 15-летнюю залежь, подъем пласта, четырехлетний посев зерновых, пар, двухлетний посев зерновых. Навоз вывозился лишь на паровые поля, расположенные вблизи поселений. На отдаленных участках по-прежнему применялось «безнавозное» парование (Историческая энциклопедия Сибири, 2009: 592; Скорняков, 1925: 25).

Следствием массового крестьянского переселения в начале XX века стало многократное увеличение посевных площадей. Площади свободных целинных земель сокращались, что приводило к вовлечению в полевой оборот не восстановившей плодородия залежи. Залежь поднималась на стадии ее покрытия пыреем и даже бурьяном. При этом пырей является злостным и трудноискоренимым сорняком, который, в свою очередь, негативно влияет на урожайность пашни. Преждевременный подъем залежи вынуждал земледельцев переходить от возделывания высокоценных твердых пшениц к производству менее качественных мягких и расширению посевов так называемых серых хлебов — ржи, овса, ячменя. Кроме того, массовая распашка залежи, которая использовалась для выпаса скота, сужала базу для развития кормопроизводства и создавала препятствие для расширенного развития наиболее товарной отрасли сибирского сельского хозяйства — маслоделия. Сложившаяся ситуация была определена рядом агрономов как «органический кризис» сельского хозяйства, доказательством чего, по их мнению, являлось систематическое снижение урожайности (Осипов, 1924: 11).

Дальнейшее земельное утеснение оборачивалось постепенным переходом от парозалежной системы земледелия к безнадежно к тому времени устаревшему трехполью (см. выше), что, собственно, в ряде районов Западной Сибири (в Зауралье) уже произошло. Распространение трехполья на весь регион, так же как и в европейской части страны, в перспективе могло привести к стагнации сельского хозяйства и обнищанию основной массы сельского населения. С появлением в Сибири угрозы трехполья активизировались поиски альтернативных агротехнических вариантов. К середине 1920-х годов ведущие агрономы и руководители земельных органов региона пришли к выводу, что преодолеть «органический кризис» сибирского земледелия и предотвратить его сползание к трехполью можно только путем постепенного и повсеместного перехода к травополью.

Травополье — система земледелия, повышение плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты на несколько лет подряд клина сеяных многолетних трав. Травопольные севообороты также предполагали последующее после посева трав чередование культур. В советской сельскохозяйственной и справочной литературе создателем травопольной системы земледелия считается известный российский и советский почвовед академик В. Р. Виль-



ямс (Большая советская энциклопедия, 1976: 465). Это утверждение не соответствует действительности. Травополье появилось задолго до рождения будущего академика. Об этом, в частности, говорил и сам Вильямс в докладе «О переходе от господствующей паровой системы земледелия к травопольной» на сельхозсекции Госплана в 1921 году: «Только при посредстве введения травопольной системы земледелия французские агрономы, после французской революции семидесятых годов прошлого столетия, в десятилетний период удвоили средний урожай пшеницы во Франции» (Вильямс, 1950а: 312).

Травополье было известно и в России. Первоначально оно внедрялось в помещичьих хозяйствах<sup>1</sup>. В начале XX века травосеяние и травополье стали применять и в крестьянских хозяйствах. Благоприятные условия для этого были созданы столыпинской аграрной реформой, которая позволила крестьянам выйти из общины с закреплением выделенного компактного земельного участка (отруба или хутора) в собственность. Особенно широкое распространение крестьянское травосеяние получило в нечерноземной полосе европейской части России (Агрономическая помощь, 1914: 98).

В. Р. Вильямс теоретически обосновал травопольную систему земледелия и внес в нее новые элементы. По его мнению, паровая зерновая система земледелия ведет к деградации (распылению) почвы и потере ее плодородия. Введение в севооборот пропашных культур и даже применение минеральных удобрений принципиально ситуацию изменить не могут. Восстановить почву могут только многолетние травы. Через два — три года культивации они своими корнями создают прочные комочки почвы, обогащают ее гумусом и создают условия для посева зерновых культур в течение последующих шести — семи лет. При этом Вильямс являлся сторонником глубокой классической пахоты. Наряду с полевыми травопольными севооборотами он предлагал внедрять луговые. В луговом севообороте культивируемые от четырех до семи лет многолетние травы обеспечивают выращивание масличных, овощных и кормовых культур в течение пяти — семи лет. Вильямс считал, что парование почвы не приводит к восстановлению ее структуры, а следовательно, к повышению плодородия. В то же время чистые обрабатываемые пары являются надежным средством борьбы с сорняками, и поэтому их следует применять во время перехода от трехполья к травополью. После избавления пашни от сорной растительности необходимость в использовании паров отпадает. Система Вильям-

---

1. Первым в России травополье апробировал А. Н. Энгельгардт в имении Ба-тищево (Смоленская губерния). В начале 1870-х годов он ежегодно заменял часть трехпольного севооборота шестилетними посевами трав, а затем последовательно переходил к двенадцатипольному, девятипольному и шестипольному паротравопольным севооборотам с трехлетними посевами трав (Коваленко, 2014: 15–16).

са также предусматривала повсеместное создание защитных лесополос, прудов в оврагах и низинах, облесение берегов водоемов и рек (Вильямс, 1950а; Вильямс, 1950в). Предложенный Вильямсом вариант травополя в конце 1930-х годов в СССР был признан каноническим и получил исключительное право определяться как травопольная система земледелия. Отличные от него, в том числе предшествующие, версии травопольных севооборотов стали относиться к многопольно-травяной системе земледелия (Большая советская энциклопедия, 1976: 465).

У травополя вообще и системе его ведения, предложенной Вильямсом, были противники. Против повсеместного внедрения травополя выступали так называемые паровики, полагавшие, что наиболее оптимальным вариантом смены трехполя в основных зернопроизводящих районах страны является многопольная улучшенная зерновая (паропропашная) система с введением в севооборот наряду с паром пропашных культур. Наиболее известным оппонентом Вильямса был академик Н. М. Тулайков, который в течение многих лет критиковал его концепцию о роли структуры почв в плодородии<sup>2</sup>, выступал против шаблонного применения травопольных севооборотов и считал ошибочной глубокую пахоту с оборотом пласта. Он доказывал, что обязательным элементом севооборотов в засушливых районах страны являются не травы, а пропашные культуры, прежде всего кукуруза, сахарная свекла и подсолнечник, которые служат средством борьбы с сорняками, а также зернобобовые, обогащающие почву азотом. Тулайков был противником чистых паров и предлагал замену их на занятые. Он также предлагал перейти от глубокой обработки почвы к более мелкой, способствующей лучшему сохранению и накоплению влаги (Тулайков, 1933: 14–16, 19; Тулайков, 1963: 23–27).

И «травопольщикам», и «паровикам» противостояли так называемые минералисты, которые считали, что радикальное повышение урожайности сельхозкультур может быть достигнуто лишь посредством широкомасштабного применения минеральных удобрений. Наиболее видным представителем «минералистов» являлся академик Д. Н. Прянишников. Между вышеперечисленными направлениями отечественной агрономической науки существовали переходные группы. Так, например, некоторые «травопольщики» считали целесообразным постоянное введение в травопольные севообороты паров (паротравополье)<sup>3</sup>.

В Сибири в 1920-х годах ведущие позиции в земельных органах, научных сельскохозяйственных учреждениях и учебных заведениях занимали сторонники травополя. По их мнению, травопольная

2. В связи с этим Н. М. Тулайкова и его сторонников называли «антиструктурниками».

3. Так, например, пар являлся составной частью травопольных севооборотов А. Н. Энгельгардта (см. выше).

система земледелия позволяла увеличить урожайность без применения дорогостоящих минеральных удобрений и способствовала решению кормового вопроса, создавая надежную основу для наращивания производства животного масла. Искусственная травяная залежь также создавала благоприятные условия для выращивания твердой пшеницы и льна. Внедрение новой системы не должно было привести к падению объемов производства продуктов растениеводства, поскольку постепенное сокращение площадей старопахотных земель за счет посевов трав планировалось компенсировать вовлечением в севообороты залежи. Исходя из этого сторонники перехода к травополью рассматривали его как гармоничную систему, в которой интересы земледелия и животноводства совпадают, а «расширение и улучшение одной ведет к расширению и улучшению другой» (Сельское хозяйство Сибирского края, 1926а: 244).

Первые опыты по внедрению травополья в регионе были начаты еще до Октябрьской революции и продолжены в послереволюционный период. Основным центром разработки травопольных севооборотов выступало Омское центральное сельскохозяйственное общество (Марковский, 1923: 9–10). Его адептами являлись руководители и ведущие специалисты Омского губернского земельного отдела/управления — заведующий А. М. Розе, губернский агроном И. И. Осипов<sup>4</sup>, заведующий Западно-Сибирской (Омской) областной сельскохозяйственной опытной станцией С. С. Марковский, который фактически возглавлял омскую агрономическую школу. Вопрос о необходимости перехода от залежной системы к травопольной был поставлен в докладе Омского губземотдела II Всесибирскому земельному съезду в июле 1921 года. В 1922 году 1-е Омское губернское агрономическое совещание рассматривало внедрение травополья в качестве одной из приоритетных задач земельных органов губернии. На состоявшемся в ноябре 1923 года областном земельном совещании омичи убедили руководство Сибземуправления поднять данную задачу на региональный уровень. В окончательном варианте резолюции совещания предлагалось при составлении краевого и всех губернских перспективных планов исходить из необходимости перехода к травопольной системе земледелия (Земельные органы Сибири, 2015: 110–111).

Данную позицию активно поддержал назначенный осенью 1924 года уполномоченным Наркомзема РСФСР по Сибири П. А. Месяцев<sup>5</sup>. При этом он опирался в первую очередь на кадровый по-

4. И. И. Осипов в 1918–1919 годах занимал должность заведующего агрономическим отделом Войсковой управы Сибирского казачьего войска.

5. Месяцев П. А. (1889–1938) — советский государственный деятель, член большевистской партии с 1906 года. В 1921–1924 годах — член коллегии Наркомзема РСФСР, первый декан экономического факультета Петровской земледельческой и лесной академии (затем Тимирязевской). Был одним из идеологов и разработчиков Земельного кодекса 1922 года. В сен-

тенциал земельных органов Омской губернии. Так, на должность заведующего отделом сельского хозяйства Сибземуправления (областного/краевого агронома) им был назначен омский губернский агроном И. И. Осипов. 5-е Сибирское земельное совещание, проводившееся под председательством П. А. Месяцева, рассматривало паротравополье «как лозунг, как идеал достижения в ближайший период в сельском хозяйстве Сибири, вокруг которого должны быть объединены усилия земельных работников и органов воздействия на сельское хозяйство». Пропаганда новой системы земледелия была провозглашена одной из главных редакционных целей созданного в 1925 году журнала Сибкрайземуправления «Земельный работник Сибири» (Резолюции, 1925: 17; Земельные органы Сибири, 2015: 91–92, 111). 30 марта 1926 года бюро Сибкрайкома ВКП(б) после доклада Месяцева приняло постановление «Об очередных задачах в области сельского хозяйства», в котором признавался «правильным и единственно целесообразным путь дальнейшего развития и реорганизации сельского хозяйства Сибири через внедрение паротравополья» (Известия Сибкрайкома, 1926: 58).

В начале 1926 года был издан подготовленный специалистами Сибкрайземуправления Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края (далее — Перспективный план), в котором предлагалась программа превращения Сибири в течение последующей четверти века в район интенсивного сельского хозяйства, имеющего преимущественно экспортный характер. Основной статьей сибирского сельскохозяйственного экспорта вновь, как и до революции, должно было стать животное масло, а аграрное производство в связи с этим приобретало преимущественно животноводческое (молочно-масляное) направление. Агротехнологической основой переориентации сельского хозяйства с утвердившейся к середине 1920-х годов зерновой специализации на молочно-масляную называлась травопольная система земледелия (Ильных, 2011: 180–183).

В Перспективном плане было разработано пять типов травопольных севооборотов для большинства сельскохозяйственных районов Сибирского края<sup>6</sup>. И лишь для Восточно-Сибирского таежного района рекомендовался улучшенный четырехпольный зерно-паровой

---

тябре 1924 года командирован в Сибирь в качестве уполномоченного НКЗ РСФСР с назначением на должность заведующего Сибирским земельным управлением. В июне 1926 года отозван из Сибири.

6. Так, для западносибирского лесостепного района предлагался девятипольный севооборот: 1) твердая пшеница по поднятой искусственной залежи; 2) мягкая пшеница; 3) удобренный навозом пар в сочетании с посевами корнеклубнеплодов и чечевицы; 4) озимая рожь и мягкая пшеница; 5) овес и ячмень; 6–9) многолетние травы; для западносибирского степного — восьмипольный севооборот без пара: 1) твердая пшеница по поднятой искусственной залежи; 2) мягкая пшеница; 3) подсолнечник и картофель; 4) ячмень и овес; 5–8) многолетние травы.

севооборот<sup>7</sup>. В восьми-, девятипольных севооборотах травы в западной части региона занимали от трех до четырех полей, в Восточной части — от двух до трех (Сельское хозяйство Сибирского края, 1926б: 61, 100, 136–137, 165, 187, 220). Паровое поле было представлено во всех типах севооборотов, кроме предназначенного для Западно-Сибирского степного района. Наличие в севооборотах паров и более длительное время культивации трав отличает предложения ведущих сибирских агрономов середины 1920-х годов от рекомендаций Вильямса, что свидетельствует о самостоятельности их разработок.

Следует отметить, что у некоторых представителей сельскохозяйственной науки и практиков того времени существовали альтернативные взгляды на перспективы сибирского земледелия. Сомнения в целесообразности широкого внедрения травополья высказывались на ряде крупных совещаний руководящих работников сельского хозяйства края в середине 1920-х годов, в том числе на 5-м Омском губернском земельном совещании. В первоначальном варианте резолюции ноябрьского (1923 г.) Сибземсовещания (см. выше) указывалось, что в Енисейской и Иркутской губерниях необходимости перехода к травополью нет, а его введение в Западной Сибири также не должно иметь обязательный характер для всей территории региона. С критикой позиции адептов сибирского травополья выступили также ведущий специалист Наркомзема агроном А. Котов, посетивший Сибирь в составе экспедиции наркомата, и А. Н. Челинцев, представлявший плановую комиссию Наркомзема (Земплан) (Земельные органы Сибири, 2015: 114).

Оппоненты считали, что парозалежная система в ряде районов Сибири не исчерпала своего потенциала, а перспектива перехода к трехполью является слишком отдаленной, чтобы учитывать ее в агрономической практике. В связи с этим ими предлагалась рационализация существующей системы путем введения в севооборот культурных паров и пропашных культур при сохранении определенного процента залежи. Травосеяние, но не столь масштабное, как в травопольной системе, также должно было использоваться как средство улучшения агрикультуры.

В Земплане 5 июня 1925 года состоялось совещание по вопросу о перспективах агрикультурного развития Сибири. По докладу об оперативном плане Сибземуправления была отмечена недостаточная обоснованность необходимости и своевременности перехода к травополью, а также недостаточный учет экономических и естественно-географических особенностей отдельных районов при решении порайонного построения вводимой системы. Земплан счел, что «в современных условиях, при общей низкой плотности населения, при достаточной земельной обеспеченности, введение тра-

7. 1) занятый (травой на сено) и удобренный навозом пар; 2) яровая пшеница; 3) корнеклубнеплоды и чечевица; 4) овес и ячмень.

вополя является возможным лишь в отдельных местностях Западной Сибири» (Земельные органы Сибири, 2015: 115).

Тем не менее сторонники повсеместного внедрения травополя реагировали на критику в свой адрес весьма болезненно. Пользуясь своим служебным положением, они не допускали появления в сибирской сельскохозяйственной периодике публикаций с иной точкой зрения. На совещании заведующих окрземуправлениями и окружных агрономов в мае 1926 года И. Н. Харламов, заменивший в должности заведующего крайземуправлением Месяцева, отозванного в Москву, ссылаясь на вышеупомянутое постановление Сибкрайкома ВКП(б) от 30 марта 1926 года, требовал «раз и навсегда прекратить споры о паротравополе» (Земельные органы Сибири, 2015: 114–115).

Следует отметить, что в работах ведущих специалистов земельных органов Сибири середины 1920-х годов, включая Перспективный план, в качестве организационно-производственной базы внедрения травополя рассматривались крестьянские хозяйства. Первоначально на травопольные севообороты переходили хуторяне. В 1925 году была поставлена задача внедрения паротравополя в небольших поселках (выселках), выведенных из многодворных общин, в которых каждому хозяйству выделялся не подлежащий переделу земельный участок — отруб. В Перспективном плане предусматривался переход на травополе всех крестьянских хозяйств края, которые фактически превращались в мелкофермерские. При этом колхозы и госхозы занимали в будущей системе аграрного производства региона достаточно скромное место (Земельные органы Сибири, 2015: 112, 113). Ставка на развитие не коллективных, а индивидуальных крестьянских хозяйств в целом соответствовала реализуемой в период НЭПа тактической линии большевистской партии в аграрно-крестьянском вопросе.

Распространение травополя и травосеяния в 1920-е годы в Сибири проходило достаточно медленно. В 1927 году удельный вес сенокосных трав в общей посевной площади в крае составлял лишь 0,5% (38,5 тыс. га). В Новосибирском округе в октябре 1927 года насчитывалось 656 травопольных севооборотов (20,7 тыс. га), в том числе единых — 638, мелкогрупповых — 7, колхозных — 11 (Сибирский край, 1930: 299, 307; Земельные органы Сибири, 2015: 461). Причинами низких темпов внедрения травополя являлось нежелание большинства крестьян идти на радикальную перестройку своего хозяйства, а также дефицит семян трав.

В конце 1920-х годов аграрная политика правящего режима терпела кардинальные изменения. Замедление темпов развития крестьянского хозяйства подрывало возможность осуществления принятой лидерами Коммунистической партии программы ускоренной индустриализации страны. В связи с этим был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства, в ходе которой мелкотоварное производство должно быть заменено крупным социалистическим. По мнению марксистских теоретиков, это позволяло широ-

В. А. Ильиных  
Звезда и смерть  
сибирского  
травополя

ко внедрить в аграрный сектор экономики новейшие технические и агротехнические достижения и за счет этого резко повысить его производительность. Изменение курса партии привело к трансформации подходов к планированию сельхозпроизводства. Коррекции подверглись и подходы к проблеме травополья. В официальных документах и региональной сельскохозяйственной литературе оно по-прежнему рассматривалось как основа агротехнологической реконструкции сельского хозяйства. Однако при этом подчеркивалось, что введение травополья является не самоцелью, а технико-производственной задачей, которая может быть решена только в условиях коллективизации. По решению состоявшегося в октябре 1928 года краевого совещания по повышению урожайности травополье в полном объеме могло вводиться только в совхозах и колхозах. В единоличном секторе следовало ограничиться травосеянием. Данная работа не должна была проводиться в ущерб массовым мероприятиям по рационализации существующих систем земледелия (Земельные органы Сибири, 2015: 157–158).

В конце 1920-х годов темпы распространения травосеяния в Сибирском крае выросли. В 1929 году площадь, занятая сеянными травами, увеличилась по сравнению с 1927 годом в 3,2 раза. Тем не менее их удельный вес в общей площади посевов оставался незначительным — 1,6% (Земельные органы Сибири, 2015: 157–158; Сибирский край, 1930: 297, 307). Точных сведений о количестве травопольных севооборотов в конце 1920-х годов в крае в целом и отдельных округах не выявлено. Тем не менее, основываясь на ряде аналитических источников, можно с полным основанием сделать вывод об их сокращении в единоличных хозяйствах и увеличении в колхозах. Однако в силу перманентного укрупнения колхозов поля севооборотов в них лишь нарезались, но не осваивались.

В принятом в начале 1930 года Генеральном плане развития народного хозяйства Сибири (Материалы к Генеральному плану, 1930) единственным путем перестройки аграрного сектора экономики объявлялась массовая коллективизация крестьянских хозяйств. Тем не менее его авторы остались верны выбору своих предшественников в пользу преимущественно животноводческой (молочно-масляной) специализации сельского хозяйства региона. Ориентированное главным образом на экспорт маслоделие по-прежнему рассматривалось как базовая отрасль аграрной экономики, а травополье — как основа ее агротехнологической реконструкции.

Однако предусмотренные в Генеральном плане севообороты существенно отличались от рекомендованных в Перспективном плане 1926 года (см. выше). Они были более районированными. Отдельный тип севооборота разработали для каждого из 17 сельскохозяйственных районов Сибирского края<sup>8</sup>. Посевы трав в них занимали

8. Так, для Омского района предлагался восьмипольный севооборот: 1–3) многолетние травы; 4–5) пшеница твердая; 6) подсолнечник; 7–8) пшеница

от двух до трех полей восьми-, девятипольных полевых севооборотов. Сокращение сроков культивации трав позволяло нарастить долю зерновых культур и прежде всего пшеницы<sup>9</sup>, которая также рассматривалась как одна из важных статей регионального сельскохозяйственного экспорта. Продуктивность почвы в севооборотах Генерального плана восстанавливалась не только за счет сеяных трав, но также путем более широкого внедрения пропашных культур и применения минеральных удобрений. В то же время роль пара сводилась к минимуму. Его удельный вес в общей площади пашни должен был в конце 1930-х годов составить в целом по краю лишь 3,7% (Материалы к Генеральному плану, 1930: 111). Помимо полевых севооборотов предусматривались прифермерские луговые. Отметим, что наличие в наработках ведущих сибирских агрономов конца 1920-х годов луговых севооборотов, сокращение срока культивации трав и фактическое игнорирование паров соответствовали установкам Вильямса, а введение пропашных культур в полевые зерновые севообороты им противоречило.

Таким образом, в конце 1920-х годов травополье в Сибири оставалось агрикультурным мейнстримом. Однако ситуация изменилась уже во второй половине 1930 года. Летом этого года в Москве были проведены аресты известных российских аграрников и экономистов (А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Литошенко и др.), которые якобы создали «Трудовую крестьянскую партию», готовившую кулацкие восстания. Филиал ЦК партии нашли и в Сибири. По данному делу летом и осенью 1930 года были арестованы, а в апреле 1931 года осуждены многие ведущие специалисты земельных органов региона, в том числе упомянутые выше С. С. Марковский и И. И. Осипов<sup>10</sup>. В местной прессе они получили ярлык «сибирских кондратьевцев». Наиболее активным разоблачителем их «контрреволюционных» и «вредительских» замыслов являлся директор Западно-Сибирского института социалистической реконструкции сельского хозяйства и председатель Западно-Сибирского филиала Всесоюзного общества аграрников-марксистов Ф. А. Хоробрых (Хоробрых, 1930б; Хоробрых, 1931). Он заявлял, что

---

мягкая; для Славгородского — семипольный севооборот: 1–2) многолетние травы; 3) пшеница твердая; 5) пшеница мягкая; 6) подсолнечник; 7) пшеница и овес; для Томского — восьмипольный севооборот: 1–2) травы; 3) лен, картофель; 4) овес, пшеница; 5) пар; 6) рожь, пшеница; 7) чечевица; 8) пшеница и овес с подсевом трав.

9. Планируемая доля сеяных трав, основных зерновых культур и пшеницы в общей площади посева в Перспективном плане составляла 47,7, 37,2 и 24,5% соответственно, в Генеральном плане — 29, 42 и 33,5% (Сельское хозяйство Сибирского края, 1926б: 239; Материалы к Генеральному плану, 1930: 111).
10. С. С. Марковского и И. И. Осипова приговорили к 10 годам концлагерей. Спустя год они получили досрочное освобождение, однако в 1937 году были вновь репрессированы и расстреляны (Папков, 2014: 609, 610, 611).



теория «органического кризиса» земледелия, взятая сибирскими кондратьевцами напрокат из багажа неонародников, и чисто технический лозунг травополя как панацеи от всех агрикультурных зол понадобились им для того, чтобы завуалировать глубину классового расслоения сибирского крестьянства, затушевать классовые противоречия, ослабить политику ограничения и вытеснения кулачества. В результате «генеральная линия на создание условий для форсированного социалистического наступления» подменялась «генеральной линией на паротравопольную систему земледелия, требующую для своего проведения „устойчивой“ политики максимального благоприятствования росту товарного зажиточного кулацкого хоз[яйт]ва» (Хоробрых, 1931: 29).

Кроме того, по мнению Хоробрых, предполагаемое при массовом внедрении травополя значительное увеличение площадей, занятых сеянными травами в основном за счет сокращения прироста посевов зерновых, противоречило поставленной Коммунистической партией задаче разрешить зерновую проблему в СССР. В этой связи критике были подвергнуты и составители Генерального плана 1930 года, которые исходили из необходимости перехода аграрного производства Сибири на животноводческую специализацию. Хоробрых, в частности, указывал на то, что Генеральный план не предусматривает ни одного сельскохозяйственного района Сибири, в котором ведущей культурой должна быть пшеница. Исключение не составлял даже Славгородский район<sup>11</sup> (Хоробрых, 1930а: 64).

Споры о выборе оптимальной технологии и специализации аграрного сектора экономики в Сибири и СССР происходили на фоне форсированной коллективизации, вызвавшей глубокий кризис сельского хозяйства. Падение зернового производства стало следствием не только низкой производительности труда колхозников и рабочих совхозов, но и полного забвения агротехнических основ земледелия. В силу постоянного изменения границ землепользования отсутствовала возможность внедрения правильных севооборотов, обязательным условием для которых является четкая привязка земель в течение как минимум трех сезонов сева к определенным сельхозпредприятиям (Мерль, 2015: 103). Плодородие почвы падало, поля зарастали сорняками, урожайность сокращалась, планы хлебозаготовок не выполнялись. Преодолеть аграрный кризис планировалось путем так называемого организационно-хозяйственного укрепления колхозов, а также повышения культуры земледелия и животноводства.

Меры по улучшению ситуации в полеводстве были предусмотрены в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по по-

11. В соответствии с Генеральным планом доля пшеницы в общей площади посева в Славгородском районе составляла 50%, зерновых в целом — 57,2%, подсолнечника — 14,3%, многолетних трав — 28,6% (Материалы к Генеральному плану, 1930: 111).

вышению урожайности» от 28 сентября 1932 года (Правда, 1932), в котором Наркомзему СССР поручалось в течение 1933 года ввести во всех колхозах и совхозах севооборота «как одно из лучших средств повышения урожайности». При этом подчеркивалось, что введение севооборотов должно привести к расширению посевов зерновых культур. Данное условие было связано с тем, что во всех хлебопроизводящих регионах страны во время коллективизации сократился удельный вес зерновых<sup>12</sup>. Единоличники стремились выращивать преимущественно потребительские культуры, а колхозы и совхозы стали увеличивать площади под более выгодные технические культуры. В связи с этим ЦК ВКП(б) и СНК предлагали приостановить дальнейший рост посевов технических и пропашных культур и приступить к расширению посевных площадей под зерновые, главным образом под пшеницу, овес и ячмень, в том числе и за счет вытеснения других, «менее важных» зерновых.

Постановка задачи о необходимости внедрения севооборотов активизировала сторонников травопольной системы земледелия. На страницах издаваемого в Новосибирске журнала «Социалистическое земледелие» агроном Козинкин попытался доказать, что больший сбор пшеницы с единицы посевной площади и более низкую ее себестоимость дают травопольные севообороты (Козинкин, 1932). Но данная точка зрения получила жесткий отпор со стороны вышеупомянутого Хоробрых (Хоробрых, 1932), который заявил, что «травополье в условиях зерновой зоны Западной Сибири — это идеология наиболее консервативной части агрономических работников, пытающихся практически дискредитировать проводимые партией агромероприятия». Во-первых, внедрение травополя резко снижает удельный вес пшеницы в общей площади посевов и фактически ведет к «ликвидации пшеничного хозяйства», поскольку «даже при самом скромном проценте трав (всего два поля в севообороте)» специализированное зерновое хозяйство превращается в животноводческое. Во-вторых, травы не устраняют главную причину снижения урожайности зерновых культур — сильную засоренность полей. «При наличии неудовлетворительного травостоя и медленного развития трав весной сорняки находят среди них прекрасную среду для своего развития».

По мнению Хоробрых, «лучшим средством очищения полей от сорной растительности, лучшим методом аккумуляции влаги, а следовательно, и лучшим элементом пшеничного севооборота» в условиях Западной Сибири являются чистые и занятые пары. Впрочем, он считал возможным внедрение «севооборотов с травами» в животноводческих совхозах и колхозах в районах с недостаточной площадью естественных сенокосов и пастбищ, а также

12. На территории Западно-Сибирского края в 1932 году доля зерновых в общей площади пашни составляла 84%, в то время как в 1929 году она достигала 91% (Сельское хозяйство СССР, 1936: 246)

в льноводческих хозяйствах, поскольку травы являются лучшими предшественниками льна.

Поддерживая сторонников паровой («сухой») системы земледелия, Хоробрых, будучи аграрником-марксистом, подчеркивал, что пары представляют собой лучшую агротехническую меру лишь в краткосрочной или среднесрочной перспективе. «Так называемое сухое земледелие — это сегодняшний день, это по меньшей мере еще вторая пятилетка». По мере развития индустрии будет повышаться технический уровень сельского хозяйства, и проблема увеличения урожайности станет решаться «более радикальными мерами»: орошением засушливых земель, применением минеральных удобрений, химическими методами борьбы с сорняками и вредителями. Это позволит решить «раз [и] навсегда вопрос о зависимости нашего сельского хозяйства от природной стихии».

После получения директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении севооборотов в Сибири приступили к разработке их оптимальных схем. При Западно-Сибирском крайземуправлении было создано бюро севооборотов, в начале 1933 года обнародовавшее результаты своей работы. В разосланной на места инструкции, содержание которой воспроизводилось в брошюре, изданной крайземуправлением (Хоробрых, 1932: 7–23), для колхозов<sup>13</sup> с разной специализацией (зерновых, молочно-зерновых, льноводческо-зерновых, пригородных овоще-молочных и др.) было разработано по несколько типов севооборотов. Следует отметить, что члены бюро проявили плюрализм, допуская внедрение не только многопольных парозерновых севооборотов, но и трехпольных, парозалежных и даже, при определенных условиях, травопольных.

Так, для зерновых колхозов рекомендовались четыре типа севооборотов<sup>14</sup>. Трехпольный севооборот с паром предлагался «как основной» в наиболее засушливых районах зерновой зоны, поскольку большой процент пара в нем создавал возможность «повести решительную борьбу с сорняками и за накопление влаги в почве». Пятипольный севооборот с паром и пропашными рекомендовался «как преобладающий» в остальных районах зоны «по преимуществу на засоренных почвах». Трехпольный севооборот в этих районах вводился в колхозах, которые в силу недостатка рабочей силы не могли полностью освоить пропашной клин. Семипольный севооборот с травами предназначался для хозяйств, «имеющих большую

13. Так называемые трестированные (крупные) совхозы не подчинялись земельным органам, а находились в ведении региональных органов управления Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР.

14. Трехпольный: 1) пар чистый, кулисный и пропашные; 2) пшеница; 3) пшеница и «серые» хлеба; пятипольный: 1) пар чистый; 2) пшеница; 3) пшеница и «серые» хлеба; 4) пропашные; 5) пшеница; семипольный: 1) пар чистый; 2) пшеница; 3) пшеница с подсевом трав; 4–5) многолетние травы; 6) пшеница; 7) пшеница и «серые» хлеба; восьмипольный: 1–4) залежь; 5) пшеница; 6) пшеница; 7) пшеница и «прочие» зерновые.

потребность в сене и где урожайность трав достаточно проверена местным опытом»<sup>15</sup>. Восемипольный парозалежный севооборот должен был внедряться «по преимуществу в засушливых районах, где большое количество пахотно-способных земель и слабое их использование позволяет иметь под залежью половину пашни». Кроме того, для зерновой зоны «в целях получения сочных кормов, перевозка которых на большие расстояния невыгодна» были разработаны два кормовых («приусадебных») севооборота<sup>16</sup>.

Для проверки работы по разработке и внедрению севооборотов в Сибирь прибыла бригада Наркомата земледелия СССР. Ознакомившись с разработанными в крае схемами, члены бригады сочли их излишне усложненными. В своем заключении они назвали «вполне естественным» наличие в регионе трехпольных севооборотов с большим удельным весом чистых паров и рекомендовали «во многих случаях многопольные севообороты переделать на трехпольные». Кроме того, входившие в бригаду специалисты «с большим холодком» отнеслись к травопольным севооборотам и предложили значительно сократить принятый крайземуправлением план посева многолетних кормовых трав в полевых севооборотах (Аграрная политика, 2011: 275).

Начатое в 1933 году массовое внедрение севооборотов превратилось в ежегодные, достаточно затратные, но практически бесполезные кампании. В направленной в июне 1937 года в адрес Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) докладной записке крайземуправления нарисована весьма живописная картина «борьбы за севообороты»: «В течение 1934 года в крае были мобилизованы и брошены на работы по перенесению севооборотов все землеустроительные силы. Работала целая армия. В 87,8 проц.[ента] колхозов севообороты были перенесены в натуру <...> Весной 1935 года большинство этих севооборотов не только было сломано, но тракторами выворочены даже самые столбы и другие знаки, устанавливающие границу и разбивку клиньев на полях севооборотов. <...> Летом 1935 года колхозники и землеустроители вновь перенесли в натуру севообороты в 5790 колхозах <...> Весной 1936 года они вновь были сломаны. Летом этого года колхозники и землеустроители перенесли в натуру севообороты в 2207 колхозах. <...> Что ожидает их весной нынешнего года — еще пока неизвестно»<sup>17</sup> (Аграрная политика, 2011: 272–273).

В итоге многопольные (в основном паропропашные) севообороты были внедрены лишь в совхозах. В большинстве колхозов «правиль-

15. Паротравопольные севообороты также допускались в колхозах иных специализаций, которые не были обеспечены естественными сенокосами.

16. Четырехпольный: 1) однолетние травы на зеленый корм; 2) силосные культуры; 3) корнеплоды и картофель; 4) силосные; трехпольный: 1) однолетние травы; 2) силосные и корнеплоды; 3) яровая пшеница.

17. В связи с принятием июньским (1937 г.) пленумом ЦК ВКП(б) решения о переходе к травополю (см. ниже) ранее принятый план внедрения севооборотов на 1937 год был отменен (Аграрная политика, 2011: 533).

ные» севообороты существовали только на бумаге<sup>18</sup>. Одна из основных причин подобного положения заключалась в том, что колхозам давались посевные задания, превышающие предусмотренные схемой севооборота площади. Это приводило к сокращению парового клина и посеву зерновых на одном месте несколько лет подряд. Результатом нарушения агротехники были засоренность полей и падение урожайности (Гущин, Кошелева, Чарушин, 1975: 136). При этом наряду с постоянно обрабатываемой пашней в регионе пустовали значительные массивы залежных земель, трудовые и технические ресурсы для освоения которых отсутствовали.

В середине 1930-х годов кризисная ситуация сложилась в южных и юго-западных районах Западной Сибири. Серия недородов, причинами которых стали в том числе и тотальные нарушения агротехники, крайне негативно сказались на экономическом состоянии колхозов данной зоны. Планы хлебазаготовок ими систематически не выполнялись. Выдача зерна по трудодням колхозникам была сведена к минимуму, а в ряде хозяйств вообще отсутствовала. Животноводство в силу перманентного дефицита кормов было развито слабо и дополнительных доходов колхозам и их членам не приносило. В этих условиях ряд экспертов, а затем и руководители региона вновь решили обратиться к травополью. В середине 1936 года в докладной записке Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома в ЦК ВКП(б) и СНК СССР «По вопросу повышения урожайности и доходности колхозов в южных и юго-западных районах Западно-Сибирского края» в качестве одной из основных мер по улучшению плодородия почв называлось внедрение травопольных севооборотов. По мнению авторов докладной записки, «введение травосеяния для Кулундинских районов имеет также решающее значение в деле развития животноводства, намного увеличивая кормовые ресурсы» (Аграрная политика, 2011: 555, 580).

Предложение руководства края было принято. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 декабря 1936 года «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края» (Аграрная политика, 2011: 419–425) ставилась задача «в течение ближайших 5–6 лет ввести во всех колхозах районов Кулундинской степи <...> севообороты с многолетними травами». Компенсировать потери зерна от массового внедрения травополья должно было расширение площади пахотных земель «за счет освоения целины и многолетней залежи».

Принятие решения о внедрении травопольных севооборотов в Западной Сибири стало свидетельством того, что руководство

18. Проведенная в начале лета 1937 года проверка показала, что только в 785 колхозах Западно-Сибирского края (8,1%) имелись севообороты. В 4816 хозяйствах (49,7%) они не отвечали предъявляемым на тот момент требованиям (были нарушены, неправильно нарезаны или являлись трехпольными), а 4089 колхозов края (42,1%) вообще не имели никаких севооборотов (Аграрная политика, 2011: 552–553).

СССР разочаровалось в паропропашной системе земледелия и сделало выбор в пользу травополя. Окончательное решение было принято, естественно, И. В. Сталиным. Вероятнее всего, он изначально считал более результативным средством повышения урожайности минеральные удобрения. Однако для строительства заводов, производящих их в необходимых объемах, требовалось длительное время и значительные средства. В то же время внедрение травопольной системы не было столь затратным и, как казалось генсеку, являлось достаточно эффективным<sup>19</sup>.

Нормативно выбор в пользу травополя был оформлен июньским (1937 г.) пленумом ЦК ВКП(б), одоббившим «в основном для опубликования в печати и всестороннего его обсуждения» внесенный комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект, в котором предлагался переход к травополю уже в масштабах всей страны (Правда, 1937). В проекте указывалось, что в рамках ранее внедряемых в СССР паропропашных севооборотов основные технические культуры и пшеница «не обеспечивались в достаточной степени лучшими для них предшественниками». Существовавшая система земледелия также не позволяла получать «необходимого количества кормовых трав для роста колхозного животноводства в степных зерновых районах», что оставляло хозяйство колхозов этих районов «односторонним и малопродуктивным, недостаточно устойчивым против засух и суховеев».

Повсеместное внедрение травополя должно было привести к увеличению не только посевов трав, но и зерновых. Колхозы и совхозы обязывались за счет освоения новых земель, в том числе целинных и залежных, расширить площадь обрабатываемой пашни. Уменьшение площади, занятой зерновыми, допускалось «как крайняя мера в тех колхозах, которые не имеют земли для расширения пашни и где не может быть допущено по климатическим условиям занятие той или иной части паров под травами».

В Сибири нарезку полей травопольных севооборотов в колхозах предлагалось завершить в 1941 году. Колхозы региона обязывались перейти к девяти- или десятипольным севооборотам с введением в них двух полей люцерны и не менее четырех полей яровой пшеницы<sup>20</sup>. В зерносовхозах Сибири пятипольные севообороты пре-

19. Н. С. Хрущев, отвечая на поставленный им же вопрос о том, почему Сталин «остановился» на травополе, предположил: «Его, видимо, пленили рассуждения Вильямса о том, что при травопольной системе требуется меньше капиталовложений в сельское хозяйство и не нужно строить большое количество заводов по производству минеральных удобрений» (Хрущев, 1963: 378).

20. Для колхозов Сибири предлагалась следующая схема перестройки существующих парозерновых севооборотов в травопольные. При трехполье каждое поле делилось на три, при пятиполье — на два. При семиполье дополнительное количество полей вводилось за счет освоения новой пашни.

образовывались в десятипольные с четырьмя — пятью полями яровой пшеницы и двумя — тремя полями многолетних трав. В хозяйствах, уже имеющих более чем пятипольные обороты, вводилось два поля многолетних трав. В молочно-мясных и овцеводческих совхозах надлежало за счет освоения новой пашни довести количество полей севооборота до девяти-десяти, а число полей с многолетними травами — до трех-пяти.

Начавшееся в соответствии с решением июльского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) обсуждение проекта Наркомзема и Наркомсовхозов вылилось в публичное шельмование сторонников паропропашной системы земледелия. Одним из последствий подобной «дискуссии» стал арест и гибель академика Н. М. Тулайкова, обвиненного во «вредительстве»<sup>21</sup>.

Вильямс попытался заодно расправиться и с лидером «минералистов» академиком Д. Н. Прянишниковым, публично выступив против «механистических выводов формально-дедуктивной „минеральной“ агрохимии». Вильямс, в частности, заявил, что внесение минеральных удобрений в деградированную почву фактически означает разбазаривание «народных средств», использованных на их производство (Вильямс, 1956б: 134). Однако к преследованию Прянишникова со стороны режима подобная критика не привела. На наш взгляд, это доказывает, что травополье изначально рассматривалось как временная мера. И Сталин, и другие руководители были уверены, что сельское хозяйство страны в перспективе перейдет к интенсивным системам земледелия на основе широко-масштабного применения минеральных удобрений. Однако произошедшее уже после Великой Отечественной войны встраивание системы Вильямса в контекст политико-идеологической борьбы привело к канонизации и самого академика, и травополья.

После начала кампании по внедрению травопольной системы земледелия выяснилось, что резервов для увеличения пашни в большинстве регионов европейской части страны недостаточно. В связи с этим с целью компенсации сокращения посевов зерновых при массовом внедрении травополья был разработан первый общесоюзный «целинный проект», нормативно оформленный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 года «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев; Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» (Решения партии, 1967: 749–752). В соответствии с постановлением предполагалось в течение

21. «Вредительской» была признана, в частности, теория Тулайкова о преимуществах мелкой обработки почвы. Критики «мелкой вспашки» заявляли, что она не только не способствует уничтожению сорняков, но ведет к дальнейшему засорению пашни.

1940–1942 годов за счет целинных, залежных и переложных земель увеличить площадь пашни в указанных районах на 4345 тыс. га, засеяв их преимущественно яровой пшеницей. Предусматривалось строительство новых МТС и поставка дополнительной сельхозтехники. Нехватку рабочей силы решили частично компенсировать за счет расширения масштабов переселения колхозников из трудноизбыточных районов европейской части РСФСР. Постановление также обязывало власти указанных в нем областей и краев активизировать внедрение травопольных севооборотов на старопахотных землях. Закончить введение севооборотов во всех колхозах и совхозах восточных районов надлежало в течение трех лет<sup>22</sup>.

Сибирские властные структуры приняли директиву Центра к исполнению. В 1940 году в Западной Сибири освоили 898,6 тыс. га целинных и залежных земель. Значительно медленнее в регионе распространялись травопольные севообороты. В 1941 году их ввели лишь в каждом шестом колхозе Омской области. В остальных районах Сибири ситуация была еще хуже (Аграрная политика, 2011: 581). В 1940 году в Западной Сибири удельный вес укосной площади многолетних трав в общей площади посева составлял 3,8%, в Восточной Сибири — 1,1% (в РСФСР — 6,5%)<sup>23</sup>.

И переход к травополю, и осуществление «целинного проекта» 1940 года прервала начавшаяся Великая Отечественная война. В Западной Сибири в 1945 году посевы многолетних трав по сравнению с 1940 годом сократились в 2,1 раза, в Восточной Сибири — в 2,3 раза<sup>24</sup>. Однако сразу же после завершения войны руководство страны вновь поставило вопрос о необходимости широкомасштабного и повсеместного внедрения травопольной системы. Постановление СНК СССР от 21 июня 1945 года «О мерах по улучшению дела введения севооборотов в колхозах» указывало на необходимость «обеспечить в 1945 г. решительное улучшение дела введения и освоения севооборотов». При этом обязательным являлось «применение в них травосеяния с широким использованием рекомендованных академиком Вильямсом посевов травосмесей <...>, а также своевременно поднятых и хорошо обработанных паров»<sup>25</sup> (Собрание постановлений, 1945). Утвержденный в марте 1946 года Закон о пятилетнем плане восстановления и развития

22. Севообороты в колхозах и совхозах краев и областей, перечисленных в постановлении, должны были включать 1–2 поля чистого пара, до 2 полей многолетних трав и от 4 до 6 полей зерновых и технических культур. Севообороты с тремя полями многолетних трав допускались в отдельных колхозах степных районов и в животноводческих совхозах «с развитым поголовьем скота».

23. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 2462. ЛЛ. 30–46.

24. Там же.

25. В постановлении СНК для степной зоны Сибири предусматривались 9–10-польные севообороты, для лесостепных и подтаежных районов — 7–8–9–10-польные севообороты с 1–2 полями чистых паров под озими.



народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. предусматривал к концу пятилетки «во всех колхозах и совхозах восстановление и введение правильных севооборотов с применением в них травосеяния» (Решения партии, 1968: 274).

В декабре 1946 года фактически реанимировали «целинный проект», целью которого, как и прежде, было купирование последствий широкомасштабного внедрения травополья в основных сельскохозяйственных регионах европейской части страны (см. выше). Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 года «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР» (Собрание постановлений, 1946) предусматривало увеличение за 1947–1949 годы на востоке страны общей площади посева на 8 млн га, в том числе зерновых культур — на 6,5 млн, яровой пшеницы — на 5,5 млн га. Под посев яровой пшеницы следовало выделять «лучшие целинные и залежные земли». При этом в колхозах, располагающих большими площадями целинных и залежных земель, законодательно допускалась реанимация залежной системы земледелия. В них разрешалось «введение севооборотов с оставлением естественных залежей вместо посева многолетних трав».

В постановлении февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» в развитие «целинного проекта» 1946 года указывалось, что в степных районах Сибири, Урала и Северо-Восточного Казахстана под яровую пшеницу надлежало отводить не только целинные и залежные земли, но и «все чистые перепаханные (довоенные) пары». При недостатке в этих районах семян трав временно допускалось «взамен трав» увеличивать площади под парами (КПСС в резолюциях, 1985: 124). Однако из-за сохранявшегося дефицита технических средств, нехватки кадров и слабой мотивации колхозников к труду поставленные в 1946 году задачи увеличения посевов зерновых культур выполнить не удалось.

Взгляды академика Вильямса на оптимальные методы ведения земледелия были положены в основу Сталинского плана преобразования природы<sup>26</sup>, который предусматривал создание систе-

---

мые культуры и яровую пшеницу, 2–3 полями многолетних трав и 4–6 полями зерновых, технических и других культур.

26. Сталинским планом преобразования природы была названа рассчитанная на 15 лет программа мер, предусмотренных постановлением Совета Министров СССР от 20 октября 1948 года «О плане полозащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» (Решения партии, 1968: 531–549). Основной целью программы было предотвращение негативных последствий засух для сельского хозяйства. Отсюда первоначальное его название — «Сталинский план наступления на засуху». Предусмотренные планом мероприятия реализовывались и в Сибири.

мы крупных государственных лесополос, посадку защитных лесонасаждений на полях колхозов и совхозов, строительство прудов и водоемов для накопления воды и орошения полей, введение травопольных севооборотов. В утвержденном 18 апреля 1949 года Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) трехлетнем плане развития общественного животноводства ставилась задача «всемерного развития травосеяния» во всех регионах страны как необходимого условия создания надежной кормовой базы (Правда, 1949). В сентябре 1949 года принимается постановление правительства, предусматривавшее, в частности, завершение в 1950 году работ по введению полевых и кормовых травопольных севооборотов в большинстве областей и краев Сибири (Проекты преобразования, 2015: 203).

К 1950 году нарезку полей севооборотов в колхозах и совхозах Сибири в основном закончили. Однако качество этой работы оставалось чрезвычайно низким. Основные ее недостатки — шаблонный подход и чрезмерная централизация. Хозяйствам доводились сверх обязательные параметры для разработки проекта севооборотов. Один и тот же тип применялся в различных природно-климатических условиях. В 1949 году доля освоенных севооборотов в колхозах Омской области составляла 6%, в Алтайском крае — 2,8%, в Новосибирской области — 2,5% (Ильных, 1996: 148). В 1950 году в связи с укрупнением колхозов работу по отграничению и освоению в них травопольных севооборотов пришлось начинать заново. В итоге травополю в полном объеме было введено лишь в совхозах. Сдерживающим фактором развития травосеяния оставался дефицит семян трав. В колхозах Алтайского края в 1953 году из-за нехватки семян пустовало 1,1 млн га пашни (19% общей площади), предназначенной для высева трав (Проекты преобразования, 2015: 208).

Тем не менее укосная площадь многолетних трав за послевоенный период выросла в Сибири в 5,4 раза, превысив показатель 1940 года в 3,2 раза (Посевные площади, 1957: 426–429). Увеличились в регионе по сравнению с довоенным периодом и посевы зерновых культур. Несмотря на это, в начале 1950-х годов в Сибири произошло падение производства хлеба и объемов заготовок. Одной из причин кризиса зернового хозяйства стала серия недородов. Низкой и неустойчивой оставалась урожайность хлебов и в остальных регионах СССР. Валовые сборы зерна отставали от потребностей страны. Ухудшилась ситуация и в животноводстве. В колхозах численность и продуктивность скота росла крайне медленно. Травы, высевавшиеся без учета почвенно-климатических условий регионов и с нарушением агротехники, давали крайне низкие урожаи. Кормовая база оставалась неудовлетворительной. В связи с начавшейся в конце 1940-х годов кампанией по ограничению личных приусадебных хозяйств производство продуктов животноводства снизилось. Низкая производительность колхозов и спад производства в личном секторе экономики в условиях роста городского населения обострили продовольственный дефицит. Аграрный строй

страны нуждался в реформировании, которое началось после смерти Сталина.

С конца 1953 года аграрную политику в стране стал определять Н. С. Хрущев. Новый руководитель Коммунистической партии был абсолютно убежден в преимуществах крупного социалистического производства. Магистральным путем подъема сельского хозяйства он считал интенсификацию, основными факторами которой являются механизация и электрификация производственных процессов, мелиорация сельхозугодий, а также применение минеральных удобрений и химических средств защиты растений. Однако широкомащтабная индустриализация и химизация сельского хозяйства потребовали бы значительных материальных и финансовых ресурсов и достаточно длительного времени. Хрущев полагал, что внутреннее и внешнее положение страны требует крайне сжатых сроков увеличения производства сельхозпродукции и улучшения продовольственного обеспечения населения (2–3 года). Именно поэтому он отказался от требующей значительных капиталовложений программы развития сельского хозяйства нечерноземных областей России (Хрущев, 1962: 334).

Разрабатывая свою программу развития аграрного сектора экономики страны, Хрущев исходил из необходимости первоочередного подъема зернового хозяйства, полагая, что оно является основой сельского хозяйства в целом. Получить в сжатые сроки большие объемы зерна, по его мнению, можно было за счет массовой распашки и засева больших массивов целинных и залежных земель в Казахстане и на востоке СССР. Кроме того, к увеличению посевов зерновых культур мог привести отказ от малоэффективной, с его точки зрения, травопольной системы земледелия. Многолетние сеяные травы лишь поддерживали, а не повышали плодородие почвы, а также отличались относительно низким кормовым потенциалом<sup>27</sup>. Поэтому их следовало заменить пропашными (в полевых севооборотах) и зернофуражными (в кормовых севооборотах) культурами. При этом решающим фактором укрепления кормовой базы животноводства должна была стать кукуруза. Хрущев также считал занятые пары экономически более эффективными, чем чистые (Проекты преобразования, 2015: 208, 215).

Идея значительного увеличения посевов зерновых культур за счет вовлечения в сельхозоборот целины и залежи нашла своих активных сторонников в том числе и в Сибири. В ее поддержку выступили руководители Алтайского края и Омской области, министры сельского хозяйства РСФСР и СССР. Следует отметить, что в отли-

27. В докладной записке министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова приводились данные о том, что в 1952 году масса сена многолетних трав, собранная с 1 га, содержала в среднем 929 кормовых единиц, а масса зерна и соломы овса и ячменя — 1856 единиц (Проекты преобразования, 2015: 212).

чие от Хрущева они предлагали выращивать зерновые культуры на вновь распаханых массивах в течение двух — трех лет, а затем истощившую плодородие пашню надлежало отводить под чистые пары и многолетние травы (Проекты преобразования, 2015: 208–214).

Широкомасштабный «целинный проект» был нормативно оформлен в постановлении февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» (Директивы КПСС, 1958: 160–191), которое в целом воспроизводило предложения Н. С. Хрущева. В постановлении ставилась задача «в ближайшие годы» добиться «резкого увеличения производства зерна». Основным источником этого должно было стать «расширение посевов зерновых культур путем освоения залежных и целинных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья <...>, на которых можно получать высокие урожаи без больших дополнительных капитальных вложений». На вновь осваиваемые земли предполагалось отправить огромное количество тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники. Основным источником восполнения нехватки рабочей силы рассматривался набор. Следующим «крупным резервом увеличения производства» называлось «изменение структуры посевных площадей». Начиная с 1954 года «за счет сокращения посевов и распашки площадей низкоурожайных многолетних трав» надлежало значительно увеличить посевы зерновых культур на старопашотных землях.

В 1954 году началась «ударная» кампания по освоению целины, в полной мере соответствующая ментальности лидеров и функционеров Коммунистической партии, с выполнением и перевыполнением заданий партии и правительства. Во время штурма целины распахивались и засеивались пшеницей не только новые, зачастую неудобные для обработки земли и посевы трав, раскритикованные с высокой трибуны, но и поля, ранее занятые иными культурами. До минимума были сокращены чистые пары. В Западной Сибири их доля по отношению к площади пашни сократилась с 24% в 1953 году до 9,7% в 1958 году. Многие хозяйства перешли к бессеменной пшеничной монокультуре. Более того, появились теории, согласно которым севообороты вообще не нужны, а колхозные и совхозные поля достаточно разбить на «производственные клетки». По данным на середину 1959 года, севообороты были введены в 55,5%, а освоены в 15,5% колхозов Западной Сибири и в 11,4% — Восточной Сибири (Крестьянство Сибири, 1985: 301). При этом истощались миллионы гектаров ранее плодородных почв, создавались условия для их засорения сорняками, разрушения ветровой и водной эрозией. «Черные бури» унесли миллионы тонн плодородной земли.

Одним из результатов целинной кампании в Сибири стало сужение кормовой базы животноводства. Была распахана значительная часть земель, ранее использовавшихся под пастбища и сенокосы. Резко снизились укосы сеяных трав. Укосная площадь многолет-

них трав в 1956 году в Западной Сибири сократилась по сравнению с 1953 годом на 38% (Посевные площади, 1957: 426–427). Ситуацию не спасло и масштабное введение в севообороты пропашных и зернобобовых культур. Для их успешного возделывания в сибирских условиях требовалось много удобрений, химикатов для борьбы с сорняками и болезнями растений и специальная техника, но большинство хозяйств не располагало этими средствами в достаточном количестве. Урожайность и валовые сборы пропашных и зернобобовых культур оказались крайне низкими. В этих условиях ряд руководителей хозяйств и агрономов вновь обратились к травополью с целью повышения плодородия почвы, начав вводить в севообороты посевы многолетних трав<sup>28</sup>.

Подобная тенденция вызвала крайне негативную реакцию Хрущева, который посвятил критике травополья раздел своего доклада на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС<sup>29</sup>. Он заявил, что травополье по-прежнему тормозит развитие зернового хозяйства и кормопроизводства, обвинил в этом сторонников травопольной системы земледелия, призвал сломить их сопротивление и окончательно отказаться от «порочной» системы (Хрущев, 1963: 376–397). Пленум ЦК КПСС в своем постановлении «осудил травопольную систему как несостоятельную с научной точки зрения, непригодную для социалистического сельского хозяйства» и призвал «решительно переходить от травополья к более интенсивным системам земледелия, широко внедрять посевы высокопродуктивных пропашных и бобовых культур» (КПСС в резолюциях, 1986: 225).

Целинная эпопея в краткосрочной перспективе способствовала существенному наращиванию производства зерна. Однако допущенные в ходе освоения и использования новых земель нарушения агротехники привели к прогрессирующему снижению плодородия почвы. В начале 1960-х годов урожайность целинной хлебной нивы и валовые сборы зерна резко снизились. В 1963 году засуха, помноженная на агротехнические «новации», привела к катастрофическому неурожаю в основных земледельческих районах Западной Сибири. В регионе и стране в целом стала ощущаться острая нехватка не только фуражного, но и продовольственного зерна. Вновь возникли очереди за хлебом. Начался широкомасштабный импорт зерна.

В октябре 1964 года «волонтаризм» прежнего руководства страны был осужден. Однако к возрождению травополья это не привело. В новых условиях ставку сделали на более интенсивные техноло-

- 
28. Так, например, на восьмипольный травопольный севооборот перешел целинный совхоз «Сибиряк» Русско-Полянского района Омской области: 1) пар; 2–3) пшеница; 4) пшеница с подсевом многолетних трав; 5–6) многолетние травы; 7–8) пшеница (Правильные севообороты, 1959: 19).
29. В публикации доклада данный раздел имел заголовок «Несостоятельность травопольной системы земледелия В. Р. Вильямса. Преодолеть последствия травополья».

гии, основным средством восстановления плодородия почвы и повышения урожайности в которых являлось масштабное применение минеральных удобрений и ядохимикатов (химизация).

## Библиография

- Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири (2011) / под ред. В. А. Ильиных и О. К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН.
- Агрономическая помощь в России (1914) / под ред. В. В. Морачевского. Пг: Изд-во Департамента земледелия.
- Большая советская энциклопедия (1976). М.: Советская энциклопедия. Т. 23.
- Вильямс В. Р. (1950а). О переходе от господствующей паровой системы земледелия к травопольной // Вильямс В. Р. Избр. соч. М.: Изд-во Академии наук. Т. II. С. 302–316.
- Вильямс В. Р. (1950б). Ответ оппонентам // Вильямс В. Р. Избр. соч. М.: Изд-во Академии наук. Т. II. С. 127–156.
- Вильямс В. Р. (1950в). Роль севооборота в борьбе с засухой // Вильямс В. Р. Избр. соч. М.: Изд-во Академии наук. Т. II. С. 467–481.
- Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. (1975). Крестьянство Западной Сибири в довоенный период (1935–1941). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние.
- Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.) (1958). М.: Госполитиздат. Т. 4.
- Известия Сибкрайкома ВКП(б) (1926). Новосибирск. № 4.
- Историческая энциклопедия Сибири (2009). Новосибирск: Историческое наследие Сибири. Т. I.
- Земельные органы Сибири в 1920-е гг. (2015) / под ред. В. А. Ильиных, Ю. Г. Мартыновой. Новосибирск: Сибпринт.
- Ильиных В. А. (1996). «Зерновой проект» 1954 г. в контексте аграрной истории Сибири // Сибирь: Проекты XX века: сб. науч. стат. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН. С. 132–154.
- Ильиных В. А. (2011). Чаяновская альтернатива в Сибири: перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. Вып. 6. М.: Издательство «Дело» РАНХиГС. С. 176–191.
- Коваленко Н. П. (2014). Вклад профессора А. Н. Энгельгардта в развитие севооборотов в мировом земледелии второй половины XIX века // Вестник Академии знаний. № 1. С. 13–18.
- Козинкин (1932). К вопросу о севооборотах в зерновых хозяйствах Запсибкрая // Социалистическое земледелие (Новосибирск). № 4. С. 21–23.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1985). 9-е изд. М.: Политиздат. Т. 8.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1986). 9-е изд. М.: Политиздат. Т. 10.
- Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма (1983) / под ред. Н. Я. Гущина и В. Т. Анискова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние.
- Марковский С. С. (1923). Направление агрономической мысли Омского центрального сельскохозяйственного общества // Труды Омского центрального сельскохозяйственного общества (Деятельность учреждений общества за 1920–1922 гг.). Омск: б. и.
- Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края (1930). Новосибирск: Сибкрайиздат.
- Мерль Ш. (2015). Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. / под ред. А. М. Ни-

- кулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина. Вып. 10. М.: Издательство «Дело» РАНХиГС. С. 88–147.
- Осипов И. И. (1924). Основные предпосылки аграрной политики Западной Сибири // Жизнь Сибири (Новосибирск). № 1. С. 15–21.
- Папков С. А. (2014). Сталинская коллективизация и специалисты-аграрники Сибири. Дело «Трудовой крестьянской партии» и о «Заговоре в сельском хозяйстве Западно-Сибирского края» в 1930–1933 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / сост. ред. С. А. Папков. Вып. 4. Новосибирск: б. и. С. 609–617.
- Посевные площади СССР (1957): стат. сб. М.: Гос. стат. изд-во. Т. II.
- Постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по повышению урожайности» от 28 сентября 1932 года (1932) // Правда. 30 сент.
- Проект о введении правильных севооборотов, внесенный комиссией Наркомзема СССР и одобренный пленумом ЦК ВКП(б) (1937) // Правда. 30 июня.
- Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о трехлетнем плане развития общественного продуктивного животноводства (1949) // Правда. 19 апр.
- Правильные севообороты — основа высоких урожаев (1959). Омск: Омск. кн. изд-во.
- Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации (2015) / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск: Сибпринт.
- Резолюции 5-го Сибирского совещания земельных работников (1925). Новониколаевск: Изд-во Сибземуправления.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 (1967). М.: Политиздат. Т. 2.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 (1968). М.: Политиздат. Т. 3.
- Сибирский край (1930): стат. справочник. Новосибирск: Изд-во статсектора крайплана.
- Скорняков И. (1925). Паротравополье // Жизнь Сибири (Новониколаевск). № 1. С. 24–33.
- Сельское хозяйство Сибирского края (1926а). Новосибирск. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства.
- Сельское хозяйство Сибирского края (1926б). Новосибирск. Вып. 2: Перспективы сельского хозяйства Сибирского края.
- Сельское хозяйство СССР. 1935 (1936): ежегодник. М.: Сельхозгиз.
- Собрание постановлений правительства СССР (1940). М. № 10. Ст. 251.
- Собрание постановлений правительства СССР (1945). М. № 4. Ст. 57.
- Тулайков Н. М. (1933). Борьба с засухой. М.: Изд-во АН СССР.
- Тулайков Н. М. (1963). Избранные произведения. Критика травопольной системы земледелия. М.: Изд-во сельхоз. литературы, журналов и плакатов.
- Хоробрых В. А. (1932). Как вести севооборот в колхозе. Новосибирск: ОГИЗ-Сельхозгиз.
- Хоробрых Ф. А. (1930а). К вопросу о производственной специализации и размещении сельского хозяйства Западной Сибири // Жизнь Сибири (Новосибирск). № 9–10. С. 55–67.
- Хоробрых Ф. А. (1930б). Кондратьевщина и вопросы развития сельского хозяйства Сибири // Жизнь Сибири (Новосибирск). № 11–12. С. 71–93.
- Хоробрых Ф. А. (1931). Кондратьевщина и ее представители в Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ.
- Хоробрых Ф. А. (1932). О зерновых севооборотах и ошибках агр[онома] Козинкина // Социалистическое земледелие (Новосибирск). № 4. С. 23–26.
- Хрущев Н. С. (1962). О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель: доклад на пленуме ЦК КПСС 23 февраля 1954 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат. Т. 1.
- Хрущев Н. С. (1963). Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством: доклад на пленуме ЦК КПСС 5 марта 1962 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат. Т. 6.

## The star and death of Siberian grassland farming

Vladimir Il'inykh, D. Sc (History), Head of the Department of Agrarian History of the Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.  
8 Akademika Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090. E-mail: agro\_iwa@mail.ru

В. А. Ильиных  
Звезда и смерть  
сибирского  
травополья

The article considers the attempts to introduce the grassland farming system in Siberia in the context of the Soviet agricultural policy and the ideological and theoretical struggle in the agronomy. In the early XX century in Siberia, there was a threat of the transition from the fallow farming to the three-field system, which could lead to a crisis in the agriculture. By the mid-1920s, the leading specialists of the land authorities and government leaders of the region believed that the crisis could be prevented only by introducing the grassland farming system. At the beginning of the 1930s, this system was given up for it contradicted the task of solving the grain problem. The oblivion of agro-technological bases under the collectivization led to the decrease in soil fertility, thus, in 1937 the grassland farming was introduced in most regions of the country. Its implementation was interrupted by World War II and continued in the late 1940s. After the start of the virgin lands development campaign, the grassland farming was declared ineffective and rejected. After the campaign ended, the grassland farming system was not revived—the bid was made for more intensive technologies and chemicals.

**Key words:** agricultural policy; farming systems; grassland farming; agricultural engineering; collective-state farms system; Siberia.

### References

- Agrarnaya politika sovetского gosudarstva i sel'skoe khozyajstvo Sibiri: dokumental'no-monograficheskoe izdanie* (2011) [Agrarian Policies of the Soviet State and Agriculture of Siberia]. Pod red. V. A. Il'inykh, O. K. Kavtsevich. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN.
- Agronomicheskaya pomoshh' v Rossii (1914)* [Agronomic Support in Russia]. Pod red. V. V. Morachevskogo. Petrograd.: Izd-vo Departamenta zemledeliya.
- Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] (1976). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 23.
- Williams V. (1950a) O perekhode ot gospodstvuyushhej parovoj sistemy zemledeliya k travopol'noj [On the Transition from the Dominant Fallow Farming to the Grassland Farming]. Willians V. R. *Izbrannie sochineniya*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk. Vol. II.
- Williams V. (1950b) Otvet opponentam [Reply to Opponents]. Willians V. R. *Izbrannie sochineniya*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk. Vol. II.
- Williams V. (1950v) Rol' sevooborota v bor'be s zasukhoj [The Role of Crop Rotation in the Fight Against Drought]. Willians V. R. *Izbrannie sochineniya*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk. Vol. II.
- Gushhin N., Kosheleva Eh., Charushin V. (1975) *Krest'yanstvo Zapadnoj Sibiri v dovoennyj period (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia in the Pre-War Period (1935–1941)]. Novosibirsk: Nauka.
- Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam (1917–1957 gg.)* (1958) [Directives of the Communist Party on Economic Issues]. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 4.
- Izvestiya Sibkrajcoma VKP(b)* (Novosibirsk) [News of the Siberian Regional Committee of the CPSU (b)]. 1926, no 4.
- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* (2009) [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. I.
- Zemel'nye organy Sibiri v 1920-e gg.: dokumental'no-monograficheskoe izdanie* (2015) [Land Authorities of Siberia in 1920s]. Pod red. V. A. Il'inykh, Yu. G. Martynovoj. Novosibirsk: Sibprint.



- Il'inykh V. (1996) «Zernovoj proekt» 1954 g. v kontekste agrarnoj istorii Sibiri [“Grain Project” of 1954 in the Context of Siberian Agrarian History]. *Sibir': Proekty XX veka*: sb. nauch. stat. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN.
- Il'inykh V.A. (2011) Chayanovskaya al'ternativa v Sibiri: perspektivnyj plan razvitiya sel'skogo khozyajstva Sibirskogo kraja 1926 [Chayanovian Alternative in Siberia: A Forward Plan of the Agricultural Development of Siberian Region in 1926]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istorija. Sovremennost': Uchenye zapiski*. Vyp. 6. Moscow: Izdatel'stvo «Delo».
- Kovalenko N. P. (2014) Vklad professora A. N. Engelhardta v razvitie sevooborotov v mirovom zemledelii vtoroj poloviny XX veka [The Contribution of Professor A. N. Engelhard in the Development of Crop Rotation in the World Farming in the Second Half of XX Century]. *Vestnik Akademii znaniy*, no 1.
- Kozinkin (1932) K voprosu o sevooborotakh v zernovykh khozyajstvakh Zapsibkraya [On the Crop Rotation at the Grain Farms of Western Siberia]. *Sotsialisticheskoe zemledelie (Novosibirsk)*, no 4.
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsij i plenumov TsK [CPSU in the Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums] (1985). Moscow: Politizdat. Vol. 8.
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsij i plenumov TsK [CPSU in the Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums] (1985). Moscow: Politizdat. Vol. 10.
- Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [Siberian Peasants under the Strengthening and Development of Socialism]. Pod red. N. Ya. Gushhina, V. T. Aniskova. Novosibirsk: Nauka.
- Markovsky S. S. (1923) Napravlenie agronomicheskoy mysli Omskogo tsentral'nogo sel'skokhozyajstvennogo obshhestva [Agronomical Conception of the Omsk Central Agricultural Society]. *Trudy Omskogo tsentral'nogo sel'skokhozyajstvennogo obshhestva (Deyatel'nost' uchrezhdenij obshhestva za 1920–1922 gg.)*. Omsk.
- Materialy k General'nomu planu razvitiya narodnogo khozyajstva Sibirskogo kraja (1930)*. [Materials to the General Plan of the Siberian National Economy Development]. Novosibirsk: Sibkrajizdat.
- Merl S. (2015) Kak udalos' Stalinu vosprepyatstvovat' «zelenoj revolyutsii» v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-tehnicheskogo progressa (1927–1941) [How did Stalin Manage to Prevent the “Green Revolution” in Russia? On the Question of Slowing Down Agro-Technical Progress (1927–1941)] / Per. s angl. I. V. Trotsuk. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istorija. Sovremennost': Uchenye zapiski*. Vyp. 10. Moscow: Izdatel'stvo «Delo».
- Osipov I. I. (1924) Osnovnye predposylki agrikul'turnoj politiki Zapadnoj Sibiri [Basic Prerequisites of Western Siberia Agricultural Policy]. *Zhizn' Sibiri (Novosibirsk)*, no 1.
- Papkov S. A. (2014) Stalinskaya kollektivizatsiya i spetsialisty-agrarniki Sibiri. Delo «Trudovoj krest'yanskoj partii» i o «Zagovore v sel'skom khozyajstve Zapadno-Sibirskogo kraja» v 1930–1933 gg. [Stalin's Collectivization and Agrarian Experts of Siberia. The Case of “Labor Peasant Party” and “Agricultural Conspiracy of Western-Siberian Region”]. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij v Novosibirskoj oblasti / Sost. red. S. A. Papkov*. Vyp. 4. Novosibirsk.
- Posevnye ploschadi SSSR* [The Sown Areas of the USSR] (1957): stat. sb. Moscow: Gosstat. izd-vo. Vol. 11.
- Pravda* (1932). 30 sent.
- Pravda* (1937). 30 iyunya.
- Pravda* (1949). 19 apr.
- Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX v.: vybor putej i metodov modernizatsii* [Projects of Transforming Siberian Agrarian System: The Choice of Ways and Methods of Modernization] (2015). Otv. red. A. A. Nikolaev. Novosibirsk: Sibprint.
- Rezolyutsii 5-go Sibirskogo soveshchaniya zemel'nykh rabotnikov* [Resolutions of the 5th Meeting of Land Workers] (1925). Novonikolaevsk: Izd-vo Sibzemupravleniya.

- Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam. 1917–1967 (1967)*. [Party and Government Decisions on Economic Issues]. Moscow: Politizdat. Vol. 2.
- Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam. 1917–1967 (1968)*. [Party and Government Decisions on Economic Issues]. Moscow: Politizdat. Vol. 3.
- Sibirskij kraj* [Siberian Region] (1930): stat. spravochnik. Novosibirsk: Izd-vo statektora krajplana.
- Skornyakov I. (1925) Parotrapopol'e [Fallow Farming]. *Zhizn' Sibiri* (Novonikolaevsk), no 1.
- Sel'skoe khozyajstvo Sibirskogo kraja (1926a) [Agriculture of the Siberian Region]. *V pomoshh' zemledel'tsu*. Vyp. 1: Materialy po kharakteristike sibirskogo sel'skogo khozyajstva. Novosibirsk.
- Sel'skoe khozyajstvo Sibirskogo kraja (1926b) [Agriculture of the Siberian Region]. *V pomoshh' zemledel'tsu*. Vyp. 2: Materialy po kharakteristike sibirskogo sel'skogo khozyajstva. Novosibirsk.
- Sel'skoe khozyajstvo SSSR* [Soviet Agriculture]. 1935: ezhegodnik (1936). Moscow: Sel'khozgiz.
- Sobranie postanovlenij pravitel'stva SSSR* [Collection of Soviet Government Decrees] (1940), no 10, st. 251.
- Sobranie postanovlenij pravitel'stva SSSR* [Collection of Government Decrees] (1945), no 4, st. 57.
- Tulajkov N. M. (1933) *Bor'ba s zasukhoj* [The Fight Against Drought]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Tulajkov N. M. (1963) *Izbrannye proizvedeniya. Kritika travopol'noj sistemy zemledeliya* [Selected Works. The Critique of Grassland Farming System]. Moscow: Izd-vo sel'khoz. literatury, zhurnalov i plakatov.
- Khorobrykh V. A. (1932) *Kak vvesti sevooborot v kolkhoze* [How to Introduce Crop Rotation in the Collective Farm]. Novosibirsk: OGIZ-Sel'khozgiz.
- Khorobrykh F. A. (1930a) K voprosu o proizvodstvennoj spetsializatsii i razmeshhenii sel'skogo khozyajstva Zapadnoj Sibiri [On the Production Specialization and Agriculture Placement in Western Siberia]. *Zhizn' Sibiri* (Novosibirsk), no. 9–10.
- Khorobrykh F. A. (1930b) Kondrat'evshhina i voprosy razvitiya sel'skogo khozyajstva Sibiri [Kondratievism and Issues of Siberian Agriculture Development]. *Zhizn' Sibiri* (Novosibirsk), no 11–12.
- Khorobrykh F. A. (1931) *Kondrat'evshhina i ee predstaviteli v Sibiri* [Kondratievism and Its Representatives in Siberia]. Novosibirsk: Zap.—Sib. otd-nie OGIZ.
- Khorobrykh F. A. (1932) O zernovykh sevooborotakh i oshibkakh agronoma Kozinkina [On the Grain Crop Rotation and Agronomist Kozinkin's Mistakes]. *Sotsialisticheskoe zemledelie* (Novosibirsk), no 4.
- Khrushchev N. S. (1962) O dal'nejshem uvelichenii proizvodstva zerna v strane i ob osvoenii tselinnykh i zaleznykh zemel' [On the Further Grain Production Increase in the Country and the Development of Virgin and Fallow Lands]: doklad na plenumе TsK KPSS23 fevralya 1954 g. Khrushchev N. S. *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo khozyajstva*. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 1.
- Khrushchev N. S. (1963) Sovremennij etap kommunisticheskogo stroitel'stva i zadachi partii po uluchsheniyu rukovodstva sel'skim khozyajstvom [The Current Stage of Building Communism and Party Objectives in Improving Agriculture Management]: doklad na plenumе TsK KPSS5 marta 1962 g. Khrushchev N. S. *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo khozyajstva*. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 6.

## Household Inequality and Village Discord: Toward a Post-Socialist Moral Economy

S. Wegren

Stephen Wegren, Professor of Political Science at the Southern Methodist University, Dallas, Texas, 75275, USA. E-mail: swegren@smu.edu

The author believes that rural Russia is much more unequal today than during the Soviet period in terms of income and wealth (land). The article describes three periods in the XX century, when rural Russia experienced a significant upheaval in the economic interaction between peasants and their means of production: the Stolypin reform of 1906–1911, the Stalin's collectivization, and the ending of the Soviet system in the early 1990s. The author analyzes the effects of the market revolution that came with the end of Soviet rule and facilitated the growth of village inequality, and focuses on intra-village relations between different economic strata. The paper has several goals: to quantify the growth in household inequality; to examine intra-village relationships between "rich" and "poor" households; to explore whether high-income households feel communality with the village community. To analyze the level of village discord, the author uses survey data from a geographically diverse sample of 900 rural households. The article argues that the post-socialist moral economy is not based upon state regulated income levels or wealth holdings—rather on opportunity and economic freedom bounded mainly by the energy, willpower, capabilities and adaptability of household members.

*Key words:* village stability; household inequality; village conflict; high- and low-income households; (post-socialist) moral economy; means of production.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-122-141

### Introduction

Three times in the twentieth century rural Russia experienced a significant upheaval in the economic interaction between peasants and their means of production. The first upheaval was brought about by the Stolypin reform of 1906–1911 that came in response to the 1905–1907 peasant rebellion. The Tsarist government wanted to improve the condition of agriculture and the peasantry that was in economic distress according to historians, although there is some disagreement about how bad conditions were (Volin, 1970: 57–69; Simms, 1977; Pipes, 1990: 100–107). It also wanted to reduce the power of the communal *mir* that was the dominant peasant institution in central Russia in the late 19th century<sup>1</sup>. The *mir* had played a leading role in the

1. The *mir* consisted of the heads of all landholding households; landless households and non-peasant families were not represented and did not take part in communal decisions. The *mir* was an authoritarian institution. The commune was headed by an elder and had several functions: in charge of taxation; maintenance of roads and bridges; care for orphans, the elderly, and

1905 rebellion. The Stolypin reform privatized and distributed land plots to individual households, thereby removing the commune's power over land management and reallocation (Yaney, 1982: 195–400). It also allowed land consolidation. The *mir* had not only governed land tenure but also defined social organization for villages. Although historians generally agree that the Stolypin reform fell short of its intended goals, in part because only about one-half of peasant households participated, it did set in motion a process whereby millions of peasant households became landowners which changed their orientation to the means of production. Villages became differentiated according to whether households became landowners or not. Under the new rules, a peasant could “take a piece of land from every household in the village, and his neighbors would have no legal measures to stop him... every villager had to live with the possibility that one of his neighbors would betray him and seize part of ‘his’ land” (Yaney, 1982: 278).

The second upheaval, Stalin's collectivization, was a part of a societal revolution that changed economic interaction through state regulation of the production cycle. Collectivization of agriculture represented an attempt to deprive peasants of their freedom through party control and state plans (Lewin, 1968; Nove, 1982). Peasants became alienated from the means of production through nationalization of land. Collectivization organized agriculture along an industrial model of production. Peasants became, in essence, rural assembly line workers. Collectivization was implemented only with brute force and violence, causing significant instability in village life and pitting kulak and non-kulak households against each other (Conquest, 1986; Hindus, 1988; Fitzpatrick, 1994; Viola, 1999; Viola, 2005).

The third upheaval came with the ending of the Soviet system in the early 1990s. This third upheaval was nothing short of another social, economic, and political revolution that changed the face of Rus-

---

the handicapped; provided educational facilities; was responsible for basic police, judicial, and fiscal responsibilities; and managed land use in the village (Shanin, 1985: 74–75). Land holdings within the *mir* consisted of several types. The first type was a small plot of land that surrounded the house and was held on the basis of heredity. The second type was arable land held by the household in allotted strips from the commune. The size of the strip depended on the number of adults in the household. Strips were periodically reallocated to ensure equitable share of the land, and ensure the ability of all households to pay their taxes. The reallocation of land became common in the eighteenth century and remained a central feature of peasant society until the early twentieth century in Russian provinces (Blum, 1961: 508–523). In westerns and southern borderlands, around one-third of communes had stopped repartition by 1900 (Pipes, 1990: 97). The third type of land was communal that was reserved for collective use, usually pasture. Peasant households were also free to buy private land from non-communal sources but this fourth type of land was of little importance to the great majority of peasant households (Shanin, 1985: 76).

sia and its trajectory. Privatization broke the state monopoly on land ownership that had existed since the early 1920s. Liberalization of the price system, freedom of labor movement, and deregulation of food trade facilitated new opportunity that led to increased village inequality. The market revolution removed party control over the means of production and made land a tradable commodity. It changed the way rural workers related to their employment. And it created new opportunity. Old forms of economic exchange and sources of economic security were replaced by market-based transactions in ways that shifted power away from state bureaucrats (Nee 1989). Market-based forms of economic exchange were initially unfamiliar and insecure, but over time took hold as the advantages of new institutional arrangements became clear (O'Brien, Patsiorkovsky, 2006).

New forms of economic exchange built upon the fact that Russia's agrarian reforms were "giving" as opposed to the "taking" reform represented by Stalin's collectivization. What that means is that agrarian reform in the 1990s led to defensive actions in response to reform policies. Of course, different groups took advantage of new opportunities more so than others, but the point is that within the range of possible action violent resistance did not emerge. To the extent that resistance occurred it was usually in the form of bureaucratic obstructionism by officials or passivity on the part of the population, for instance not completing the privatization process for their household plots<sup>2</sup>. In short, the giving nature of agrarian reform in Russia did not spur offensive conflict with external actors as a result of change in the economic system. For this reason, the third upheaval is absent the violence that characterized Stalin's collectivization.

This article analyzes the effects of the market revolution that came with the end of Soviet rule. Market reform facilitated the growth of village inequality. The specific focus is on intra-village *relations* between different economic strata as a result of increased in-

---

2. The evidence remains mixed on household acceptance of the land privatization. One school of thought emphasizes resistance (Allina-Pisano, 2008). Another school of thought documents rural adaptation and the growth of household entrepreneurship (O'Brien, Patsiorkovsky, Dershem, 2000; Wegren, 2005; Wegren, 2014). After 2000, rural Russia became a source of political support for the Putin regime. Following Scott's thesis (1976) of peasants resisting violations of their moral economy, Allina-Pisano argues that an alliance actors — including farm managers, state bureaucrats, and even ordinary villagers — emerged to resist land privatization. Allina-Pisano paints a picture of villages populated by resisters who covertly unite with higher-ups to derail land reform. She maintains that "foot dragging and other covert attempts to forestall large-scale transformation occurred at all levels of local bureaucracy: among leaders of district [raion] administrations; in the offices of state economists, land tenure specialists, and land committee members; and within village councils" (Allina-Pisano, 2008, 59).

equality. The core question that this article addresses is whether the growth in village inequality led to village discord, and if not, why? To address this question the paper has several goals: 1) to quantify the growth in household inequality; 2) to examine intra-village relationships between “rich” and the “poor” households; 3) to explore whether high-income households feel communality with the village community.

Survey data from a geographically diverse sample of 900 rural households are used to analyze the level of village discord<sup>3</sup>. Inequality is used as the independent variable and discord is the dependent variable. Discordant relationships are examined between households with different levels of income. Two competing hypotheses emerge: 1) Low levels of village discord support a stable village; 2) High inequality generates discord that could lead to village-destabilizing conflict in the village.

The article argues that upper income households do not have significantly worse relations with their neighbors than low-income households; and that “rich” households appear to “fit in” to the village community and do not face hostile relations with other households in the village. Inequality did not generate conflict to the extent that inequality became destabilizing to the village.

### **The magnitude of household inequality**

Market reform that was introduced in 1992 spurred inequality among rural households that mirrors the growth in inequality throughout

- 
3. The data are from a survey of rural households in Russia, drawn from person-to-person interviews with the person who answered the door at the household. The refusal rate was less than 4 per cent. Households were selected randomly from the list of permanent residents in each village, a list that is kept by the village administration for all households within its jurisdiction. This list is updated annually and contains demographic and social characteristics of households in the village. The survey consists of more than 100 questions on household human capital, labor and employment, housing, sources and levels of income, the possession and use of production capital (land, equipment, animals), social networks and interpersonal relationships, household finances, and views on various policy issues. The questions were close-ended. The person who answered the door was interviewed, but data were collected about the respondent and up to four additional adults in the household (a total of five adults). The survey was conducted in nine regions that span the entire country west to east: Altai Krai, Amur Oblast, Krasnodar Krai, Voronezh Oblast, Moscow Oblast, Leningrad Oblast, Kurgan Oblast, Krasnoyarsk Krai, and the Republic of Tatarstan. 900 households were surveyed, but with data for five adults per household, a total of 4,500 data points are contained in the sample. Village location varied from close-in (less than 10 kilometers) from a raion center, to villages located up to 40 kilometers away from an urban center.

Russian society. The purpose of this section is to quantify the magnitude of rural inequality, drawing from previous research (Wegren, 2014). Rural Russia has experienced a growth in both income and wealth inequality. Income inequality is considered first and may be measured in three ways.

The first measurement of rural inequality is based upon a *coefficient of differentiation*, which is the ratio of monetary income received by the top 10% of households and the bottom 10% of households. Longitudinal survey data from the same households over time depict a linear rise in inequality. In 1991 the coefficient of differentiation was 2,7, reflecting egalitarianism in the late Soviet period. Sampling the same households in 1995, the coefficient rose to 9.4, and then to 10.2 in 1999, which meant that by the end of the decade upper 10% of households had more than ten times the monthly income as did the lowest 10%. Different surveys of rural households found a coefficient of differentiation of 10.8 in a 2006 survey and 17,5 in a 2008 survey. The coefficients of differentiation are based on *total* monetary income, which includes transfer payments. Transfer payments have a leveling effect and understate true stratification. If only *earned* monetary income is used, the coefficient is much higher.

A second measure of income inequality uses *total household income*. Total income is defined as all monetary and non-monetary income received in a month from all adult members of the household. It includes, for example, not only salaries of all adults, but also income from food sales, household enterprise, and various transfer payments such as alimony, pensions, disability support, student stipends, and assistance to mothers for child support. Survey data show that households in the lowest income decile have about one-fourth of the mean total income as the sample as a whole, and are clearly below the subsistence minimum (poverty line). At the other end of the spectrum, households in the top 10% have a mean income equal to about 2,5 times the mean monthly income for the entire sample.

A third measure of income inequality uses only *earned monetary income*. Earned monetary income includes salaries and wages from all adult members irrespective of the place of employment, money earned from food sales, revenue from household enterprise, and monetary dividends. Earned monetary income provides a more accurate picture of the economically active cohort and presumably measures adaptation to a market economy. Most importantly, earned monetary income represents capital that may be accumulated and invested. Transfer payments are excluded because transfers represent passive income — income that is received irrespective of economic activity; transfer payments reflect the demographic structure of the household whereby there may be one or more pensioners.

Inequality is even greater if earned monetary income is used to compare households. Households in the highest income decile have almost twenty-six times the earned monetary income as do households

in the lowest income decile. In addition, there is a linear increase in the percentage earned monetary income as one ascends the income scale. In the poorest households, earned income is a lower percentage of total income; lower income households depend more on transfer payments, which may be a function of their demographic structure. The richest households have a much higher percentage of earned income to total income.

A second form of inequality concerns wealth, which also increased in the post-Soviet period. In fact, it could be argued that income is *not* the primary driver of inequality in rural Russia because salaries tend to be so low. Wealth inequality requires a broadening of the analytical lens beyond earned income, although aspects of income remain relevant. Variables include the physical size of the house, the number of cows and pigs, the expansion in the size of rental land, and the size of real land holdings<sup>4</sup>.

Survey data illustrate the magnitude of household wealth inequality. Households in the top decile have the largest houses, one-third larger than households in the lowest four income deciles, and 20% larger than second through fourth highest deciles. The larger size house for top income households is due to additional rooms being added since 1991, which is suggestive of enhanced income streams. Among households that increased the size of their house by adding rooms, 43% are in the top income decile, and only 10% in the lowest three deciles combined. Lower income households are more likely to report that their dwelling is in bad or very bad condition, whereas zero households in the top decile report their house to be in bad condition; for top households the most frequent response is good or excellent condition. There are also significant differences in the possession of livestock, which are important either for self-consumption or as source of revenue. The number of animals possessed by the top decile of households is twice that of the second highest decile, and several times more than that of lower income deciles. Previous research found that higher number of animals and larger rental plots often go hand in hand because garden plots that are attached to the dwelling are small, usually about 0,01–0,02 hectares (Nefedova, Pallot, 2006; Pallot, Nefedova, 2007).

Wealth inequality reflects variegated behavioral differences to opportunities created by market reform. For example, households in the highest income decile have increased their rental land much more than lower income households. Households in most of the income brackets increased their rental land by less than 0,05 hectares (ha), whereas households in the top decile increased their rental holdings

---

4. The analysis uses land rental (the renting in of land) rather than land purchases because rental has been and continues to be the predominant type of transaction in the Russian countryside (Ministry of Economic Development, 2010: 160).



by a mean of 5,85 ha, equal to more than eight times the mean for the entire sample (households with private farmers are included in this top income group, so there is some impact on the mean increase, but not excessively so because of their small number). Rental land is often used for pasture for cattle, which in turn facilitates meat production, which, if sold, is a high-value commodity. Households in the top income decile also have much larger total holdings of real land (excluding land shares). Whereas the top income decile has a mean of 6,3 ha of real land, the bottom three deciles average only 0,2 ha of real land, or not much more than during Soviet times. Thus, in terms of land as the basis for entrepreneurship, only the top income decile became truly distinctive.

### **Some comments about village conflict**

Let us start with some basic comments about peasants and conflict. Peasants are simultaneously a society and a culture; they also display class solidarity during crises. Sometimes this peasant triad conflicts with external actors and peasant action may be independent, guided, or amorphous (Shanin, 1987: 360–361). Conflict is of different types and forms. Origins of conflict directed toward external actors have been explained by structural-class theories (Stinchcombe, 1961; Paige, 1975) and historical theories (Moore, 1966; Wolf, 1969; Scott, 1976). The structural-class theory emphasizes a conflict of interests between peasant and landlord leading to a zero-sum conflict. In this view, independent small landholders see large landowners as an obstacle to their upward mobility. The historical model sees conflict arising in the transition from one economic system to another. Specifically, this paradigm emphasizes the loss of economic security through commercialization of economic relations and increasingly inflexible demands on villages through the process of state building (Jenkins, 1982: 493).

Conflict toward external actors may be offensive, that is, initiated by peasants, although the action may be in response to preexisting conditions. The 1905–1907 peasant rebellion in Russia due to deficiencies in land reform is an example of peasant initiated action *because* of the lack of reform (Shanin, 1986). Conflict may also be defensive in nature, whereby peasants react to events or policies that are thrust upon them, for instance Stalin's collectivization. Defensive conflict sees villages trying to protect themselves from an assault by an external actor that threatens survival and/or way of life.

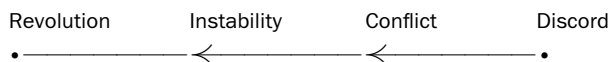
A third type of conflict occurs *within* the village. Intra-village conflict finds households divided over changes in interactions with the market and economic relationships with the outside world. The Stolypin reforms were destabilizing because of peasant views about limited economic resources that are gained or lost in a perceived zero-sum

game<sup>5</sup>. Stalin's collectivization pitted poor and middle peasant households against so-called rich households, the kulaks. One might expect conflict in contemporary villages as non-adapting and non-entrepreneurial households become jealous of households that improved their economic condition.

Next, a few words about terminology. Russia's experiences in 1905–1907 and 1929–1934 are interesting for understanding peasant motivations and behavior, but ultimately these events do not help us sort out the effects of Russia's market revolution in contemporary villages. Genuine revolutions are often bloody, whereas Russia's path to the market was generally non-violent and rural responses were more defensive than offensive. Despite the fact that traditional peasant moral economy is argued to have been violated by market reform, through which economic interactions with external actors changed in fundamental ways, rural responses were not revolutionary<sup>6</sup>. Peas-

- 
5. Members in the communal *mir* often adopted a zero-sum view of economic activity. One author argued that, "Peasants often seem to think of the world (or at least their world of the village) as constrained by a 'limited good,' that is, a space containing only a fixed amount of all goods worth having, including land, wealth, respect, and friendship. The idea of an expanding economy, an enlarging pie that will bring more benefits to everyone, is alien, or at least was so until recent technological breakthroughs" (Tian-Shanskaia, 1993: xxvi).
  6. Reasons for the non-revolutionary rural responses are due to the "giving" nature of market reform in contrast to "taking" reform; the freedom to exit (leave the countryside); the right to vote to gain representation, although it could be argued that conservatives such as the Communist Party were not particularly effective in preventing the spread of market forces in the 1990s; and the ability to ensure household survival through a mixed income strategy whereby reliance on wages from agricultural production declined. Moreover, for those who stayed, various techniques of weapons of the weak could be employed (Scott, 1986). Furthermore, the state linked household economic behavior to it in several ways: land was privatized and obtained through state processes, procedures, and offices. Even for land that was not state owned, the buying and selling of agricultural land could not occur without state involvement; land allocations (use or lease transactions) were made through state processes, procedures, and offices; loans to households were channeled through the state-owned agricultural bank; and private farms were inextricably linked to state support and depended upon the state for the means of their existence, particularly in the 1990s. Thus, although village households had more economic freedom, they were not necessarily more free to avoid the state. Raion party organizations were replaced by non-party administrators (sometimes the same person), but the process for obtaining private goods was similar. Instead of appealing to the local party office a villager now appeals to the local administration. Distinct strata within the rural population had dissimilar incentives to rebel, which is to say that separate cohorts reacted differently. Following the introduction of land privatization a process of rural stratification very quickly began to affect households. Evidence shows that some households took advantage of new opportunity more so than others by engaging in household enterprise

ant rebellion is not particularly useful for understanding contemporary rural responses<sup>7</sup>. Although Russia's market reform was certainly part of a societal revolution, peasant behavior is best understood as a non-violent struggle to fit in to a new economic system in which the rules for economic interaction had fundamentally changed. Instead, I present a simple continuum of instability to discord.



Instability occurs for several reasons and takes different forms, and for this reason village instability is an elusive term<sup>8</sup>. The most dangerous condition is when a village becomes politically destabilized, which refers to radicalization of villagers or the deterioration in the political relationship with the state or other hegemon. Economic grievances may turn political and lead to offensive conflict against an external actor. Political instability lies on the path to rebellion, although as Johnson notes many societies experience radical change without having a revolution (Johnson, 1982). In other words, not all political instability ends with revolution.

The dividing line between rebellious behavior and conflict concerns scope and scale. Rebellion is wider and deeper. Conflict is more limited in time, space, and scale. Between conflict and discord the

---

that increased their income and by acquiring more land (Wegren, 2009; Wegren, 2014). The expected “losers” from market reform — farm managers — actually turned out to be the winners in terms of higher income and larger household land holdings (Wegren, O’Brien, Patsiorkovsky, 2002; Wegren, 2014). During the second wave of private farm creation it was farm managers and specialists and not ordinary workers who comprised the wave (Durgin, 1994: 224). Moreover, there were inherent advantages to be “early in” so as to create obstacles for those who came later. In the case of agricultural land, the first in were able to lay claim to the best land with the best location, leaving poorer quality land in remote areas for others. The economic losers were those who did not seize new opportunity as they fell farther behind. Thus, separate economic strata had different capabilities and incentives that affected how they responded to market-based opportunities. There was no general “rural” rejection or acceptance of market reform; separate cohorts responded differently according to their characteristics, capabilities, and incentives.

7. In this discussion I am using revolution and rebellion as synonyms.
8. A village can become destabilized economically due to economic failure induced from nature, behavior by villagers, or when terms of trade are unequal or become significantly worse. In this case, peasants may external conflict may ensue to address food shortages in the village by invading non-village land or seizing larger estates in order to increase production potential. A village can become destabilized demographically as a result of out-migration, death, disease, or low birth rates to the point where existence is problematic. Dying villages are unlikely to engage in external conflict.

criterion is intensity. Conflict is understood to be more intense activity than discord. Conflict entails struggle, fight, or battle, and may include violence. Conflict with external actors entails a range of actions. Taking the 1905 peasant disturbances in Russia as an example –offensive actions that arose due to peasant frustrations over land hunger and rural overcrowding— Shanin describes non-violent acts such as the illegal invasions of forests to cut lumber or of grazing land. At the violent end of the behavioral spectrum, peasants robbed stores, committed arson, destroyed estates, and murdered estate owners. Somewhere in the middle were actions that included ploughing up non-peasant lands, strikes, and collective demands for lower rents (Shanin, 1986: 84). Russia's 1905–1907 peasant rebellion shows that conflict is variegated and occurs along a continuum.

Discord is a state of disharmony or disagreement. Discord is understood as a state of unhappiness, the lack of tranquility, or low-level action to express that unhappiness. Discord in and of itself is usually non-violent, but may lead to violent conflict under the right circumstances. Whether we are talking about the 19th century *mir*, Soviet villages, or contemporary rural life, discord within the village has been a constant. Despite the tendency to idealize village life, Shanin argues that in Tsarist times “actual village life [was] far from being the rustic haven of equality, stability and brotherly love that its models often used to imply... Village communities show homogeneity but, at the same time, are split into conflicting strata, groups, and factions. These divisions in no sense express temporary social pathology; rather, they play a vital part in village life and are decisive for understanding its social structure and dynamism” (Shanin, 1985: 73). Different types of discord have been, and remain, a constant feature of village life over time:

- disputes between rich and poor households;
- arguments over land allocations or encroachments, rights of throughway;
- domestic disputes, intra-marital disputes, disputes with in-laws;
- disagreement over dowries; familial disagreement over future spouses;
- petty jealousies between neighbors and among members of the village;
- generational disagreement;
- gender-based disagreement, whether intra-family or in employment;
- disagreement between village officials;
- disagreement between village officials and common villagers.

In the Soviet period, village discord frequently revolved around inequality. One common grievance was over the assignment of housing (Amalrik, 1970). Some households who were favored by the farm cha-

irman received housing of better quality, condition, and larger size. Another source of discord was gender inequality related to work roles. Women resented farm managers whose discriminatory attitudes relating to gendered work roles relegated women to certain types of work and usually lower pay (Denisova, 2010). Women were also grossly underrepresented in management roles — as late as the 1980s only 2% of collective farm leaders were women. In the household, women bore the brunt of the workload for running and maintaining the house. Bridger notes that, “tending the plot, preparing animal feed and caring for livestock are seen primarily as women’s responsibilities. In addition, cooking, cleaning, washing and shopping, the major elements of domestic labor in the cities, are overwhelmingly the responsibility of women in the villages” (Bridger, 1987: 108–109).

It is of little surprise, therefore, that contemporary villages in Russia also experience discord. In Russia’s market environment, three events are hypothesized to contribute to village discord.

1. The growth of household inequality within villages, an outgrowth of market reform in the early 1990s. As shown in the section above, household inequality increased in several ways: income, wealth, landholdings, size and quality of housing, even possession of material goods such as cars, computers, or other electronics.
2. The violation of traditional moral economy by market reform, that is, the norms, values, and policies that governed rural society in the Tsarist and Soviet periods. The Soviet moral economy in particular was based upon state-provided economic security, collective ownership of land and other means of production, an egalitarian wage system, and shelter from market forces.
3. A lack of protection for property rights by village administrations from so-called “raiders.” In this case, strained relations may emerge between villagers and the administration that fails to protect them; and toward households that are perceived to have benefited from land expansion. Concerns over land “raiding” began to appear in the Russian press as early as 2007, following the rebound in agricultural performance (Gordeev, 2007; Iakovleva, 2007; Svishchev, 2007). Subsequently, Western analysts identified a variety of legal, semi-legal, and illegal actions as “land grabbing” that compounded the violation of villagers’ moral economy and aggravated the loss of economic security (Wegren, 2009)<sup>9</sup>.

---

9. Although admittedly difficult to quantify, it has been argued that land grabbing has become worse in rural Russia in recent years, perpetrated by agro-holding companies, banks and energy companies, food processing companies, and even foreign entities throughout several post-communist states (Visser et al., 2011). Land grabbing *may* have deleterious effects on rural dwellers, but there is also a positive dimension to consider. The prevalent view implies malevolent intent by land grabbers and local bureaucrats who

The point is that discord is a constant rather than an exception in village life. In contemporary rural Russia there are several sources of discord. The question is whether conditions exist whereby discord transforms into open conflict, and this is addressed in the section below.

### **Findings: Inequality and village discord**

This section addresses whether there is evidence of discord in the village fueled by jealousy and rivalry between those who got ahead and those who were left behind. Two variables are used to address this question: 1) evaluations about relations with neighbors; 2) evaluations about commonality, or fitting in, with the rest of the village. High levels of discord may transform into conflict that if left unresolved could be destabilizing.

The impact of income inequality on relations with neighbors is considered first. Income inequality is used as the independent variable instead of both income and land because the number of households with significant land expansion since 1991 (five or more hectares) is small, thereby rendering the analysis inconclusive and speculative, whereas all households have income so the findings are more robust. The survey asked “what is your neighbor’s attitude toward your household?” Myriad factors influence the answer, not all of which can be captured by the survey or may be related to inequality. Nonetheless, it is an interesting and important question whether upper income households have worse relations with their neighbors than lower income households. For all respondents ( $n=898$ ), the most common response among is “average” relations with neighbors ( $n=373$ , or 42%, meaning relations are neither bad nor good). The second most frequent answer is “good” relations, voiced by 326 respondents, or 36% of the total sample. Only 153 respondents (17%) said relations are “bad” or “very bad”; and just 46 persons (5%) said relations are “very good.” The results are indicated in Table 1.

Disaggregated by income decile, the data reflect similarity rather than significant differences across income levels. “Average” relations is the most frequent answer: 44% of households in the lowest income decile have “average” relations with their neighbors, as do 42% of households in the highest income decile. A total of 72% of households in the bottom two deciles have average relations, as do 79% of households in the top two income deciles.

---

are bought off or corrupt. A contrarian view is that land grabbing has beneficial impacts by converting land that is underutilized or not utilized at all into economic use. Land grabbing may, therefore, allow land to be put into economic production, thereby generating income, tax revenue, and financial resources that can be used for the public good.

**Table 1. Relations with Neighbors by Earned Monetary Income Decile**

(Source: Author's survey data, n=898 households)

Earned income deciles	Very bad	Bad	Average	Good	Very good	Mean
0–9% lowest decile	0	11%	44%	39%	7%	3,4
10–19%	3%	25%	28%	39%	5%	3,1
20–29%	1%	19%	44%	33%	2%	3,1
30–39%	2%	15%	45%	33%	6%	3,3
40–49%	2%	17%	47%	26%	8%	3,2
50–59%	2%	16%	42%	34%	6%	3,2
60–69%	3%	10%	45%	38%	4%	3,3
70–79%	2%	6%	41%	38%	4%	3,4
80–89%	1%	11%	37%	49%	2%	3,4
90+% highest decile	6%	18%	42%	30%	5%	3,1
Number of responses	n=21	n=132	n=373	n=326	n=46	Mean for the sample = 3,2

**Notes:**

- a. The survey question was: 'What is your neighbor's attitude toward your household?'
- b. Percentages have been rounded and may not add to 100.
- c. For means: 1=very bad, 2=bad, 3=average, 4=good, 5=very good.

For good relations with neighbors, 78% of households in the bottom two deciles have “good” relations (39% in each decile); as do 79% of households in the upper two income deciles<sup>10</sup>. For “bad” relations with neighbors, 36% of households in the bottom two deciles are found<sup>11</sup>. In contrast, upper income households have less bad relations: 29% of households in the upper two income deciles have “bad” relations with their neighbors<sup>12</sup>. Upper income households are able to help their neighbor or share more resources and this helps to foster better relations as suggested by Paxson (2005). The findings do not support the hypothesis that inequality causes significant discord between neighbors. The percentage of upper income households with good relations is similar to low income households, and a smaller percentage of upper income households have bad relations with neighbors than average income or low-income households.

10. 49% of households in the 80–89% decile, and 30% in the 90+% decile.

11. 11% of households in the bottom income decile have 'bad' relations with their neighbors, as do 25% in the second lowest income decile.

12. 11% in the second highest income decile, 18% in the highest income decile.

The relationship between household income and fitting into the community is considered next. This question is important because inequality exacerbates poverty and social exclusion, and ultimately, is linked to societal stability (Nolan, Marx, 2009). Community attachment is influenced by many factors besides income level (Kasarda, Janowitz, 1974)<sup>13</sup>. The most influential models to explain community attachment have been the systemic model, which places emphasis on the length of residence and social status; and the linear model, which emphasizes population size of a community, with the idea that attachment decreases as the size increases (Stinner et al., 1990). Both models have been reanalyzed and modified in subsequent studies (Beggs et al., 1996). Goudy argues that systemic variables have greater explanatory power than the linear development model alone, and income in particular has an impact on community attachment (Goudy, 1990)<sup>14</sup>.

To explore the relationship between market involvement, which increases household income, and community attachment, another survey question asked “how much in common do you have with most of the people in your village?” The traditional moral economy hypothesis might expect that upper income households would feel separation from the community based on economic differences. The most common response is “average” which meant that feelings were neither of alienation nor high commonality (n=401). The second most frequent response is “a lot” of commonality (n=312). The responses by earned income decile are indicated in Table 2.

Disaggregated by income decile, there is more similarity than significant difference. In terms of raw numbers, twenty-nine respondents from the lowest income category feel “a lot” of commonality with the rest of the village, compared to twenty-seven in the highest income decile. Conversely, nine respondents from the lowest income decile feel “a little” or “very little” commonality with the village, compared to fifteen in the highest income category. In the second lowest income decile, seventeen respondents feel “a little” or “very little” commonality with the village, compared to nine in the second highest income decile. Moreover, the numbers for high-income households are not much different from “middle class” households, those that are found in the 50th, 60th, and 70th percentiles. More research is surely needed, but at this point it is difficult to identify an unambiguous pattern whereby high-income households feel less commonality with the rest of the village than households in lower income deciles.

13. Kasarda and Janowitz argue that community attachment is affected by three sets of factors: interpersonal networks, individual participation, and sentiments, or feelings, about the community.

14. A previous study of rural Russia found “no inherent contradiction between the utilitarian interests of marketplace behavior and the social interests of involvement with fellow community members” (O’Brien, Wegren, Patsiorkovskiy, 2005: 203).



**Table 2. Evaluation of Commonality with Villagers by Earned Monetary Income Decile** (Source: Author's survey data, n=899 households)

Earned income deciles	Very little	Little	Average	A lot	Very much	Means
0–9% lowest decile	1%	9%	46%	32%	12%	3,4
10–19%	1%	18%	34%	40%	7%	3,3
20–29%	7%	13%	46%	27%	8%	3,1
30–39%	4%	12%	48%	28%	8%	3,2
40–49%	2%	12%	43%	36%	6%	3,3
50–59%	5%	11%	45%	33%	7%	3,2
60–69%	1%	10%	46%	40%	3%	3,3
70–79%	2%	6%	39%	46%	7%	3,4
80–89%	0%	10%	51%	36%	3%	3,3
90+% highest decile	5%	12%	48%	30%	5%	3,1
Number of responses	n=25	n=102	n=401	n=312	n=59	Mean for sample=3,3

**Notes:**

- 'How much do you have in common with most of the people in your village?'
- Percentages have been rounded and may not add to 100.
- For means: 1=very little, 2=little, 3=average, 4=a lot, 5=very much.

The findings that upper income households do not have worse relations with neighbors and feel as if they fit into the village community comports with reality that witnessed a quiescent countryside during market reform. Villages were not destabilized by violent conflict. The reasons for quiescence are explored in the concluding section below.

**Conclusion: Toward a post-socialist moral economy**

Historically, the moral economy of Russian villages was based on collectivism and egalitarianism. In rural households of Tsarist Russia, Richard Pipes writes that, "The household allowed no room for individuality: it was a collective which submerged the individual in the group... The Great Russian peasant, living in his natural environment, had no opportunity to acquire a sense of individual identity, respect for law or property, or social status in the village" (Pipes, 1990: 95). Moreover, the household made no allowance for private property, everything was held in common. The communal *mir* was based on collectivist-egalitarian village governance supported by peasant values (Watters, 1968).

In the Soviet period, collectivism in land ownership and egalitarianism in income defined state policy (Medvedev, 1987)<sup>15</sup>. To be sure, there were contradictory impulses, for example the resilience of household subsidiary agricultural production that operated outside the state plan and therefore was considered capitalist. These plots were limited in size by state policy and were collectively used by the household. In the Soviet period there was encroachment on state lands to grow food for the household. But the dominant value structure and hence moral economy was collectivist and egalitarian.

The development of agrarian capitalism in contemporary Russia broke sharply with the collectivist-egalitarian basis of historical village life. In Russia since 1992 collectivist property was supplanted by land privatization and egalitarianism was replaced by income and wealth inequality. The transformation of rural Russia gave rise to a stratum of winners and a group of losers. But contrary to expectations, instead of inequality creating village-destabilizing conflict, survey data show that high-income households do not have significantly worse relations with their neighbors than do low-income households; and that upper-income households do not have greatly differing feelings of community attachment than low-income households.

The question is whether an emerging post-socialist moral economy explains why household inequality did not cause higher levels of discord or even village conflict. Based on the evidence presented here, the findings provide reason to argue for the emergence of a post-socialist moral economy. Even allowing for other factors that contribute to low levels of village discord, such as length of residence, the fact that high-income households do not have worse relations with their neighbors and feel part of the community is an important finding.

A post-socialist moral economy departs from past cultural norms. The post-Soviet moral economy is not constrained by limited access to land as in the communal *mir* or the Soviet collective farm. The post-socialist moral economy is not based upon state regulated income levels or wealth holdings. Instead, a post-socialist moral economy is based on opportunity and economic freedom, bounded mainly by the energy, willpower, capabilities and adaptability of household members. Policies from an illiberal state or corruption undercut the post-socialist moral economy that seeks to unleash the incentives that the Stolypin reform wanted to tap into in the early twentieth century. Thus, we see different kinds of entrepreneurship that have been documented at every level: personal, household, and farm. In the new economic environment the values and norms of this new moral economy are shared across income groups so that inequality

---

15. Early collective farms and village administration continued to rely upon groups of individually operated plots of land during the first few years of collectivization (Yaney, 1971: 20).

does not cause village-destabilizing conflict. This positivist view of new moral economy helps to explain why the Russian countryside was quiescent during the 1990s, a period of increasing inequality and potential social strife during Russia's imperfect agrarian capitalism.

There is substantial behavioral evidence to support the argument of an emerging post-socialist moral economy. (Attitudinal data remain to be collected.) The data in this study show that a minority of households is entrepreneurial, but that number is likely to grow over time as the benefits become widely evident. Among those minority households there are several indicators to show a willingness to move away from collectivism and egalitarianism: the mere fact that household inequality has increased; an increase in land holdings and a willingness to acquire more land through leasing or purchase (leasing is more popular); a growth in food sales that leads to higher household income; a change in the structure of household income, specifically an rise in household business as a percentage of total income; a willingness to take loans for investment; and an enlargement in production capital such as animals and equipment (Wegren, 2014).

All of that said, the development of a post-socialist moral economy is a process and as such is subject to periods of slowing or even reversals. When we talk about moral economy we are really talking about the development of a culture whereby norms define economic relationships and orientations to the market. The establishment of new norms may not happen in a decade or even a generation, but may take several to fully develop. New cultural norms and values may not be shared by all and even a hegemonic value structure has dissidents and defectors.

In closing, the broader issue this article raises is that it may be time to see peasant moral economy as variable rather than a constant. The analysis herein suggests that rural norms and values are a dependent variable influenced by structural independent variables — time period; a country's level of economic development; characteristics of the economic system; state policies; and interactions with the market. This view does not diminish the importance of culture, history, and tradition, but does not see them as historically determinist or unchanging. A rethinking of moral economy would acknowledge that rural households using a mixed income strategy in a middle-income nation have a different moral economy than do households a low-income agrarian economy in which the majority of economic output comes from agricultural production. Put another way, rural dwellers who depend upon agricultural production as their main source of income have a different moral economy than do semi-industrialized rural dwellers who have links to the urban economy and draw income from agricultural and non-agricultural employment. If this thesis is correct, the research agenda going forward is to explicate the moral *economies* that are found in different regions of the world as we try to understand rural stability or lack thereof.

- Allina-Pisano J. (2008) *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amalrik A. (1970) *Involuntary Journey to Siberia*. N. Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, Inc.
- Beggs J. J., Hurlbert J. S., V. A. Haines (1996) Community Attachment in a Rural Setting: A refinement and Empirical Test of the Systemic Model. *Rural Sociology*, vol. 61, no 3, pp. 407–426.
- Blum J. (1961) *Lord and Peasant in Russia: from the ninth to the nineteenth century*. Princeton: Princeton University Press.
- Bridger S. (1987) *Women in the Soviet Countryside: Women's Roles in Rural Development in the Soviet Union*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Conquest R. (1986) *The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. Oxford: Oxford University Press.
- Denisova L. (2010) *Rural Women in the Soviet Union and Post-Soviet Russia*. Ed. and transl. by I. Mukhina. L. and N. Y.: Routledge.
- Durgin F. Jr. (1994) Russia's Private Farm Movement: Background and Perspectives. *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 21, no 2–3, pp. 211–252.
- Fitzpatrick S. (1994) *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. N. Y.: Oxford University Press.
- Gordeev A. (2007) 'Sobstvennost', eto obshchenarodnoe dostoianie' [Property as a public domain] *Krest'ianskie vedomosti*, no 4 4, pp. 2–3 (In Russian).
- Goudy W. J. (1990) Community Attachment in a Rural Region. *Rural Sociology*, vol. 55, no 2, pp. 178–198.
- Hindus M. (1988) *Red Bread: Collectivization in a Russian Village*. Bloomington: Indiana University Press.
- Iakovleva O. (2007) 'Reidery: vse eshche vladeete zemlei? Togda my edem k vam' [Raiders: Do you still own land? Then we are coming for you] *Krest'ianskie vedomosti*, no 4 2–43, pp. 8–9 (In Russian).
- Jenkins J. C. (1982) Why Do Peasants Rebel? Structural and Historical Theories of Modern Peasant Rebellions. *American Journal of Sociology*, vol. 88, no 3, pp. 487–514.
- Johnson C. (1982) *Revolutionary Change*. Stanford: Stanford University Press.
- Kasarda J. D., M. Janowitz (1974) Community Attachment in Mass Society. *American Sociological Review*, vol. 39, pp. 328–339.
- Keister L. A. (2000) *Wealth in America: Trends in Wealth Inequality*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Lewin M. (1968) *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. N. Y.: W. W. Norton and Co.
- Medvedev Z. A. (1987) *Soviet Agriculture*. N. Y.: W. W. Norton and Co.
- Ministry of Economic Development (2010) *Gosudarstvennyi (natsional'nyi) доклад o sostoianii i ispol'zovanii zemel' v Rossiiskoi Federatsii v 2009 godu* [National Report on the State and Use of Land in the Russian Federation in 2009]. Moscow: Ministry of Economic Development.
- Moore B. Jr. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Nee V. (1989) A Theory of Market Transition: From Redistribution to Markets in State Socialism. *American Sociological Review*, vol. 44, pp. 663–681.
- Nefedova T., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe sel'skoe khoziaistvo, ili zachem nuzhna korova?* [Unknown agriculture, or Why do we need a cow?] Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Nolan B., Marx I. (2009) Economic Inequality, Poverty, and Social Exclusion. *The Oxford Handbook of Economic Inequality*. W. Salverda, B. Nolan, and T. M. Smeeding (Eds.), pp. 315–341. Oxford: Oxford University Press.
- Nove A. (1982) *An Economic History of the USSR*. Middlesex: Penguin Books.
- O'Brien D. J., Patsiorkovsky V. V., Dershem L. D. (2000) *Household Capital and the Agrarian Problem in Russia*. Aldershot, UK: Ashgate Publisher.

S. Wegren  
Household  
Inequality and  
Village Discord

- O'Brien D.J., Wegren S. K., Patsiorkovsky V. V. (2005) Marketization and Community in Post-Soviet Russian Villages. *Rural Sociology*, vol. 70, no 2, pp. 188–207.
- O'Brien D.J., Patsiorkovsky V. V. (2006) *Measuring Social and Economic Change in Rural Russia*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Paige J. M. (1975) *Agrarian Revolution*. New York: The Free Press.
- Pallot J., Nefedova T. (2007) Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford: Oxford University Press.
- Paxson M. (2005) *Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village*. Bloomington: Indiana University Press.
- Pipes R. (1990) *The Russian Revolution*. New York: Vintage Books.
- Scott J. C. (1976) The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press.
- Scott J. (1986) Everyday Forms of Peasant Resistance. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 13, no 2, pp. 5–35.
- Shanin T. (1985) *Russia as a 'Developing Society': The Roots of Otherness, Russia's Turn of the Century*, vol. 1. New Haven and London: Yale University Press.
- Shanin T. (1986) *Russia, 1905–07, Revolution as a Moment of Truth: The Roots of Otherness, Russia's Turn of the Century*, vol. 2. New Haven and London: Yale University Press.
- Shanin T. (Ed.) (1987) *Peasants and Peasant Societies*. Oxford: Basil Blackwell.
- Simms J. Y. (1977) The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century. *Slavic Review*, vol. 36, no 3, pp. 377–398.
- Stinchcombe A. J. (1961) Agricultural Enterprise and Rural Class Relations. *American Journal of Sociology*, vol. 67, no 2, pp. 165–176.
- Stinner W. F., Loon M. V., Chang S. W., Byun Y. (1990) Community Size, Individual Social Position, and Community Attachment. *Rural Sociology*, vol. 55, no. 4, pp. 494–521.
- Svishchev B. (2007) Ostanovite zemel'nykh piratov [Stop land pirates]. *Sel'skaia zhizn'*, 20 November 2007, no 2 (In Russian).
- Tian-Shanskaia O.S. (1993) *Village Life in Last Tsarist Russia*. Transl. by D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press.
- Viola L. (1999) *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford: Oxford University Press.
- Viola L. et al. (2005) *The War Against the Peasantry, 1927–1930. The Tragedy of the Soviet Countryside*, vol. 1. New Haven and London: Yale University Press.
- Visser O., Spoor M. (2011) Land grabbing in post-Soviet Eurasia: the world's largest agricultural land reserves at stake. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no 2, pp. 299–323.
- Volin L. (1970) *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev*. Cambridge: Harvard University Press.
- Watters F. (1968) The Peasant and the Village Commune. In *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. W. S. Vucinich (Ed.), pp. 133–157. Stanford: Stanford University Press.
- Wegren S. K. (2005) *The Moral Economy Reconsidered: Russia's Search for Agrarian Capitalism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Wegren S. K. (2009) *Land Reform in Russia: Institutional Design and Behavioral Responses*. New Haven and London: Yale University Press.
- Wegren S. K. (2014) *Rural Inequality in Divided Russia*. London and New York: Routledge.
- Wegren S. K., O'Brien D.J., Patsiorkovsky V. V. (2002) Winners and Losers in Russian Agrarian Reform. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 30, no 1, pp. 1–29.
- Wolf E. R. (1969) *Peasant Wars of the Twentieth Century*. New York: Harper Torchbooks.
- Yaney G. (1971) Agricultural Administration in Russia from the Stolypin Land Reform to Forced Collectivization: An Interpretive Study. In *The Soviet Rural Community*. J. R. Millar (Ed.), pp. 3–35. Urbana: University of Illinois Press.
- Yaney G. (1982) *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930*. Urbana: University of Illinois.

**Социально-экономическое неравенство и конфликты в сельской России: особенности постсоциалистической моральной экономики**

S. Wegren  
Household  
Inequality and  
Village Discord

Стивен Вегрен, профессор политологии в Южном методистском университете, Даллас, Техас, 75275, США. E-mail: swegren@smu.edu

По мнению автора, уровень социально-экономической дифференциации в сельской России сегодня существенно выше, чем в советский период, если оценивать его в показателях дохода и (земельной) собственности. Автор выделяет три периода в истории сельской России, которые отмечены серьезными противоречиями во взаимодействии крестьян со средствами производства: столыпинская реформа 1906–1911 годов; сталинская коллективизация; крах советской системы в начале 1990-х годов. В статье обозначены последствия становления рыночной экономики после распада Советского Союза, которая ускорила нарастание социально-экономической дифференциации в деревне, и показано, какие конфликты она породила между разными экономическими группами. Автор приводит количественные показатели нарастания сельской дифференциации; анализирует взаимоотношения между «богатыми» и «бедными» домохозяйствами; показывает, что «богатые» домохозяйства чувствовали свое единство с сельским сообществом. Для оценки уровня конфликтности сельской жизни автор обращается к результатам обследования 900 домохозяйств в разных регионах России и делает вывод о формировании в сельской России постсоциалистического типа моральной экономики, в основе которой лежит не государственное регулирование доходов и распределение земель, а понятия экономической свободы и возможностей, которые ограничивают лишь энергия, воля, способности и адаптационные стратегии членов сельских домохозяйств.

*Ключевые слова:* устойчивость села; неравенство домохозяйств; конфликты на селе; домохозяйства с высоким и низким уровнем доходов; (постсоциалистическая) моральная экономика; средства производства.

# Гражданское общество и гражданская активность сельской России

И. В. Копотева

*Инна Викторовна Копотева*, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82/5. E-mail: inna.kopoteva@gmail.com

В статье обозначены различные трактовки понятия «гражданское общество» (призванное служить государству и потому создаваемое по его инициативе и при его непосредственной поддержке; классический тип, в определенной степени противостоящий государственной власти и бизнесу; организации советского типа, которые исторически стали частью официальной и формальной структуры государства и общества), а также возможности применения данного концепта для описания современных российских реалий. Несмотря на то что многие исследователи ставят под сомнение сам факт наличия гражданского общества в России сегодня, автора интересуют ответы на иные, более конкретные вопросы: какой тип гражданского общества сложился в России? Можно ли говорить о гражданском обществе применительно к сельским территориям? Если ответ на последний вопрос положительный, то каковы индикаторы гражданского общества — география, целевая аудитория, зарегистрированная социальная активность? Статья опирается на данные об официально зарегистрированных и неформализованных общественных, некоммерческих организациях разного уровня (начиная с федерального, например АККОР, и заканчивая локальными общественными инициативами — женскими, спортивными и иными клубами, советами ветеранов, инициативными группами). Также в статье рассматриваются критерии, на основе которых можно говорить о развитии общественных организации и инициативных групп гражданского общества на селе. Автор выделяет два типа сельских общественных организаций, оказывающие политическое влияние и ориентированные исключительно на решение локальных проблем силами местного сообщества.

*Ключевые слова:* гражданское общество; государство; гражданское участие; российское общество; сельские сообщества; местные инициативы; некоммерческие и негосударственные организации.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации в качестве одной из причин кризиса называется слабость институтов гражданского общества в сельских районах, прежде всего сельского самоуправления. В этом же документе говорится, что для обеспечения устойчивого развития сельских территорий среди прочего необходимо формирование в сельской местности институтов гражданского общества, обеспечивающих защиту экономических и социальных интересов различных групп населения<sup>1</sup>. В данной статье мы рассмотрим подходы к концепции гра-

---

1. Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. <http://www.mcx.ru/>

жданского общества в российском и западном понимании, попытаемся определить, что же такое сельское гражданское общество, рассмотрим конкретные примеры гражданских инициатив, направленных на развитие сельских территорий России.

В западной литературе четко прослеживаются две различные интерпретации понятия «гражданское общество». Как пишет Д. Пардю (Purdue, 2007: 2), на протяжении длительного времени идут дебаты на тему, «является ли гражданское общество частью дихотомии „государство — гражданское общество“ (Гегель) или частью трехугольной конструкции „государство — экономика — гражданское общество“» (Токвиль). Иными словами, можно ли рассматривать гражданское общество как противовес государственной политике и власти либо как «помощника» государства, принимающего участие в управлении, сотрудничая с государственными органами. Мы придерживаемся понимания гражданского общества как посредника между государством, бизнесом и гражданами, выполняющего не только функции механизма по предоставлению услуг, но и некой политической силы, действующей в условиях консолидированной демократии. Гражданское общество имеет следующие важные характеристики: оно представлено организованной общественной жизнью, то есть в некоторой степени институционализировано; носит добровольческий характер; институционально отделено от власти; это некоммерческие, самоуправляемые, самогенерирующиеся организации, частично самофинансируемые (см., например: Fish, 1995; Salamon, Anheier, 1996; Henry, McIntosh-Sundstrom, 2006).

Хотя в России понятие «гражданское общество» стало популярно в лексиконе научных и бытовых дискурсов со времен перестройки, однако до сих пор нет единого мнения, что такое гражданское общество и существует ли оно в России вообще. Кроме того, активно употребляются различные термины, тесно связанные с основной концепцией: некоммерческие, негосударственные, общественные организации; третий, некоммерческий сектор и т. д. Очень часто ученые и политики не делают различий между ними: например, в обзоре российского некоммерческого сектора группы «Циркон» (Динамика развития, 2006) ставится знак равенства между понятием «некоммерческое» и понятием «третий сектор», С. Санович (Санович, 2009) употребляет как синонимы понятия «гражданское общество», «НПО» и «третий сектор».

Существуют и другие мнения. Например, вот что пишет Э. Поздняков (Поздняков, 2006): «Сам факт существования государства является одновременно свидетельством существования гражданского общества». Оптимистичный взгляд демонстрировал и Президент РФ Д. Медведев:

Наше гражданское общество рождалось в болезненных, противоречивых событиях последних двух десятилетий. Но то, что оно сегодня



является важным элементом политической жизни, — неоспоримый факт. Более того, структурированное гражданское общество — сейчас проходит процесс его оформления — уже имеется. И в дальнейшем это самое главное, оно должно стать итогом нашего стабильного и цивилизованного развития. (Медведев, 2008).

Считается, что российское гражданское общество зародилось во время и после развала Советского Союза в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Однако многие авторы придерживаются мнения, согласно которому никакого гражданского общества не было ни в Советском Союзе, ни в современной России. По словам Салминниemi (Salmenniemi, 2008), некоторые элементы гражданского общества могли возникнуть в условиях тоталитарного режима, но *«отсутствие необходимых условий, которые могли бы обеспечить независимость этих элементов от политической власти и их право на самоуправление и самостоятельную деятельность, делает невозможным рассматривать общество как гражданское»*.

В концепциях гражданского общества можно выделить два аспекта: описательный (или эмпирический) и нормативный (политический). Первый имеет отношение к добровольному, некоммерческому и неправительственным секторам, второй — к сфере, через которую можно противостоять, влиять или оказывать давление на государство, а также на экономические отношения (Anheier и др., 2001: 15). Согласно Л. Яшину, в современной России *«гражданское общество крайне неорганизовано, абсолютно деморализовано и очень слабо»*. Есть активные граждане и отдельные группы, но как таковое гражданское общество на территории страны, к сожалению, отсутствует (Яшин, 2007). Некоторые исследователи также утверждают, что политическое измерение организаций гражданского общества в России очень размыто (Salmenniemi, 2007: 15).

Интересное отношение к российскому гражданскому обществу предлагают М. Либоракина и соавторы, которые утверждают, что в постсоветское время структура «общество — государство» стала похожа на песочные часы, в которых верхняя часть представляет государство и политику, а нижняя — общество. Наверху элиты конкурируют за власть, богатства, престиж; внизу также наблюдается значительная социальная активность граждан. Такое общество похоже на гражданское, однако это не так, поскольку связь между верхней и нижней частями весьма ограничена (Либоракина и др., 1996). Метафора песочных часов во взаимоотношении власти и общества с акцентом на значении неформальной экономики была также использована в аналитической модели организации советского колхоза, где верхняя половинка часов представляла собой огосударвленную индустриальную часть аграрного производства, а нижняя — сообщество колхозных ЛПХ. Связь формальная и неформальная между двумя половинками осуществлялась через управленческий контроль председателя колхоза (Никулин, 1999).

Другие исследователи (см., например: Hann, 2002; Bondr, Dines, 2008) говорят об особой форме российского гражданского общества и невозможности оценить его по западным стандартам. Так, К. Ханн считает, что стандартная западная модель гражданского общества совсем не обязательно «полезна в попытке понять социальную реальность, существующую в условиях, коренным образом отличающихся от тех, в которых эта модель была впервые использована» (Hann, 1996: 17). По его мнению, концепцию или модель необходимо расширить и адаптировать к местным условиям, и если это будет сделано, то термин «гражданское общество» может стать продуктивным для обозначения широкого спектра социальной активности (Hann, 2002: 9).

А. Будов пишет о существовании национальной модели гражданского общества (Будов, 2009: 25), С. Воробьев приходит к выводу, что этатизм является наиболее эффективной теоретической основой для построения гражданского общества в России. По его словам, гражданское общество должно находиться

в состоянии партнерства с государством, подчиняться державным целям и задачам и терпимо относиться к ограничениям индивидуальных прав и свобод во имя экономического развития, социального обеспечения и государственной безопасности (Воробьев, 2009: 20).

Такой подход, с одной стороны, пытается апеллировать к символам величия власти старой (царской) России (державность), а не к патриотизму, с другой, он призывает к признанию приоритета государственных интересов над индивидуальными правами и свободами. Россия уже на пути к «управляемой демократии», то есть особой форме управляемого гражданского общества. Однако в западном понимании важным аспектом гражданского общества является то, что оно функционирует в виде свободных ассоциаций, гражданские права которых гарантированы государством, но не контролируются им (Purdue, 2007: 2). В России же с ее «управляемой демократией» независимость гражданского общества находится под угрозой (Purdue, 2007: 5), поскольку постоянно идет ужесточение государственного контроля над гражданским сектором (Salminiemi, 2007: 21).

Итак, учитывая столь широкий спектр мнений, необходимо признать, что до сих пор нет четкого и полного представления о том, что же такое гражданское общество в России (Шмидт, 2006). В связи с этим хотелось бы оставить в стороне вопрос, есть ли гражданское общество в России (в каком-то виде оно существует), а попробовать найти ответ на вопросы, что же такое гражданское общество в России, что такое сельское гражданское общество и как оно функционирует на селе. Наши рассуждения основаны на эмпирических данных, собранных нами во время полевых экспедиций, а также на анализе российской и западной литературы по вопросам развития гражданского общества в российском селе. В данной

работе мы используем термины «НКО», «общественные организации», «третий сектор», «некоммерческий сектор» как синонимы, следуя общей традиции исследований гражданского общества в России. В поисках ответов на поставленные выше вопросы рассмотрим не только зарегистрированные организации, но и любые проявления гражданской активности населения.

### **Что нам скажет статистика...**

В связи с тем что нет четкого понимания, что же такое гражданское общество в России, сильно различаются и его количественные показатели. Самый оптимистичный вариант статистических данных был найден в статье И. Мерсияновой. По ее данным, на 1 января 2009 года общее количество НКО в России составляло 360 000. Приблизительно 38% (то есть 136 000) из них реально работают. К сожалению, количество НКО в сельской местности очень мало, менее 5% от общего числа. Большинство общественных организаций невелики: 36% НКО не имеют постоянных сотрудников, 28% имеют от одного до пяти сотрудников на условиях полной занятости (40 часов в неделю). В российском некоммерческом секторе занято только 0,89% экономически активного населения; 24% НКО не привлекают добровольцев, 27% НКО используют до 10 добровольцев (Мерсиянова, 2010).

Как отмечает С. Салменниemi, наибольший удельный вес российских НКО — в секторе социального обеспечения, где они оказывают в основном те социальные услуги, которые государство и частный бизнес не способны или не хотят оказывать населению (Salmenniemi, 2007: 25).

При анализе деятельности сельских общественных организаций встает вопрос, что такое сельская организация, важны ли географические характеристики или выполняемые функции / целевая аудитория? Как нам кажется, при отнесении к указанным выше 5% сельских НКО в российских регионах был использован именно принцип месторасположения. Однако американский исследователь С. Вегрен определяет сельские НКО как организации, которые обслуживают сельское население. По его мнению, целевая аудитория важнее расположения НКО. Сельские НКО могут работать в селах, районных или областных центрах или даже на федеральном уровне — в Москве, но тот факт, что они находятся за пределами сельской местности, частично является лишь следствием плохих социальных условий на местах: некачественные дороги, отсутствие или нехватка общественного транспорта, недостаток средств и т. д. (Wegren, 2006: 133).

Итак, в понимании Вегрена сельские НКО — это те, которые обслуживают сельское население. В данном контексте сельское население воспринимается только как потребитель услуг, а не как

активный участник. По сути, такое понимание не вписывается в концепцию гражданского общества. Мы согласны с тем, что месторасположение не должно являться единственным критерием для определения сельских НКО, но должны быть и другие. Попытаемся провести классификацию существующих неправительственных, некоммерческих организаций по географическим и административным уровням.

## Общественные организации федерального уровня

### АККОР

В качестве примера организации, действующей на федеральном уровне, можно назвать Ассоциацию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). Эта организация является неправительственной и некоммерческой. Несмотря на то что она создана на федеральном уровне, членами ее являются жители села. В состав АККОР входит 68 региональных крестьянских союзов и ассоциаций, которые объединяют более 600 фермерских организаций районного уровня, в которые, в свою очередь, входят более 93 тыс. фермерских хозяйств.

АККОР была создана в 1990 году для оказания разного вида услуг сельскому населению, главным образом фермерам. Как отмечает Вегрен (Wegren, 2006: 134), с момента своего основания АККОР стала основным агентом, представляющим интересы фермеров в Москве. Например, государственные субсидии и кредиты по программе «Российский фермер» (1992–1994) выделялись через местные отделения АККОР (Wegren, 1998: 191–193). Это позволило обеспечить динамичный рост фермерского уклада в начале 1990 годов: в 1991 году в России было 49 тыс. КФХ, в 1992 году — 182 тыс., в 1993 году — 270 тыс. Для поддержки и развития системы сельскохозяйственных кредитных кооперативов в феврале 1997 года АККОР был учрежден Фонд развития сельской кредитной кооперации<sup>2</sup>. После старта национальных проектов в 2006 году представители АККОР вошли в Координационный совет по реализации приоритетного национального проекта — Агропромышленного комплекса. Роль АККОР состояла в организации процедуры кредитования для малых сельхозпроизводителей и координации этого процесса с банками и Министерством сельского хозяйства.

Сельские территории в целом и сельское местное самоуправление в частности часто рассматриваются как достаточно отстающие, более стабильные, менее политизированные и менее спорные в сравнении с городскими (Woods, 1998). Это «отсталое и менее политизированное» сообщество АККОР представляет на по-

2. Данные с официального сайта АККОР <http://www.akkor.ru/about.html>

литической арене. В 1990-е годы АККОР участвовала в выборах в Думу в различных союзах (в 1993 году — с «Выбором России», в 1994 году — с движением «Наш дом — Россия»). В 2010 году партия «Единая Россия» включила в свою программу партию «Российский фермер». Представители Ассоциации высказывали мнение, что такая поддержка правящей партии позволит АККОР более эффективно лоббировать интересы фермеров, вносить поправки в законы, добиваться принятия решений, важных для крестьянства в регионах России. С тех пор АККОР и «Единая Россия» — «близнецы-братья». Например, представители АККОР активно участвовали в региональных выборах всех уровней, прошедших в сентябре 2015 года. По итогам выборов 1750 фермеров, из которых более 70% были выдвинуты по спискам «Единой России», стали депутатами различных уровней, главами сельских поселений и районных администраций. Руководство АККОР и региональных организаций принимало активное участие в работе руководящих органов партии «Единая Россия», в мероприятиях, проводимых ею, в реализации партийного проекта «Российское село» (Решение съезда, 2016).

АККОР была создана как организация, которая объединила небольших сельхозпроизводителей. В настоящее время это профессиональная организация, играющая роль посредника между аграрным обществом и государством. Основные цели АККОР: содействие в разработке и реализации аграрной политики государства, предоставление консультационных услуг сельхозпроизводителям, оказание помощи в развитии государственно-частного партнерства, участие в совершенствовании законодательства в области сельского хозяйства и развитие сельских районов и т. д. Несмотря на то что данная организация создана на федеральном уровне, это многоярусная структура, теоретически доходящая до жителей села. Теоретически — по двум причинам. Во-первых, на официальном сайте АККОР новости регионов заканчиваются в сентябре, то есть практически уже в течение года нет никаких новостей из регионов. Кроме того, на сайте нет информации о существовании тех самых выше упомянутых «более 600 фермерских организаций районного уровня, в которые, в свою очередь, входят более 93 тыс. фермерских хозяйств». Во-вторых, в рамках наших полевых исследований в зоне Нечерноземья никто из респондентов-фермеров не знал о существовании АККОР, несмотря на то что в этих регионах официально существуют ее отделения.

### **Союзы пенсионеров, ветеранов, женщин...**

На федеральном уровне также существуют и другие организации, которые имеют иерархическую структуру и спускаются на уровень села. Это союзы пенсионеров, ветеранов, женщин. Эти структуры уходят корнями в советское прошлое. Так, на сайте Союза ветеранов читаем, что «Российский союз ветеранов является правона-

следником и продолжателем традиций Советского комитета ветеранов войны, его знамен, символики, флага и наград». Союз действует как общероссийская общественная организация, объединяющая участников и ветеранов Великой Отечественной войны, боевых действий, Вооруженных сил, военной службы, правоохранительных органов, государственной службы и труда, вдов и членов семей ветеранов. Главная цель организации достаточно амбициозна — это «объединение усилий ветеранов для защиты гражданских, политических, социальных прав и свобод, обеспечения достойного положения в обществе, содействия демократическому развитию России, укрепления ее экономического и оборонного потенциала (могущества) и международного авторитета, правопорядка, сплочения общества и патриотического воспитания подрастающего поколения». Список задач организации достаточно широкий, но на первом месте стоит задача объединения ветеранов для совместной общественной деятельности, укрепления ветеранской дружбы, сотрудничества и взаимопомощи» (см. устав организации).

Как и АККОР, союз имеет региональные отделения, но в отличие от АККОР связи с регионами более активные. На муниципальном уровне, в том числе и на селе, также существуют отделения союза.

Данный союз и ему подобные, без сомнения, являются факторами гражданского общества России, причем представляют как эмпирический, так и политический аспект. Это и досуговая деятельность, и защита прав и интересов своих членов. Другой вопрос, насколько низовые организации, действующие на муниципальном уровне, активны и подходят под определение гражданского общества. Этого мы коснемся ниже, когда перейдем на муниципальный уровень.

### **Фонд местных сообществ как пример некоммерческой организации, действующей на разных уровнях**

Примером организаций, действующих на разных уровнях (регион — город — район — поселение), можно назвать фонды местных сообществ. В 2014 году праздновали столетие первого фонда в мире, который был создан в 1914 году в Кливленде, штат Огайо, США. В настоящее время в мире насчитывается более тысячи фондов местных сообществ. В Россию модель фондов пришла в 1995 году через Благотворительный фонд помощи (CAF)<sup>3</sup>.

CAF России приложил много усилий для распространения идеи фонда как эффективного средства структурирования местной общественной деятельности. После проведения обследования районов с наибольшим потенциалом для создания первого в России фонда местного сообщества выбор пал на город Тольятти. Фонд местного

3. See more on the website <http://www.cafrussia.ru/>

сообщества Тольятти был зарегистрирован в 1998 году, и САФ стал одним из его основателей. На начальном этапе САФ России помог привлечь международное финансирование, но очень скоро фонд сам стал привлекать местных инвесторов и филантропов к своей деятельности. Наряду с САФ России поддержка при создании фондов местных сообществ была предоставлена также и другими фондами, например Фондом Чарльза Стюарта Мотта, Фондом Форда, Фондом Евразия, Фондом Сороса, USAID, DFID, CIDA и другими агентствами по развитию.

Фонд местных сообществ (ФМС) — это филантропическая, грантодающая некоммерческая организация, независимая от влияния других организаций, государств или отдельных доноров, управляемая коллегиальными органами и принимающая независимые решения, направленные на улучшение жизни в географически определенном сообществе. В настоящее время в Российской Федерации действуют 45 ФМС, еще 13 организаций в той или иной степени используют модель и подходы фондов местных сообществ (Местная филантропия, 2014: 4).

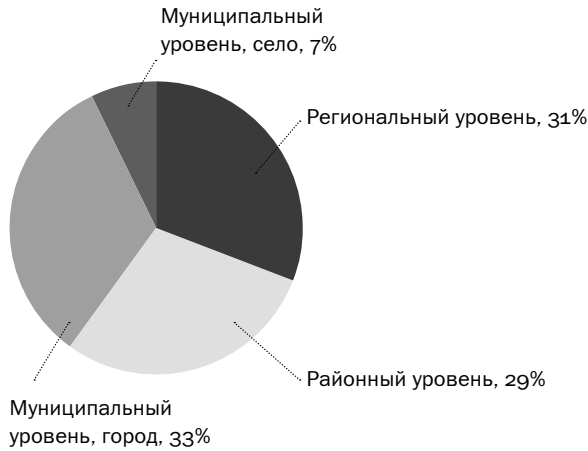
Изначально создаваемые в России фонды назывались городскими благотворительными фондами, так как они располагались в основном в больших промышленных городах и принимали участие в так называемой городской регенерации. В дальнейшем фонды стали обращать свое внимание также и на сельские районы. В настоящее время в Российской Федерации 36% фондов работают в сельских районах (29% — на районном уровне и еще 7% — на селе) (рис. 1).

В отличие от многих других грантодающих организаций фонды местных сообществ работают не только с зарегистрированными организациями, но и с инициативными группами. Таким образом, они наиболее приближены к нуждам местных сообществ, предоставляя им возможность решать свои локальные проблемы и повышать гражданскую активность населения в целом. Кроме того, фонды способны к мобилизации разнообразных ресурсов, недооцененных местным сообществом.

С деятельностью одного из российских фондов мы ознакомились в Нижнем Новгороде в 2004–2006 годах. Фонд «Партнерский совет» был создан в январе 2004 года при помощи DFID (Department for International Development) — Министерства международного развития Великобритании, отвечающего за экономическое развитие и снижение бедности в мире, в частности, путем оказания помощи иностранным государствам. В первые годы своего существования фонд осуществлял грантовые программы в регионе за счет средств DFID. После ухода зарубежного партнера из региона он стал самостоятельно организовывать мероприятия по сбору средств и принимать пожертвования от физических и юридических лиц. Перед фондом стояла сложная задача создания механизмов, которые обеспечат его финансовую устойчивость в будущем. На данный момент

**Рис. 1. Типы фондов местных сообществ по территориальному признаку**

(Источник: Местная филантропия, 2014: 6)



И. В. Копотева  
Гражданское общество и гражданская активность сельской России

«Партнерский совет» значится в списке действующих фондов местных сообществ, является членом Партнерства фондов местных сообществ, однако официальный сайт фонда не работает и найти какие-либо сведения о сегодняшней деятельности фонда не удалось.

Возвращаясь к началу работы данного фонда, можно сказать, что в течение 2004–2007 годов он реализовал пять грантовых программ и профинансировал 99 проектов на общую сумму 25 млн руб. Основными сферами проектов были социальная защита и социальная поддержка населения, образование и молодежная политика, спорт и туризм, занятость населения, культура, благоустройство городской среды и модернизация жилищно-коммунальных услуг. Ветераны, пенсионеры, инвалиды, дети и молодежь стали основными целевыми группами.

Партнерский совет занимал уникальное место между государством, бизнесом и обществом. Фонд позволял накапливать и распределять дополнительные ресурсы, необходимые для местного развития. Его деятельность была направлена на решение наиболее актуальных проблем общества. Можно назвать несколько проектов, которые были профинансированы «Партнерским советом» и реализованы в сельских районах Нижегородской области. Первый из них — «Школа юного фермера».

«Школа юного фермера» была создана на базе социального приюта для детей и подростков, оставшихся временно без попечения родителей. Приют является промежуточной инстанцией между семьей, с одной стороны, судом и детским домом — с другой. Пребывание в приюте временное, обычно не более полугода, после чего ребенок либо возвращается в семью, либо по решению суда переез-



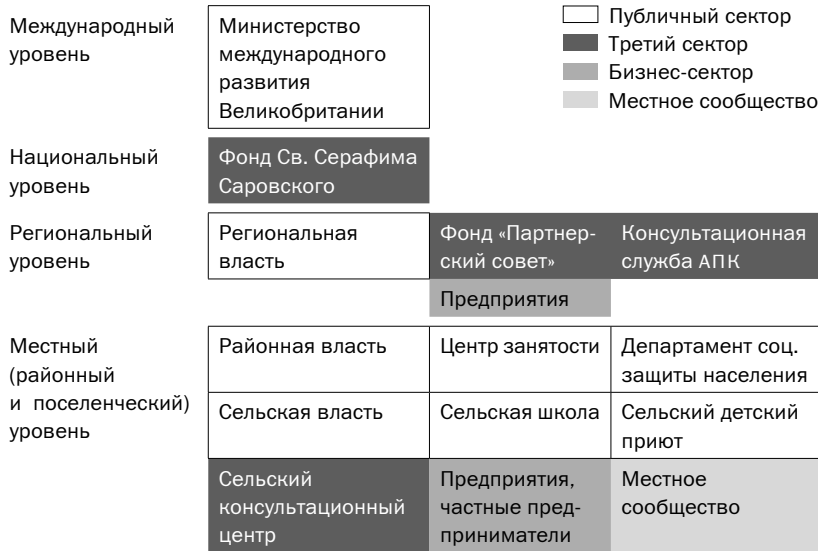
жает в детский дом. Большая часть детей из неблагополучных семей. Приют находится в сельской местности Нижегородской области. «Школа юного фермера» приняла участие в нескольких грантовых программах, организованных различными фондами, например в конкурсе Православного фонда преподобного Серафима Саровского (в 2006 г.), в конкурсах «Партнерского совета» (2007, 2008 гг.).

Основными целями создания «Школы юного фермера» были социализация детей, обучение их трудовым сельскохозяйственным навыкам, профессиональная ориентация на сельское хозяйство. Несмотря на то что многие дети — жители сельской местности, у них нет базовых навыков для работы на земле или по уходу за домашними животными — коровами, овцами, кроликами, курами, многим вообще не привиты никакие трудовые навыки. В рамках проекта был создан фермерский учебно-производственный участок, на котором их учат ухаживать за домашними животными, а также прививают навыки к сельскохозяйственному труду.

В то время когда приют подавал заявки на участие в грантовых конкурсах, «Партнерский совет» уже работал на местных ресурсах, без помощи зарубежных партнеров. В связи с этим размеры выделяемых грантов были небольшие, а реализация такого грандиозного проекта требовала серьезных ресурсов — финансовых, организационных, образовательных, трудовых и т. д. Приют подавал заявку в «Партнерский совет» дважды. Первый грант был небольшим, реализация проекта началась, но этого явно было недостаточно. В результате консультационная служба АПК Семеновского района выступила с инициативой разработки и реализации дополнительных проектов на базе приюта. На следующий год в «Партнерский совет» заявки подали одновременно три организации, которые были одобрены и получили финансирование. Приют подавал заявку на конкурс «Дом любви, труда и надежд», задачей которого было создание специальных условий для воспитания и обучения детей, трудового воспитания, обучения навыкам сельскохозяйственного труда. Центр занятости Семеновского района подавал заявку на проект «Работа на благо детям», целью которого был конкурсный отбор работников сельскохозяйственных профессий для дальнейшей работы в приюте на учебно-производственном участке. Работников для приюта выбирали среди зарегистрированных в центре занятости безработных. Специалистами консультационной службы агропромышленного комплекса были написаны методические пособия по каждому типу сельхозработ, проведены обучающие семинары (третий проект). Также в рамках каждого проекта были закуплены необходимое оборудование и скот.

Таким образом, три разные организации объединили свои усилия и направили их на решение одной конкретной задачи. Кроме представленных выше в реализации данного проекта принимали участие организации разных уровней и разных секторов. Третий сектор в данном примере присутствует только на верхних эта-

**Рис. 2. Партнерские связи в рамках реализации проекта «Школа юного фермера»**



И. В. Копотева  
Гражданское общество и гражданская активность сельской России

жах территориальной иерархии — региональной и государственной. Консультационная служба АПК и сельский консультационный центр на момент реализации проекта работали как некоммерческие организации, но позднее перешли под руководство Министерства сельского хозяйства, то есть в группу публичного сектора.

В долгосрочной перспективе планировалось реорганизовать приют в агрошколу-интернат («с получением соответствующей лицензии с дипломами государственного образца по сельскохозяйственным специальностям»). Так видели десять лет назад «Школу юного фермера» специалисты Нижегородской службы АПК. На данный момент в приюте все также работает учебно-производственный участок, где школьники учатся ухаживать за животными, работать на земле. На сайте приюта с деятельностью «Школы юного фермера» можно ознакомиться в разделе «Трудовое воспитание».

«Повышение занятости сельского населения» — еще один проект, реализованный при поддержке Нижегородского фонда местного сообщества. Он был направлен на повышение поголовья скота в деревнях и рост занятости (самозанятости) сельского населения. Идея проекта основана на философии Фонда Хейфера (Heifer foundation), согласно которой семья, получившая в подарок домашних животных, передает другой нуждающейся семье первое родившееся потомство. В рамках вышеупомянутого проекта происходило распространение романовской породы овец среди безработных муниципальных района.

Романовская порода овец оценивается очень положительно: это продуктивная порода, которая приносит потомство два раза в год (минимум два ягненка). Кроме того, эта порода отличается легким уходом и не требует большого количества пищи. Первые овцы были приобретены на деньги гранта, но далее проект должен был развиваться на основе самофинансирования. На начальном этапе были выбраны для участия в проекте 12 семей с безработными, пять из них получили овец. Другие семьи ожидали первых приплодов, чтобы тоже участвовать в проекте. К сожалению, это был небольшой проект, реализованный в течение одного года. Дальнейшего развития он не получил. Из выбранных для участия в проекте семей лишь некоторые продолжили заниматься разведением овец после его окончания. Низкие результаты проекта связаны главным образом с традиционной проблемой проектной деятельности — краткосрочностью. Часть овец умерли из-за неумелого ухода, что связано с недостаточностью консультационных услуг. Продолжение проекта в течение хотя бы нескольких лет могло бы повысить профессиональную подготовку участников (безработных семей) и значительно улучшить результаты проекта.

Итак, фонд местного сообщества Нижегородской области является общественной организацией, которая выделяет гранты и поддерживает благотворительную деятельность. Он не зависит от других организаций, осуществляет свои собственные мероприятия в упомянутой выше области, часть из которых нацелены на развитие сельской местности.

Можно ли отнести представленную в этом проекте некоммерческую организацию «Партнерский совет» к сельскому гражданскому обществу? По территориальному признаку — нет. Фонд располагается в городе. По целевой аудитории — частично да, поскольку фонд реализует проекты и в сельской, и в городской местности, работает в интересах как сельского, так и городского населения. Но результаты работы в рамках представленных конкретных проектов показывают важность такой деятельности для конкретных сельских поселений, поскольку важным аспектом работы фондов является активизация местного населения, представителей различных секторов, формирование партнерских отношений и доверия между заинтересованными сторонами. Особенно это видно на примере реализации «Школы юного фермера». Именно такие результаты были получены в данном проекте. Местное сообщество, которое вначале достаточно негативно отнеслось к открытию приюта в деревне, стало активно принимать участие в его работе. В рамках «Школы юного фермера» объединили свои усилия представители разных секторов как на местном, так и на региональном уровне.

Идея фондов местных сообществ нашла свое распространение в России, и постепенно фонды стали создаваться не только в крупных городах, но и в районный и сельских центрах. Как видно на рис. 1, немногим более 35% фондов располагаются в сельской местности (на районном уровне или на уровне сельских поселений). Формированию сельских фондов местных сообществ способствовал также САФ России. В начале 2000-х годов этот фонд реализовал проект по развитию ФМС в российском селе. Результаты данного проекта показали, что на селе достижение ощутимых результатов происходит в гораздо более короткий срок, чем в условиях городской среды. Кроме того, устойчивость изменений, полученных в рамках проекта, также гораздо выше. При этом жители села запрашивают меньшие суммы для реализации своих идей, чем на это потребовалось бы средств из региональных и федеральных бюджетов. Связано это главным образом с минимальными административными расходами. В сельских проектах максимально используются местные ресурсы и добровольный труд жителей села: наиболее важные сельские проекты часто реализуются «всемирно», причем в работе принимают участие не только взрослые, но и дети и подростки (Аврорина, 2006: 9–10).

На разных территориях деятельность фондов различается, как различаются и местные проблемы. Серьезным ограничением для многих фондов выступает проблема привлечения ресурсов: на селе практически не осталось градообразующих (крупных) предприятий, которые могли бы быть донорами, а малый бизнес зачастую финансово неустойчив. Хотя, конечно, малый бизнес во многих кейсах часто помогает в реализации социально значимых проектов в силу своих возможностей.

В качестве примера фонда районного уровня можно привести Благотворительный фонд развития Сорокинского района Тюменской области, созданный для поддержки гражданских инициатив, направленных на решение социальных проблем территории. Основными задачами фонда являются:

- развитие гражданской активности населения;
- продвижение технологий социального партнерства;
- развитие социальной активности бизнеса;
- оказание услуг по разработке и реализации корпоративных благотворительных программ (Годовой отчет, 2012).

Фонд реализует грантовые программы, но его финансовое состояние нестабильно. Так, например, в 2011 году был проведен конкурс молодежных инициатив «Дорогою добра», в котором было поддержано восемь проектов на общую сумму 78 тыс. руб., то есть в среднем чуть меньше 10 тыс. руб. на проект. В 2012 году конкурс «Мо-

лодежные инициативы» поддержал только три проекта на общую сумму 10 тыс. руб.

В качестве примера сельского фонда можно привести Некоммерческий фонд местного сообщества Майминского сельского поселения «Перспектива» (Республика Алтай, село Майма). Основная деятельность фонда — различные благотворительные акции (например, участие в благотворительном концерте по сбору средств для больного ребенка на лечение за рубежом), музыкальные, спортивные конкурсы и мероприятия для детей и взрослых, а также небольшие акции в помощь нуждающимся. В 2013 году была реализована программа «Наши дети» на средства местных предпринимателей: 18 детей из малообеспеченных и многодетных семей смогли исполнить свои заветные желания (Отчет, 2013).

Кроме того, фонд принимает участие в различных семинарах по развитию благотворительности, организуемых САФ и «Партнерством ФМС». Участие в такого рода семинарах поддерживает интерес к гражданским инициативам, благотворительной деятельности, расширяет границы развития благотворительности. Происходит более четкое осознание своего участия в деле развития благотворительности, понимание того, ради чего участники проектов, благотворительных акций безвозмездно тратят свое время, используют свой талант. Кроме того, для них это выход на новую сцену, развитие собственного потенциала (Отчет, 2013).

Работа данного сельского фонда больше по своей деятельности похожа на клуб, который предоставляет культурно-досуговые услуги населению, но, как уже говорилось выше, деятельность фондов сильно разнится, как разнятся и проблемы, и нужны территорий.

Таким образом, ФМС создаются и существуют как на городских, так и сельских территориях, а также на районном и региональном уровне. Исходя из этого понятие «местное сообщество» может включать различные по величине географические пространства — от маленького села до крупного региона. Задача фондов — объединение ресурсов территории для решения проблем местного сообщества, повышения качества жизни населения. Это могут быть не только финансовые ресурсы, но и человеческие, социальные и т. д. Финансирование фондов складывается из пожертвований, благотворительной деятельности различных заинтересованных сторон, поступлений от органов власти, а также за счет участия в российских и зарубежных грантовых конкурсах. Как видно из вышеуказанных примеров, не только финансовая составляющая важна для реализации идеи ФМС. Добровольческий труд, вложенные собственные силы и время также являются важной составляющей в реализации социально значимых проектов.

Сельская целевая аудитория, ее вовлеченность в реализацию проекта, география проекта (сельские территории) и результаты проекта для местного сообщества и других заинтересованных сторон — критерии, по которым можно судить о гражданской активно-

сти и формировании гражданского общества на селе. В связи с тем что гражданское общество в России достаточно слабое, находится на стадии развития, для многих регионов, особенно для сельских районов, фонды местных сообществ и подобного рода организации являются чуть ли не единственным инструментом развития территорий и поддержки инициатив местных жителей, формирования гражданского общества и некоммерческого сектора. Важность деятельности фондов возрастает и в связи со слабостью, дотационностью многих местных бюджетов.

### Сельские консультационные центры

На муниципальном уровне существуют различные организации, так или иначе вовлеченные в развитие села. В середине 1990-х годов Британским фондом ноу-хау в той же Нижегородской области реализовывался проект «Сельские консультационные центры», в рамках которого были созданы первые три сельских консультационных центра для обеспечения консультационными услугами сельское население. Когда проект закончился, еще три центра были созданы уже с финансированием из регионального бюджета. Семеновский сельский консультационный центр был создан в 1998 году как государственное унитарное предприятие. В 2000 году все шесть сельских центров были объединены в единую Нижегородскую консультационную службу АПК. Новая структура получила статус фонда. В 2000 году встал вопрос об объединении государственных и проектных консультационных центров в рамках единого проекта. Государственное унитарное предприятие финансировалось недостаточно, зарплаты были очень маленькими, было много проблем, к тому же встал вопрос о самостоятельности. Как говорят его сотрудники,

в государственном предприятии администрация довлеет над нами и ставит свои условия. Встал вопрос, как организации развиваться, чтобы можно было и проекты привлекать, и с государством работать. Поэтому были исследованы разные формы: государственное учреждение, государственное предприятие, некоммерческое партнерство... И все-таки пришли к выводу, что фонд — некоммерческая организация — одна из наиболее приемлемых форм деятельности.

Таким образом, в апреле 2000 года был создан фонд «Нижегородская консультационная служба агропромышленного комплекса».

Сельский консультационный центр был очень важной составляющей сельского развития своего района. Большинство респондентов высказывались очень положительно о деятельности центра: «Мы часто пользуемся услугами центра. Они помогают нам по всем вопросам». Персонал центра состоял из специалистов различного профиля: зоотехника, агронома, бухгалтера, экономиста и юриста. Практически все респонденты знали о существовании центра, его

деятельности, предоставляемых услугах. По мнению местного населения, центр действительно играл ключевую роль в развитии сельских территорий района.

В конце 2000-х годов консультационная служба опять претерпела изменения. На основе фонда было создано государственное учреждение «Инновационно-консультационный центр агропромышленного комплекса Нижегородской области», учредителем которого выступило Министерство сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области. На данный момент эта организация существует в форме государственного бюджетного учреждения «Инновационно-консультационный центр агропромышленного комплекса» и оказывает услуги на безвозмездной основе в рамках утвержденного государственного задания.

Таким образом, сельские консультационные центры, изначально созданные в рамках проектной деятельности как некоммерческие организации, продолжили свое существование уже в статусе государственных учреждений. Возможно, для такого типа деятельности государственная финансовая поддержка важнее, чем самостоятельность и независимость, и переход в форму государственного учреждения вполне оправдан.

### Общественные организации на селе

Продолжают советские традиции гражданской активности на селе различные зарегистрированные и незарегистрированные организации: женские, спортивные, детские, ветеранские клубы, хоры, танцевальные коллективы и т. д. Часть этих клубов действует в статусе бюджетных организаций, например детские танцевальные коллективы, художественные школы, спортивные секции и т. д. Но часть (сложно сказать какая) функционирует независимо от государства, без финансирования, лишь на собственном интересе и собственной инициативе.

Очень часто сельские женские клубы играют наиболее важную роль в местном сообществе. В 2000-х годах в Олонецком районе Республики Карелии насчитывалось 17 женских клубов, часть из которых действует и в настоящее время. Они активно участвуют в организации социально-культурных мероприятий на своих территориях. Например, одним из клубов были организованы ремесленные курсы для безработных.

На селе не хватает рабочих мест, поэтому наша главная задача на сегодняшний день — узнать, как можно заработать деньги и научить других, как это сделать. Мы надеемся, что люди будут следовать за нами (*интервью с участницей женского клуба*).

Они организуют фестивали, лекции, бесплатные обеды для бедных людей, помогают детям, то есть пытаются решить наиболее острые местные проблемы.

Есть много проблем в нашей деревне: нет воды в скважинах, баня не работает в последнее время, молодежь уходит. Мы хотим участвовать в решении этих проблем. Мы хотим, чтобы жизнь в деревне улучшилась (*интервью с участницей женского клуба*).

Проблемы, с которыми женщины-активисты имеют дело, очень разнообразны. В рамках карельских женских форумов обсуждались следующие темы: законодательство по вопросам развития сельских районов, сельская семья, роль женщин в социально-экономическом развитии сельских районов, труд и безработица в сельской местности, социальные проблемы деревенской жизни, профилактические меры по борьбе с алкоголизмом, нарушения закона в сельской местности. И местные женские клубы реально принимают участие в их решении на локальном уровне.

На федеральном уровне существует Союз женщин России. На региональных — союзы женщин регионов, например Союз женщин Карелии. Вроде это звенья одной цепи, но на самом деле сельские женские клубы и группы практически ни с кем не связаны, работают самостоятельно, ищут помощи в основном у местного бизнеса, местной власти. Самые активные подают заявки в различные фонды и на грантовые конкурсы.

То же самое происходит и в спортивной сфере. Волейбольный клуб «Олония» (Олонецкий район, Республика Карелия) является членом общественной организации Всероссийской федерации волейбола. Клуб «создан для всех, кто увлекается, любит и болеет волейболом» (цитата из сети «ВКонтакте»). Клуб проводит местные тренировки, соревнуется с клубами соседних районов. Связь с Общероссийской федерацией волейбола не прослеживается.

Наиболее явную связь между местными и общероссийским уровнями можно обнаружить на примере Союза пенсионеров и Союза ветеранов, о которых уже говорилось выше. Местные организации очень активно участвуют в жизни сел, деревень, малых городов. Хотя они имеют поддержку от вышестоящих организаций, но, несмотря на это, местный уровень все равно менее вовлечен в иерархию этих организаций. Более плотные контакты существуют между общероссийской организацией и ее региональными подразделениями.

В отличие от женских организаций, которые свою деятельность не ограничивают одной целевой группой, заботятся в целом о благосостоянии всех жителей села, организации пенсионеров и ветеранов имеют четкую целевую аудиторию.

Таким образом, с одной стороны, это самостоятельные маленькие ячейки гражданского общества, расположенные в конкретных городах и селах, с другой — крупные общероссийские организации, объединяющие огромную сеть малых ячеек.



СОВРЕМЕННОСТЬ

Таких организаций на селе действительно очень мало. В качестве примера можно привести сельскую общественную организацию «Живая деревня» села Коткозеро Олонецкого района Республики Карелии, зарегистрированную в 2002 году. Данной организации уже 14 лет, но группа активистов села Коткозеро начала реализовывать первые проекты уже в 1992 году — это была сельская школа для взрослых. У многих тогда возникали вопросы, чему и зачем учить взрослых, чему можно научить деревенского мужика — он и сам вас всему научит. Было много явных пессимистов, которые не верили и даже смеялись над идеей. Курсы по обучению взрослых были организованы в 1992–1993 годах. Финский язык, сельское хозяйство, кулинария, благоустройство территории — вот их первые темы. Проводились они на базе Коткозерской школы при помощи зарубежных партнеров из Финляндии и других российских организаций. В 1997 году была создана республиканская организация «Свободное образование», филиалы которой располагались в разных населенных пунктах Олонецкого района, в том числе и в селе Коткозеро. К концу первого года в четырех филиалах школы прошли обучение более 300 человек, количество заявок на новые курсы росло с каждым днем. В 2000 году деятельность организации переходит границы своего муниципального района — обучение проводится в сельских поселениях соседних районов. К 2002 году инициативная группа села Коткозеро приобрела достаточно опыта, чтобы организовать собственную общественную организацию, деятельность которой направлена не только на образование, но и в целом на развитие села.

Параллельно с деятельностью по образованию для взрослых шла работа и в рамках сельской школы села Коткозеро. В начале 1990-х годов резко обострилась криминальная обстановка среди молодежи, работы на селе уже тогда было мало, так как местные предприятия из-за кризиса не могли предоставить рабочие места для молодежи. Тогда и возникла идея создания сельскохозяйственной школы на селе, целью которой было обучение подростков сельскохозяйственным профессиям на месте, без выезда в город. И в том же 1992 году открылась первая группа для молодых людей по профессии «сельскохозяйственный рабочий», специальностям «тракторист-машинист», «водитель автомобиля», «слесарь по ремонту автотракторной техники». На следующий год открыли группу и для девушек по профессии «хозяйка усадьбы» со специальностями «плодоовощевод», «повар», «оператор машинного доения». Еще до формирования сельской общественной организации активисты села затронули вопросы развития гражданской активности населения, развития так называемого гражданского образования. В рамках «Живой деревни» реализовались и продолжают реализовываться различные проекты. Организация активно уча-

ствуем в российских и зарубежных грантовых конкурсах. Например, в рамках программы «Активное поколение» Фонда Тимченко «Живая деревня» получала финансирование на реализацию своих проектов несколько лет подряд.

На селе также действует множество инициативных групп, которые реализуют свои идеи в рамках небольших проектов при финансовой поддержке или без нее. Часто в качестве инициаторов выступают сельские клубы, сельские школы или просто группа инициативных людей.

## Заключение

Есть несколько разновидностей гражданского общества в России. Первое из них было создано при поддержке государства. Этот тип гражданского общества молод, имеет очень короткую историю, так как появился за последние 15–20 лет, и его С. Воробьев (Воробьев, 2009) рассматривает как подлинное, направленное на служение государству. Примерами этого типа могут служить Общественная палата Российской Федерации, АККОР и некоторые другие формальные и профессиональные организации. АККОР предпринимает попытки политического влияния, имеет тесные связи с государственными органами. Но даже имея большое количество членов, у организации очень слабые связи на местном уровне. Мнения об этой организации, озвученные на веб-форумах, либо нейтральные, либо отрицательные.

ИМХО — это какая-то государственная организация. Цели и задачи этой организации для меня не ясны, хотя я пытался понять их, читая материалы. Я не увидел результатов деятельности организации в моем регионе. У нас есть региональное отделение, но я не знаю, что они там делают. Я никогда не обращался к ним (*фермер-селекционер, птицевод с форума fermer.ru*).

Такие организации напоминают песочные часы Либоракиной: связь между верхней (федеральным уровнем) и нижней частями (рядовыми членами) весьма ограничена.

Другой тип гражданского общества был перенесен с Запада, он пришел в Россию во времена перестройки и сразу после нее. Фонды местного сообщества — классический пример. Подобные организации — это гражданское общество по Токвилю, они не зависят от государства и представляют собой своего рода противовес государственной власти, а также бизнесу. Некоторые из них политически нейтральны, другие — нет. Например, политические партии также принадлежат к этому типу гражданского общества.

Третий тип гражданского общества представляет собой организации советского наследия. Они имеют долгую историю и являются

частью «официальной и формальной» структуры государства и общества. Они также существовали и в качестве неформальной части в рамках структуры «государство — общество» (так называемая кухонная демократия). В настоящее время на селе они, как правило, представлены различными зарегистрированными и незарегистрированными неформальными социальными группами с неполитической ориентации. К ним относятся различные клубы и советы (женские клубы и группы, клубы ветеранов, спортивные, молодежные клубы и т. д.). Они действуют как проблемно-ориентированные НКО и чаще всего ориентированы на определенную целевую аудиторию, имеют тесные связи с местным населением, хорошо осведомлены о местных потребностях и проблемах, активно помогают в их решении. Партнерские отношения очень хорошо развиты на этом уровне. Такие организации, как правило, более или менее независимы, но поддерживают тесную связь с местными администрациями. Их контакты основаны на двух основных факторах — географической близости и исторических традициях. Муниципальные власти обычно выделяют помещения для общественных организаций, те, в свою очередь, помогают благоустраивать территорию, организовывать деревенские мероприятия и т. д. Взаимная помощь, взаимозависимость и сотрудничество являются основными характеристиками таких отношений. Все эти клубы и советы существовали почти на протяжении всей советской истории, но их роль в качестве политической силы была в советское время очень ограничена. Политическая роль сельских клубов разной направленности по-прежнему сильно ограничена, но они предлагают полезные услуги для всего сельского сообщества.

В целом роль организаций нижнего уровня не сильно изменилась с советских времен. Они все еще работают для удовлетворения местных потребностей, политически неактивны и объединяют определенные социальные группы (женщин, инвалидов, ветеранов и т. д.). Главное изменение, на наш взгляд, это появившаяся независимость от вышестоящих инстанций. Теперь практически нет партийного контроля, отношения с местными органами власти больше похожи на партнерские, чем на отношения в рамках иерархической структуры. Виды деятельности определяются местными активистами и членами клубов самостоятельно, а не диктуются сверху. Но в любом случае у них нет всеобъемлющей свободы/независимости, так как большинство таких организаций не зарегистрированы, не имеют своего бюджета и финансово зависят от разного рода организаций (муниципальной власти, грантодателей, спонсоров и т. д.).

Так что же такое сельское гражданское общество? Как уже было сказано выше, география не является единственным критерием для определения, важна целевая аудитория. Иными словами, НКО могут считаться сельскими, если они обслуживают сельское население. Однако не превращаются ли они тогда в агентов сферы обслуживания, а не гражданского общества? Целевая аудито-

рия может служить критерием выделения сельского гражданского общества при условии, что само сельское население принимает активное участие в деятельности организации, даже если она находится на федеральном уровне. Гражданская активность сельского населения — вот один из важнейших критериев для определения сельского гражданского общества. Понимание сельского гражданского общества должно выходить за рамки только зарегистрированных организаций и включать в себя различные виды социальной активности населения.

Возвращаясь к метафоре песочных часов, мы бы сказали, что сельские общественные организации в России можно разделить на две группы: в верхней части песочных часов находятся организации, которые оказывают политическое влияние, отстаивают интересы сельского населения, в то время как в нижней части часов обитают те, кто участвует в предоставлении услуг населению, улучшает благосостояние жителей, работает на благо местного сообщества, вовлекая его в решение местных проблем. Но, к сожалению, контакты между этими двумя типами сельских организаций ограничены, а основные принципы гражданского общества разделены между различными уровнями и типами сельских НКО.

## Библиография

- Аврорина Л. (2006). Фонды местных сообществ — инструменты развития гражданской активности населения. М. С. 9–10. <http://www.sam-online.ru/files/blocks/worldbank.pdf>
- Бондарь А., Динес В. (2008). Об особенностях исследования гражданского общества в России // Власть. № 12. С. 1–7.
- Будов А. (2009). Институциональная сфера гражданского общества // Власть. № 7. С. 25–27.
- Воробьев С. (2009). Гражданское общество и модернизация России // Власть. № 5. С. 18–21. <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/05/Gragdanskoe%20obschestvo.pdf>
- Годовой отчет Благотворительного фонда развития Сорокинского района Тюменской области (2012) // Знамя труда. № 49 (8814).
- Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России (2006) // Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН.
- Либоракина М., Флямер М., Якимец В. (1996). Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России. М.: Школа культурной политики.
- Медведев Д. А. (2008). Выступление на гражданском форуме 22 января 2008 г. // Официальный сайт Дмитрия Медведева.
- Мерсиянова И. В. (2010). Российский третий сектор: основные характеристики и условия деятельности. [http://www.portal-nko.ru/biblio/\\_book/?id=366](http://www.portal-nko.ru/biblio/_book/?id=366)
- Местная филантропия национального значения. Фонды местных сообществ в России (2014). М.: САФ Россия.
- Никулин А. (1999). Жизнь неформальная, очень даже правильная // Первое сентября. № 44.
- Отчет некоммерческого Фонда местного сообщества Майминского сельского поселения «Перспектива» за 2013 год.

- Поздняков Э. (2006). Российское гражданское общество. Иллюзии и реальность // Политический класс. № 22.
- Решение XXVII Съезда АККОР (2016). О работе руководящих органов АККОР за период с 12.02.2015 по 11.02.2016.
- Санович С. В. (2009). Консолидация гражданского общества в переходной России. Препринт WP 10/2009/03, серия WP 10. Научные доклады лаборатории институционального анализа. М.: ГУ — ВШЭ.
- Шмидт Д. (2006). Какое гражданское общество существует в России // Pro et Contra. № 1 (31).
- Яшин И. (2007). Есть ли в России гражданское общество? Radio «Эхо Москвы». 11 февр. *Anheier H., Glasius M., Kaldor M. Introducing Global Civil Society (2001)* // *Global Civil Society. Yearbook* / ed. by H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor. P. 3–22.
- Fish M. S. (1995). *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Hann C. (1996). Introduction: Political Society and Civil Anthropology // *Civil society: Challenging Western Models* / eds. C. Hann, E. Dunn. Routledge. N. Y., L. P. 1–26.
- Hann C. (2002). Farewell to the Socialist Order // *Postsocialism. Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia* / ed. by C. Hann. N. Y., L.: Routledge. P. 1–11.
- Henry L. A., McIntosh Sundstrom L. (2006). Defining Civil Society // *Russian Civil Society. A critical Assessment* / eds. A. B. Evans, L. A. Henry, L. McIntosh Sundstrom. M. E. Sharpe. P. 323–326.
- Linz J., Stepan A. (1996). *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Purdue D. (2007). Introduction. Dimensionsofcivilsociety // *Civil societies and Social Movements. Potentials and problems* / ed. by D. Purdue. Routledge/ECPR Studies in European Political Science. P. 1–16.
- Salamon L. M., Anheier H. K. (1996). Social origin of civil society: explaining the nonprofit sector cross-nationally // *Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project*. The Johns Hopkins University, Institute for Policy Studies. <http://www.ccss.jhu.edu/pdfs/Publications/origins.pdf> (09.07.2010)
- Salmenniemi S. (2007). Civic organizations and the state in Putin's Russia. Co-operation, co-optation, confrontation // *Civil societies and Social Movements. Potentials and problems*. Routledge/ECPR Studies in European Political Science. P. 19–34.
- Wegren S. (2006). *Civil Society in Rural Russia* // *Russian Civil Society. A critical Assessment*. M. E. Sharpe. P. 126–146.
- Woods M. (1998). Advocating Rurality? The Repositioning of Rural Local Government // *Journal of Rural Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 13–26.

### **Civil society and civic engagement in rural Russia**

*Inna Kopoteva*, PhD (Geography), Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119571. E-mail: inna.kopoteva@gmail.com

The article considers various approaches to the concept “civil society” (designed to serve the state, and therefore created on state initiative and with its support; a classical type of opposition to the government and business; Soviet-type organizations, a part of official and formal structures of the state and society), and discusses the possibilities to apply this concept to contemporary Russia. Although some scientists raise the question of whether or not there is a civil society in Russia, the author is interested in finding answers to other questions: what kind of civil society exists in Russia? Is there a rural civil society? If the answer to the last question is positive, then what are the in-

dicators of civil society—geography, target audience, registered social activity? The article considers examples of registered and unregistered public, non-profit organizations of different levels (federal level, e. g. ACCOR, and local level—e. g. women's, sports and other clubs, veterans' councils, action groups). The author discusses the criteria by which public organizations and initiative groups can be attributed to the rural civil society, and identifies two types of rural social organizations—the first possess political influence, the second focus on solving local problems by the local community members.

**Key words:** civil society; state; civil participation; Russian society; rural communities; local initiatives; non-profit and non-governmental organizations.

## References

- Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (2001) Introducing Global Civil Society. *Global Civil Society. Yearbook*. H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor (eds.).
- Avrorina L. (2006) *Fondy mestnykh soobshhestv—instrumenty razvitiya grazhdanskoj aktivnosti naseleniya* [Local Communities Funds—A Toll for the Development of Population Civil Activity]. Moscow.
- Bondar' A., Dines V. (2008) Ob osobennostyakh issledovaniya grazhdanskogo obshhestva v Rossii [On the Specifics of Russian Civil Society Research]. *Vlast'*, no 12.
- Budov A. (2009) Institucional'naya sfera grazhdanskogo obshhestva [Institutional Aspects of Civil Society]. *Vlast'*, no 7.
- Vorob'ev S. (2009) Grazhdanskoe obshhestvo i modernizatsiya Rossii [Civil Society and Modernization of Russia]. *Vlast'*, no 5.
- Fish M. S. (1995) *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Godovoj otchet Blagotvoritel'nogo fonda razvitiya Sorokinskogo rajona Tyumenskoj oblasti [Annual Report of the Charity Foundation of the Sorokin District of the Tyumen Region] (2012) *Znamya truda*, no 49 ot 20 iyunya.
- Hann C. (1996) Introduction: Political Society and Civil Anthropology. *Civil Society: Challenging Western Models*. C. Hann, E. Dunn (eds.). N.Y.—L.: Routledge.
- Hann C. (2002) Farewell to the Socialist "Order. *Postsocialism. Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia*. C. Hann (ed.). N.Y.—L.: Routledge.
- Henry L. A., McIntosh Sundstrom L. (2006) Defining Civil Society. *Russian Civil Society. A Critical Assessment*. A. B. Evans, L. A. Henry, L. McIntosh Sundstrom (eds.). M. E. Sharpe.
- Dinamika razvitiya i tekushhee sostoyanie sektora NKO v Rossii* (2006) [Dynamics of the Development and the Current State of NGO-Sector in Russia]. Analiticheskij obzor po rezul'tatam analiza gosudarstvennoj statistiki, baz dannykh NKO i oprosov obshhestvennogo mneniya. Moscow: Issledovatel'skaya gruppa ZIRKON.
- Liborakina M., Flyamer M., YAkimets V. (1996) *Sotsial'noe partnerstvo. Zametki o formirovani grahdanskogo obshhestva v Rossii* [Social Partnership. Notes on the Development of Civil Society in Russia]. Moscow: Shkola kul'turnoj politiki.
- Linz J., Stepan A. (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Medvedev D. (2008) *Vystuplenie na grazhdanskom forume 22 yanvarya 2008 g.* [Speech at the Civil Forum on January 22, 2008]. Ofitsial'nyj sajt Dmitriya Medvedeva.
- Mersyanova I. (2010) *Rossijskij tretij sektor: osnovnye kharakteristiki i usloviya deyatelnosti* [Russian Third Sector: Basic Features and Working Conditions]. URL: [http://www.portal-nko.ru/biblio/\\_book/?id=366](http://www.portal-nko.ru/biblio/_book/?id=366).
- Mestnaya filantropiya natsional'nogo znacheniya. Fondy mestnykh soobshhestv v Rossii* (2014) [Local Philanthropy of National Importance. Local Communities Funds in Russia]. Moscow: CAF Rossiya.

- Otchet nekommercheskogo Fonda mestnogo soobshhestva Majminskogo sel'skogo posele-niya «Perspektiva» za 2013 god* [Report of Non-Profit Local Community Foundation of Majminskoe Rural Settlement "Perspective" for 2013].
- Pozdnyakov E. (2006) Rossijskoe grazhdanskoe obshhestvo. Illyuzii i real'nost' [Russian Civil Society. Illusions and Reality]. *Politicheskij klass*, no 22.
- Purdue D. (2007) Introduction. Dimensions of Civil Society. *Civil Societies and Social Move-ments. Potentials and Problems*. Routledge/ECPR Studies in European Political Science.
- Reshenie XXVII S'ezda AKKOR* [Decision of the XXVII Congress of AKKOR] (2016). 12 fevralya 2016 g. O rabote rukovodyashhikh organov AKKOR za period s 12.02.2015 g. po 11.02.2016 g.
- Salamon L. M., Anheier H. K. (1996) Social Origin of Civil Society: Explaining the Nonprof-it Sector Cross-Nationally. *Working Papers of The Johns Hopkins Comparative Non-profit Sector Project*. Johns Hopkins University, Institute for Policy Studies. URL: <http://www.ccss.jhu.edu/pdfs/Publications/origins.pdf>.
- Salmenniemi S. (2007) Civic Organizations and the State in Putin's Russia. Co-operation, Co-optation, Confrontation. *Civil Societies and Social Movements. Potentials and Problems*. Routledge/ECPR Studies in European Political Science.
- Sanovich S. V. (2009) *Konsolidatsiya grazhdanskogo obshhestva v perekhodnoj Rossii* [Con-solidation of Civil Society in Transitional Russia]. Preprint WP 10/2009/03. Seriya WP 10. Nauchnye doklady laboratorii institutsional'nogo analiza. Moscow: HSE.
- Schmidt D. (2006) Kakoe grazhdanskoe obshhestvo sushhestvuet v Rossii [What Kind of Civil Society Has Developed in Russia]. *Pro et Contra*, no 1.
- Wegren S. (2006) Civil Society in Rural Russia. *Russian Civil Society. A Critical Assessment*. M. E. Sharpe.
- Woods M. (1998) Advocating Rurality? The Repositioning of Rural Local Government. *Jour-nal of Rural Studies*, vol. 14, no. 1.
- Yashin I. (2007) *Est' li v Rossii grazhdanskoe obshhestvo?* [Is There a Civil Society in Rus-sia?]. Radio "Ekho Moskvy", 11 fevralya.

**«...Дело все кончится тем,  
что я предпочту Саратов...»**  
(Публикация писем Н. И. Вавилова)

**Т. А. Савинова**

Т. А. Савинова  
«...Дело все  
кончится тем,  
что я предпочту  
Саратов...»

*Татьяна Александровна Савинова*, кандидат экономических наук, главный специалист отдела личных фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ). 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17.  
E-mail: savinova30@yandex.ru

Публикация вводит в научный оборот два письма Николая Ивановича Вавилова Николаю Павловичу Макарову, проясняющие эпизод его биографии, связанный с выбором места преподавательской и научной работы в 1917 году.

*Ключевые слова:* история сельскохозяйственных наук; Н. И. Вавилов; Н. П. Макаров; И. В. Якушкин; письма; биографическая реконструкция.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-167-170

**Предисловие публикатора**

Письма Николая Ивановича Вавилова (1887–1943) адресованы Николаю Павловичу Макарову (1886–1980) — экономисту-аграрнику и бывшему зятю (мужу его младшей сестры Лидии Ивановны, умершей в 1914 году). Они относятся к 1917 году, когда Вавилов определялся с будущим местом работы. Биографы свидетельствуют, что молодой, подающий большие надежды ученый был приглашен преподавателем сразу в два высших учебных заведения — Воронежский сельскохозяйственный институт Императора Петра I и Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы. Судя по письмам, все было не так просто и однозначно.

Н. П. Макаров в период 1915–1918 годов занимал кафедру политэкономии и статистики Воронежского сельскохозяйственного института. Летом 1917 года, когда было написано второе письмо, он работал в Петрограде в Главном земельном комитете Министерства земледелия и занимался разработкой аграрной реформы.

Упомянутый в письмах конкурент Н. И. Вавилова Иван Вячеславович Якушкин (1885–1960) сделал блестящую карьеру от уездного агронома Полтавской губернии до академика ВАСХНИЛ. Правнук декабриста И. Д. Якушкина (1793–1857), он после окончания Московского сельскохозяйственного института (МСХИ) в 1909 году и работы на периферии в 1914–1917 годы уже ассистент кафедры частного земледелия МСХИ. В 1917–1920 годы и 1922–1932 годы — профессор, заведующий кафедрой растениеводства, декан агрономического факультета, проректор



по учебной работе Воронежского сельскохозяйственного института (ВСХИ); в 1922–1932 годы — директор Рамонской опытно-селекционной станции Главсахара (Воронежская область); в 1932–1957 годы — профессор, заведующий кафедрой растениеводства МСХА им. К. А. Тимирязева.

После ареста Вавилова Якушкину было суждено сыграть весьма нелицеприятную роль в его деле. Он являлся одним из членов экспертной комиссии, созданной НКВД СССР для оценки научной и административной деятельности Николая Ивановича. Заключение комиссии было основано на обследовании работы Всесоюзного института растениеводства (ВИР) и его опытных станций. Практически в каждом пункте документа говорилось об отрыве работы подразделения и всего учреждения, руководимого Вавиловым, от решения практических задач подъема социалистического сельского хозяйства. Мнение о том, что «Вавилов и близкие ему ученые... стояли на позициях формальной генетики... и отрывали науку от производственных задач...», не верили в преимущества колхозного строя, было высказано Якушкиным и на допросе в МГБ СССР 3 декабря 1954 года, куда он был вызван в качестве свидетеля в связи с пересмотром дела Вавилова. Позднее Якушкин признал, что из страха перед репрессиями им было подписано заранее составленное заключение.

Копии публикуемых писем находятся в личном фонде экономиста Н. П. Макарова в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ. Ф. 766), подлинники предположительно в семье Макаровых. Копии документов из архива ФСБ, связанные с участием Якушкина в деле Вавилова, получены Ю. Н. Вавиловым и находятся в личном фонде Н. И. Вавилова в РГАЭ (Ф. 1056).

23/1 [1917]

Дорогой Николай Павлович!

Спасибо за письмо, а то меня неизвестность начала выводить немного из равновесия. Вчера получил извещение от И. В. Якушкина, что он изменил решение, получив поощрительное письмо из Воронежа, и выставил свою кандидатуру. Ему очень хочется в Воронеж и, по его словам, для него важен даже малый шанс. У меня первое время было сомнение — не сойти ли с дороги, но все же решил этого не делать. Какие мы с ним конкуренты. Я не читал его работ, он — моих. Я ничего не смыслю в работах Прянишниковской лаборатории. Частным земледелием там ведь не занимаются. Они тоже имеют очень малые сведения о том, что меня занимает. Вопрос в том, как понимать частное земледелие и задания кафедры. Это дело воронежцев. Если даже останутся на Якушкине, я не буду в большом огорчении. Только пусть в другое время будут поосторожнее с их приглашениями.

Что и как у Вас, черкните. Если уж так им надо посадить на кафедру непременно агронома и вовсе не «селекционера» и пригласили они последнего по недоразумению, я, м[ожет]б[ыть], и сам откажусь...

*РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 126. Л. 4. Копия*

20/VI [1917]

Дорогой Николай Павлович!

Собираюсь сообщить вот уже целую неделю Вам воронежские новости, если Вы их еще не знаете, но было очень некогда. Непосредственно я еще не получил никакого уведомления, хотя недели 4 тому назад послал Глинке<sup>1</sup> письмо с просьбой ответить, когда истекает срок конкурса (из Саратова имел в это время предложение от курсов). Но 13/VI И. В. Якушкин передал мне содержание телеграммы, полученной им от Ярилова. Выбран штатным адъюнктом на кафедру Якушкин, я избран тоже, но для 3-ей временной сверхштатной кафедры земледелия, об учреждении которой постановлено ходатайствовать<sup>2</sup>. Имелась ли в виду кафедра селекции или чего-нибудь в этом роде, ни я, ни Якушкин пока не знаем. Жду официального уведомления, но воронежцы по обыкновению не спешат.

В нормальных условиях раздел кафедры частного земледелия на две я считал бы весьма целесообразным и для себя весьма удобным. И даже, казалось бы, по объекту мы с Якушкиным как раз соответствуем подразделению по направлению в работе. У него направление: учение о культуре, мое: самые растения (сортоведение, география культ[урных] растений, учение о сортоведении (селекция)), короче — агрономическая ботаника.

Но для меня неизвестно, что разумели воронежцы, и не просто ли дело сводится к почетному отказу одному из претендентов, тем более что открытие «сверхштатных кафедр» не по сезону. И почему бы прежде, чем решать вопрос о делении кафедр, не переговорить или не узнать мнение лиц, в этом заинтересованных.

Одним словом, я немного в недоумении. Тем более что и с Якушкиным мы, в сущности, имели столь мало общего, что совершенно попросту вряд ли сумеем договориться.

Для меня, напр[имер], довольно чуждо было собственно учение о культуре (удобр[ения], обработка, севообороты). И[вану] В[ячеславови]чу, наоборот, в качестве референта чужды интере-

1. Глинка Константин Дмитриевич (1867–1927) — почвовед, профессор и директор Воронежского сельскохозяйственного института Императора Петра I, действительный статский советник.

2. Подчеркнуто автором.

сы сортоведения. Так и здесь можно предвидеть некоторые трения. И трения уже начались отчасти при разговоре. Весьма вероятно, что дело все кончится тем, что я предпочту Саратов, куда на днях собираюсь писать директору и одному из знакомых преподавателей В. П. Бушинскому<sup>3</sup>. Воронежцы, в моем представлении, или совершенно разладились в академическом смысле, или слишком провинциальны.

Жаль, Вас не было там в эти дни. Ну, впрочем, это только, может быть, было к лучшему.

Я решил подождать до 1 июля извещения от Воронежа и после этого считать воронежские дела совершенно ликвидированными, тем более что Саратов очень радушен. Как Ваше мнение на сей предмет?

Если бы меня очень тянуло в Воронеж, я бы, конечно, сразу отправился сам туда, но, как Вам известно, этого нет. А нынешние ½ года волынки и совсем охладили мои симпатии к Воронежу.

Ваш Н. Вавилов.

Ждем Вас через несколько дней.

Мать шлет поклон.

*РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 126. ЛЛ. 10–12. Копия.*

### **“...The case will be over by me preferring Saratov...”**

*Tatyana Aleksandrovna Savinova*, PhD (Economics), Chief Researcher at the Personal Funds Department of the Russian State Archive of Economy, 17, Bol'shaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435. E-mail: savinova30@yandex.ru.

This publication introduces into the scientific discourse two letters of Nikolai Ivanovich Vavilov to Nikolai Pavlovich Makarov, which help to clarify one episode of his biography related to the choice of a place of teaching and scientific work in 1917.

*Key words:* history of agricultural sciences; N. I. Vavilov; N. P. Makarov; I. V. Yakushkin; letters; biographical reconstruction.

---

3. Бушинский Владимир Петрович (1885–1960) преподавал почвоведение на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах.

## **Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции)**

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России  
1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2014. — 608 с.  
ISBN 978-5-9710-1312-9

**И. А. Кузнецов**

*Игорь Анатольевич Кузнецов*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-171-179

Заметным событием для отечественной историографии 2014 года стал выход в свет большой монографии известных вологодских историков-аграрников М. А. Безнина и Т. М. Димони «Аграрный строй России 1930–1980-х годов». Книга обобщила многочисленные работы этих авторов 2000-х годов: цикл мини-монографий и статей, презентовавших взгляд на историю сельского хозяйства и аграрных преобразований в СССР с позиции теории «государственного капитализма»<sup>1</sup>. Более десятка лет специалисты и заинтересованные читатели могли следить за развертыванием их концепции «аграрного строя», после того как она была изложена в ряде выступлений уже в целостном виде<sup>2</sup>. Большая книга, думается, подводит черту

1. *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2010). Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2005). Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2009). Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2012). Пролетариат в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: ВГПУ; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2008). Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2012). Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: ВГПУ.
2. *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2003). Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2004). Аграрный строй России в 1930–1980-е гг. (Доклад на ученом совете Института российской истории РАН 18 марта 2004 г.) // Сборник науч-

под авторскими изысканиями в этом направлении и дает повод для осмысления результатов.

Книга структурно делится на две неравные части: первая — «Капитализация российской деревни» — занимает около четверти объема, вторая — «Социальные классы и социальные отношения» — почти втрое больше. Неравноценны они и качественно: вторая представляется значительно более интересной и содержательной. Однако именно первая образует теоретический фундамент авторской концепции, выстраивает определенные смыслы и тем самым привлекает основное внимание.

Авторскую концепцию «аграрного строя России» в период существования СССР можно изложить следующим образом. Развитие сельского хозяйства в XX веке Безнин и Димони представляют как модернизацию, по крайней мере оперируют этим термином. В основе модернизации они видят «капитализацию». Авторы выделяют различные пути (модели) этого процесса, испробованные страной до и после революции 1917 года. Тот путь, который «господствовал в России до конца 1920-х гг.», они квалифицируют как «кулацко-кооперативный», а тот, что пришел ему на смену, — как «колхозно-совхозный» (с. 21). В другом месте они уточняют, что до революции Россия испытала еще «прусский» и «американский» способы аграрного переустройства, но они не были реализованы: «Не реализовав ни „прусский“, ни „американский“ способы аграрного переустройства, Россия пошла, как всегда, своим путем аграрной модернизации — колхозно-совхозной капитализации» (с. 66б).

Авторы, с одной стороны, настаивают, что принципиальной разницы между процессами аграрного развития ни до революции, ни до коллективизации, ни после коллективизации не было: «По нашему мнению, принципиальная разница между господствовавшим в России до конца 1920-х гг. кулацко-кооперативным и восторжествовавшим позднее колхозно-совхозным путями аграрной модернизации отсутствовала» (с. 21). Однако в другом месте они все же выделяют рубеж — коллективизацию: «Ни столыпинская реформа, ни Октябрьская революция, ни НЭП не изменили принципиальных сторон российской сельской жизни. Настоящей революцией стали лишь сталинские аграрные преобразования...» (с. 66б). Тем не менее Безнин и Димони настаивают, что сущность аграрного развития не изменилась и после коллективизации. Она заключалась, по их мнению, в капитализации, и сталинские преобразования лишь придали этому процессу новый импульс, ускорили «первоначальное накопление капитала». Коллективизацию они поэтому именуют капиталистической революцией сверху (с. 87).

---

ных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). Вологда: Русь. С. 4–13.

Здесь заметно противоречие, по-видимому не осознанное авторами: с одной стороны, сталинские преобразования называются настоящей революцией, с другой стороны, принципиальная разница между развитием до этой революции и после нее отсутствовала. Чем же тогда измеряется масштаб революций? С одной стороны, они декларируют, что «разрыв традиций и подходов в изучении аграрной истории России гранью 1920–1930-х годов совершенно неприемлем с точки зрения теоретической и конкретно-исторической характеристик процесса» (с. 39). И в то же время констатируют, что именно на рубеже этих годов возникла «новая система социальных отношений, пришедшая на смену патриархально-общинным порядкам» (с. 11). Но если возникла «новая система социальных отношений», наверное, все-таки здесь была перейдена некая историческая грань? Думается, отношение к «сталинским преобразованиям» в авторской концепции нуждается в уточнении.

Другую историческую грань авторы проводят по 1960-м годам — она отделяет период «раннего» госкапитализма от «зрелого». Этим рубежом они датируют и завершение процесса раскрестьянивания, на смену которому окончательно пришла новая классовая структура деревни.

Анализу социальной структуры посвящен второй раздел монографии. В отличие от социологов советского времени Безнин и Димони настаивают, что стратификация советского села носила характер именно классового расслоения, а не только имущественного или профессионального. «...На наш взгляд, — пишут авторы, — сформировались пять основных социальных классов: протобуржуазия (обладавшая наибольшими правами собственности на ресурсы — председатели колхозов, директора совхозов и МТС), менеджеры (управленцы и распорядители ресурсов — бригадиры, управляющие отделениями и др.), интеллектуалы (собственники знаний — агрономы, зоотехники, инженеры-механики и др.), рабочая аристократия (те, кто работал с техникой — основой капитализирующейся экономики, — трактористы, комбайнеры, шоферы и др.), сельский пролетариат (наиболее удаленные от собственности и власти „работники конно-ручного труда“» (с. 11). Таким образом, авторы взяли за основу стратификацию профессиональных групп, но старались выдерживать ортодоксальный марксистский подход к определению классов как страт, различающихся прежде всего по отношению к собственности на средства производства. Главы, посвященные конкретно-историческим характеристикам выделенных страт, как уже говорилось, весьма содержательны.

Ключевыми понятиями авторской концепции выступают «государственный капитализм», «капитал» и «капитализация». Их использование также свидетельствует прежде всего о стремлении работать в марксистской парадигме. Однако авторы нагружают их специфическим смыслом, который далеко не всегда разъясняется на страницах книги.

Государственным капитализмом они именуют социально-экономический строй Советского Союза, который прежде было принято называть социализмом. Слово «социализм» они отправляют в отставку на том основании, что оно «становится серьезным препятствием исследования аграрных экономических и социальных процессов» (с. 39). Однако каким образом термин «социализм» препятствует изучению истории СССР? Наши авторы указывают, что объяснить происходившие в России в 1990-х годах процессы приватизации и перехода к рынку можно, только если видеть их предпосылки, подспудно зревшие еще в советские годы. Это справедливо, но из того, что написано Безниным и Димони, совершенно непонятно, почему нельзя искать такие предпосылки, называя советскую экономику социалистической?

В историко-экономической литературе существует сильная исследовательская традиция, которая полагает основной предпосылкой трансформационного кризиса 1990-х годов именно крах социалистической модели экономики, произошедший в силу имманентно присущих ей базовых качеств. И понятие «социализм» ни в коей мере не является препятствием для работы исследователей в этой парадигме. Следовательно, понятие «социализм» становится препятствием для исследовательской работы не историков вообще, а лишь части из них, к которой, очевидно, причисляют себя Безнин и Димони. В таком случае хотелось бы видеть на страницах книги развернутую аргументацию позиции наших исследователей, обоснование выбора своей исследовательской парадигмы, их концептуального самоопределения. Пока же читателю приходится о многом лишь догадываться, и, наверное, не всегда такие догадки будут верны. Свои догадки, возникшие при чтении, я постараюсь аргументировать.

Теорию, рассматривающую советский социализм как государственный капитализм, развивали левые марксисты во второй половине XX века, разочарованные итогами социалистической революции и сталинской политикой. Самой известной работой в этой области была книга Т. Клиффа, на которую ссылаются и наши авторы. Однако если Т. Клифф и другие левые при помощи концепта государственного капитализма утверждали «реакционную природу» сталинского режима<sup>3</sup>, то Безнин и Димони скорее пытаются вписать экономическое развитие России в общий ход мировой экономической истории, как они его себе представляют. Насколько можно понять, государственный капитализм представляется им специфической формой того же капитализма, который был в XX веке и в западных странах. Они как бы хотят показать читателю, что СССР не выпал из мирового процесса, а шел в общем русле. И предпосылкой российского капитализма 1990-х годов был капитализм, ко-

3. *Клифф Т.* (1991). Государственный капитализм в России. Б.м.: Б.и. С. 153–155.

торый существовал и до этого, прикрываемый социалистической фразеологией.

Отношение к сталинизму вообще, как уже отмечено выше, сформулировано у авторов недостаточно ясно, но из контекста следует, что они склонны считать его скорее некоей объективной необходимостью. В качестве примера приведу две цитаты, относящиеся к характеристике сталинской экономической системы. «Лишь в начале создания колхозного строя, когда *необходимо* (здесь и далее курсив мой. — *И. К.*) было обеспечить перелом в соотношении укладов...» (с. 50), — пишут они, не рефлектируя по поводу того, для кого именно указанный перелом был *необходим*: для сталинского правительства, или для страны, или истории вообще? Возможно, авторы склонны отождествлять одно с другим. «*Необходимость* внеэкономического принуждения вытекала из характера отношений собственности...» (с. 39) — здесь уже необходимость явно подразумевается объективной. Стоит отметить, что в советской литературе, называвшей сталинские преобразования социалистическими, они точно так же провозглашались объективно необходимыми.

Категорию «капитал» Безнин и Димони трактуют очень просто, полностью отождествляя ее с понятиями «основные фонды» и «основные средства производства» (с. 26–30). Различия между двумя значениями слова «капитал» — капитал как фактор производства и капитал как общественное отношение — они, по-видимому, не понимают. Им кажется достаточным указать на то, что капитал в любом случае является овеществленным трудом. Это значительно упрощает им исследовательскую работу: если в СССР был капитал (а как его могло не быть, ведь труд-то был?), следовательно, должен быть и капитализм. Разумеется, они легко находят в советском сельском хозяйстве капитал всех видов — в форме построек, орудий труда, машин, удобрений, скота и прочего, после чего не считают нужным тратить время на доказательство капиталистического характера советской экономики. Поскольку же собственником этого капитала было государство, то и капитализм был государственным.

Аналогично они поступают и с понятием «капитализация». Под ним имеется в виду вовсе не рыночная стоимость акций компании, как кто-то может подумать, а процесс количественного роста основных средств производства, который наши авторы отождествляют с развитием капитализма. Мерой капитализации они считают удельный вес стоимости средств производства в стоимости сельскохозяйственной продукции или долю материальных затрат в издержках производства. Иными словами, пока живой труд количественно превалирует над основными средствами производства, сельское хозяйство не капиталистическое, когда соотношение меняется, оно начинает мыслиться как капиталистическое.

Развитие понимаемого таким образом капитализма шло до коллективизации и продолжалось после, различаясь лишь формой: «На наш взгляд, — пишут авторы, — капитализация в колхозно-

И. А. Кузнецов  
Приключения  
государственного  
капитализма  
в сельском  
хозяйстве СССР



совхозной системе продолжалась в виде развития так называемых основных фондов, основных средств производства. Экономическая сущность капитала при этом не изменилась. Это по-прежнему был овеществленный труд, возвращенный в производство» (с. 39). Примечательна глубина аргументации: «на наш взгляд...». Думается, любой теоретически подкованный марксист назвал бы такое теоретизирование крайней вульгаризацией. Не принадлежа к сторонникам упомянутого учения, продолжу анализ категориального аппарата Безнина и Димони.

Если в советском сельском хозяйстве был капитал, то должен был быть и банковский и финансовый капитал. В самом деле, авторы находят сведения о кредитовании колхозов государством. При Сталине это было относительно редким явлением, но с середины 1950-х годов его масштабы непрерывно растут, пока не превращаются в основную форму финансирования. Это трактуется не иначе как «проникновение финансового капитала в сельское хозяйство».

Временами авторы оговариваются, что вещь становится капиталом не сама по себе, а лишь при включении в товарно-денежные отношения. Так, в одном месте прямо упоминается: «Товарно-денежная форма экономических отношений, которая делает капитал таковым...» (с. 25). В другом находим такое рассуждение: «Расширение использования овеществленного труда (капитала) в сельскохозяйственном производстве предполагает в той или иной форме товаризацию средств производства, рабочей силы, продукта труда» (с. 116). Но разве советская экономика была рыночной? Не отвечая на этот вопрос прямо, авторы широко оперируют понятием «товарность» применительно к сельскохозяйственной продукции. При этом товарностью они называют процент отчуждения продукции от валового объема независимо от формы такого отчуждения, включая и принудительное изъятие, и различные виды налогов и повинностей. Следовательно, для превращения продукта в товар рынок не нужен?

Кажется, стирание различий между понятиями «налог» и «товар» — еще одна теоретическая новация наших авторов. Она особенно заметно проявляется в главе «Смена форм эксплуатации», которая начинается буквально с жонглирования терминами: «1. Механизмы *эксплуатации* крупных хозяйственных укладов. Механизмы *отчуждения основного продукта* труда сельхозпроизводителя в советское время неоднократно менялись. *Изъятия* у колхозов осуществлялись в натуральной и денежной формах. К натуральной форме *ренты* относились обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС, к денежной — сельхозналог. Размеры *отчислений* регулировались государством и уставом сельхозартели. В колхозном производстве имела место разноканальность *изъятия* продукта. Динамика становления и развития этих каналов, их угасания и отмирания характеризует специфичность *эксплуатации* капитализированного

уклада. Выделяются четыре этапа эволюции *системы эксплуатации*: ее становление (1933–1940 гг.); существование развитой повинностной системы *изъятия* аграрного продукта (1940-е — начало 1950-х гг.); угасание основных элементов повинностной системы (1953–1958 гг.); становление и развитие с 1958 г. соответствующего в основном капитализированной государственной системе закупочного механизма *мобилизации аграрного продукта*» (с. 127). Механизмы эксплуатации называются механизмами отчуждения продукта, они же называются механизмами или каналами его изъятия, или отчисления, или мобилизации, или просто рентой. По-видимому, все эти понятия для авторов служат синонимами. Причем отчуждение продукта в любой форме понимается как его превращение в товар: «Система *отчуждения* сельхозпродукции колхозов, формировавшаяся в 1930-е гг., включала, кроме обязательных поставок сельхозпродукции государству, натуральную оплату работ МТС... Кроме того, в 1930–1950-е гг. *товарная продукция колхозов изымалась* через государственные закупки, децентрализованные заготовки. <...> Еще одним каналом *товаризации* продукции колхозов и колхозных дворов был колхозный рынок» (с. 129). Следовательно, товаром в данной концепции называется любой продукт, изъятый у хозяйства, в том числе принудительно. Это подтверждают и заголовки таблиц: «Каналы *товаризации* зерновых в колхозах (в % от всей *изъятной продукции*...)» (с. 131).

Таким образом, выстраивается ряд категорий, которые Безнин и Димони используют в речи как слова-синонимы: «эксплуатация» = «отчуждение продукта» = «мобилизация продукта» = «изъятие продукта» = «рента» = «товаризация».

Как известно, о терминах не спорят, а договариваются. Однако в каждой теории существует определенная система понятий и категорий, которая отражает логику данной теории. Претензии к концепции государственного капитализма Безнина и Димони возникают не потому, что она предлагает некую новую систему понятий или придает новые смыслы устоявшимся понятиям, а потому, что категориальный строй этой концепции имеет логические изъяны. Укажу два, которые кажутся основными.

Во-первых, редукция капитализма к капиталу или, наоборот, выведение категории «капитализм» из категории «капитал». При этом капитализм понимается нашими авторами в совершенно ортодоксальном марксистском духе — как определенный способ производства и эксплуатации труда, основанный на товарно-денежных отношениях, и соответствующий ему строй социальных отношений, основанный на расслоении общества на антагонистические классы буржуазии и пролетариата. Капитал же понимается как совокупность средств производства, за исключением труда и земли. Проблема в том, что ни наличие таковых средств производства, ни их абсолютный рост, ни рост их относительной доли в издержках производства не имеют логической связи с генезисом того со-

циально-экономического строя, который наши авторы называют капитализмом.

То, что наши авторы называют капитализацией, экономисты до-революционной школы называли капиталоинтенсификацией, а ученые советского времени — ростом капиталовооруженности труда (производства) или ростом капиталоемкости продукции. Однако никто не доказал (и не пытался), что эти процессы способны породить капитализм как общественную формацию.

Во-вторых, стирание смысловых границ между понятиями «изъятие продукции» и «товаризация» уничтожает общепринятое значение слова «товар» в смысле продукта, обращающегося на рынке, продукта, включенного в товарно-денежные отношения. Тем самым размывается и понятие рынка как сферы добровольного, эквивалентного обмена ценностями. Товарным продуктом в таком случае становится и то, что продано на рынке с прибылью, и дань, и государственный налог, и частные повинности рабов или феодально-зависимых людей, и то, что украдено. Между тем очевидно, что все это разнопорядковые явления и за ними стоят совершенно разные социальные отношения.

Любая теория в науке выполняет функцию объяснения. Поставим вопрос: что объясняет концепция государственного капитализма? Становится ли наше представление об изучаемом периоде и объекте — аграрном строе СССР 1930–1980-х годов — более полным и адекватным, если вместо термина «социализм» использовать термин «государственный капитализм», председателей колхозов назвать протобуржуазией, а принудительное изъятие продуктов переименовать в товаризацию и т. д.? Каким образом эта теория помогает нам лучше понять особенности социальных процессов 1990-х годов, кроме того что констатирует очевидный факт: элита колхозного строя имела стартовые преимущества в ходе приватизации?

В то же время в истории сельского хозяйства и крестьянства нашей страны можно поставить целый ряд важных проблем, которые не имеют решений с позиции, предложенной Безниным и Димони. В частности, в их парадигме нет вопроса о причинах специфики исторического пути России. Они мимоходом отмечают, что в XX веке «Россия пошла, как всегда, своим путем аграрной модернизации». Но почему этот путь был особым, если модернизация в форме капитализации, согласно нашим же авторам, была в принципе общим путем? «Как всегда» — не объяснение.

Механизация, интенсификация и рост капиталов сельского хозяйства составляли магистральный путь развития во всех странах мира в XX веке, но почему аграрное развитие нашей страны привело к колхозно-совхозному государственному капитализму, а в других странах — нет? Почему капитализация в одних странах порождала обычный, частнохозяйственный капитализм, а в других — государственный капитализм? Или, может быть, вовсе не капитализация их порождала? Может быть, государственный капита-

лизм стал таковым в силу особой роли государства или специфики государственного устройства России? Почему в таком случае именно капитализацию наши авторы рассматривают в качестве ключевого, системообразующего процесса? Не является ли более целесообразным подвергнуть анализу специфику государственности и говорить о государственном хозяйстве или государственной (огосударственной) экономике, выведя слово «капитализм», которое становится в таком ракурсе излишним, за скобки своего анализа?

Почему механизация, интенсификация и рост капиталов сельского хозяйства в одних странах мира привели к созданию эффективной модели АПК, тогда как в СССР и других странах, пытавшихся строить социализм, эти же процессы не дали такого эффекта, приведя лишь к росту затратности? Может быть, капитализация в условиях огосударственной, нерыночной экономики есть лишь банальный рост издержек производства, который не увязан с конечным результатом? И никакой капитализм здесь ни при чем?

Чтение современных работ отечественных историков марксистского направления оставляет, как правило, тягостное впечатление, и рецензируемая книга не исключение. Сетка понятий, выработанных К. Марксом для анализа экономики и общества Западной Европы середины XIX века, упрямо натягивается на реалии всех эпох и стран, рвется в клочья, спадает, но ее латают и наматывают снова и снова...

### **Adventures of state capitalism in the Soviet agriculture (about one historical theory)**

*Beznin M. A., Dimoni T. M.* Agrarian System of Russia in 1930–1980-ies. M.: LENAND, 2014. 608 p.

*Igor Kuznetsov*, PhD (History), Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571.  
E-mail: repytwd68@mail.ru.

## Складываются ли уклады на селе?

Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. — 264 с. ISBN 978-5-89665-289-2.

**А. А. Куракин**

*Александр Александрович Куракин*, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Лаборатории социально-экономических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-180-186

Книга известного новосибирского социолога и экономиста-аграрника О. П. Фадеевой — своего рода промежуточный итог ее многолетней исследовательской работы. В этом смысле содержание книги не должно быть откровением для российских коллег: значительная часть материалов ранее была уже опубликована<sup>1</sup>. Тем не менее книга выделяется из общего массива исследований сельской России двумя обстоятельствами.

Во-первых, книга Фадеевой имеет сильную теоретическую направленность, что в целом не характерно для современных российских аграрников (особенно социологов), работы которых нередко подчеркнута эмпиричны. «Сельские сообщества» также насыщены эмпирическим материалом: данными статистики и цитатами из интервью, собранных автором за годы полевых исследований в российском селе. Такая эмпиричность характерна практически для всех участников так называемых шанинских проектов начала и середины 1990-х годов, так что в этом плане автор соблюдает традиции этой школы (полагаю, что не сильно погрешу против истины, если так ее назову). Что отличает эту книгу от многих работ социологов-аграрников, так это подведение всех эмпирических фактов под общую теоретическую схему. Причем схему достаточно масштабную. Подобные схемы по своей природе уязвимы для критики, однако без такого рода исследований академическая жизнь скудеет и чахнет, а здесь даже критика авторской «гранд-теории» способна оживить дискуссии в среде аграрников.

Во-вторых, представленная теоретическая схема является це-

---

1. Фадеева О. П. (2007). Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социологические исследования. № 11; Калугина З. И., Фадеева О. П. (2009). Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

ликом авторской, а не заимствованной у западной, «натянутой» на российскую действительность (отметим, что само по себе это не является ни достоинством, ни недостатком — просто такое случается у нас не так уж часто).

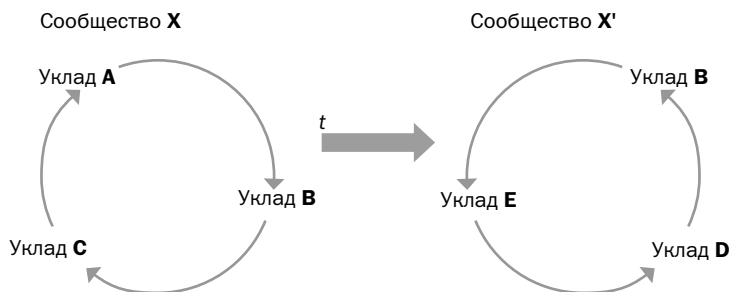
Между тем недостаток оригинального концептуального аппарата можно увидеть по тому, насколько популярными оказались концепции «моральной экономики» и «оружия слабых» Дж. Скотта<sup>2</sup>. Пожалуй, именно с помощью этих категорий теоретически осмысливалась и переосмысливалась российская деревня. Их до сих пор активно используют для изучения истории крестьянства и современного села<sup>3</sup>. Эти категории оказались «соломинками», за которые можно было ухватиться при попытках теоретизирования. Пожалуй, главным теоретическим достижением исследований сельской России является концепция симбиоза домашнего и коллективного хозяйств<sup>4</sup>. Фадеева же разработала оригинальный теоретический аппарат, причем неплохо работающий. В этом отношении она продолжает традиции новосибирской экономико-социологической школы Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной<sup>5</sup>.

Эмпирический материал книги собран во время целого ряда исследовательских проектов, начиная с «шанинского» 1991–1995 годов и заканчивая проектом 2014 года. Однако мы уделим внимание другому. На наш взгляд, книга интересна прежде всего своей концептуальной направленностью, поэтому сосредоточим свое внимание на центральном понятии «хозяйственный уклад» и рассмотрим, как автор применяет его на практике.

Итак, общий замысел состоял в том, чтобы осмыслить тот мозаичный эмпирический материал, который автор собирала многие годы. Теоретической рамкой, скрепляющей эту эмпирическую мозаику, стала концепция хозяйственных укладов. В предисловии Фадеева пишет об этом следующим образом: «Попытки построить

2. *Scott J. C.* (1976). *The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press; *Scott J. C.* (1985). *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.
3. *Бабашкин В. В.* (2011). Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки*. Вып. 6; *Виноградский В. Г.* (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ; *Крестьянские жизненные практики*. Россия, 1991–2012. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2013.
4. *Никулин А. М.* (2002). Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России*. М.: МВШСЭН, РОССПЭН.
5. *Бессонова О. Э.* (2006). *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*. М.: РОССПЭН; *Кирдина С. Г.* (2001). *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: ИЭИОПП СО РАН.

**Рисунок. Общая схема соотношения укладов и локальных сообществ во времени**



некий концептуальный каркас, позволяющий идентифицировать и систематизировать происходящее в постсоветском селе, привели автора к идее представить наблюдаемые изменения как историю развития и угасания разных хозяйственных укладов, взаимодействующих между собой в рамках локальных сельских сообществ» (с. 3–4). На рисунке эта позиция представлена схематически.

Таким образом, универсальные по своей сути уклады локализируются в пространствах сельских сообществ, образуя специфическую (а возможно, и уникальную) конфигурацию в рамках конкретного сельского сообщества. Аналогично с помощью одних и тех же красок можно нарисовать совершенно разные картины. Ситуация осложняется тем, что состав и взаимоотношения между хозяйственными укладами в рамках локального сообщества могут претерпеть значительные изменения, примером чего и является постсоветская деревня.

Общий замысел разворачивается в четырех главах. Первая глава — теоретическая, в которой автор формулирует свой «укладный» подход. Вторая посвящена аграрной политике и ее влиянию на характер сельской многоукладности. В третьей главе описываются особенности хозяйственных укладов современной сельской России. По нашему мнению, именно в ней осуществляется замысел автора органично соединить теорию и эмпирику через «плотное описание» особенностей хозяйственных укладов. Четвертая глава дает представление об устойчивом развитии многоукладных сельских сообществ.

Остановимся несколько подробнее на авторской концепции многоукладного российского села, представленной в первой и третьей главах книги. Прежде всего автор рассматривает традицию использования понятия «уклад» в экономической и социологической литературе. Здесь возникают естественные проблемы, поскольку термин — изобретение российское, так и не получившее солидного теоретического обоснования. Его до сих пор часто используют

Формы хозяйствования	Доминирующие цели хозяйствования	
	Субстантивные	Инструментальные
Корпоративные	Корпоративно-патерналистский уклад	Корпоративно-предпринимательский уклад
Индивидуально-семейные	Семейно-потребительский уклад	Семейно (индивидуально)-предпринимательский уклад

А. А. Куракин  
Складываются ли  
уклады на селе?

как метафору, нежели как строгое академическое понятие. Схожие по духу подходы можно найти и в зарубежной литературе, однако там каждый автор предлагает свою уникальную концепцию с собственной терминологией. Возможно поэтому Фадеева, не найдя того, на что можно было бы целиком и полностью опереться, вынуждена была создавать собственные теоретические построения. Все же наиболее полезными для автора (хотя она об этом и не пишет открыто) оказались работы К. Поланьи и А. В. Чаянова<sup>6</sup>, что вполне в духе шанинской исследовательской школы. У Поланьи Фадеева заимствует разграничение субстантивных и инструментальных целей хозяйствования (и шире — формального и содержательного подходов к изучению хозяйства), а у Чаянова — понимание особой природы семейного хозяйства с точки зрения целей и хозяйственных расчетов, а также народнохозяйственных категорий.

Итоговое определение уклада, приводимое автором, можно с уверенностью отнести к институциональной традиции: «Под сельским хозяйственным укладом нами понимаются правила и нормы хозяйствования, конституирующие экономическое поведение различных акторов в соответствии с их доминирующими целями, спецификацией прав собственности на средства производства, используемой производственно-технологической моделью, системой трудовых отношений, способами взаимодействия с субъектами других укладов и сельских сообществ» (с. 25).

Далее следует кульминационный момент всей книги — описание отличительных черт выделенных укладов. Эту классификацию автор представила в таблице (с. 27).

Однако, на наш взгляд, именно в соотношении общего определения укладов и их классификации кроется основной теоретиче-

6. Поланьи К. (2004). Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН; Чаянов А. В. (1989). К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика.



ский недостаток данной работы. Во-первых, если понятия уклада и многоукладности претендуют на то, чтобы стать чем-то большим, чем просто метафорой, они должны быть способны породить специфическую классификацию. Во-вторых, используя институциональное определение (автор открыто называет уклады институтами мезоуровня), Фадеева приводит скорее структурную классификацию. Действительно, если уклады — это «правила и нормы хозяйствования», то и классификация должна быть основана этих правилах и нормах. На деле же классификация осуществляется на уровне субъектов (предприятия или домохозяйства) и их хозяйственной мотивации (максимизация прибыли, патернализм, потребление).

Видимо не случайно автор вдогонку приводит и второе определение укладов на основе хозяйственных практик: «Уточняя институциональное определение укладов, приведенное выше, определим сельские хозяйственные уклады как устойчивые совокупности хозяйственных практик, которые определяются доминирующими целями (субстантивного или формального характера) и организационными формами (корпоративными или семейно-индивидуальными) экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов (труд, земля, капитал) и сложившимися формами взаимодействия с сельскими сообществами» (с. 34).

Несмотря на указанные недостатки, подход автора обладает неоспоримыми достоинствами. Во-первых, приведенная классификация укладов является результатом эмпирического конструирования, а не абстрактного теоретизирования. В то же время она задает концептуальную рамку для эмпирического материала. Во-вторых, классификация действительно схватывает содержательно разные способы организации жизни на селе в нашей огромной стране. Это становится ясно после прочтения третьей главы, в которой Фадеева насыщает свою классификацию жизненной фактурой, собранной в ходе полевых экспедиций. Видимо, без такого «плотного описания» классификация сама по себе не столь убедительна, так что работа над теоретическими моделями и формулировками еще далека от своего завершения. В-третьих, предложенный в книге многоукладный подход позволяет сделать обобщающие утверждения и, более того, рекомендации для государственной политики. И автор их предлагает.

1. В каждом локальном сельском сообществе есть один доминирующий уклад и ряд дополняющих его укладов.
2. Доминирующий уклад — корпоративный, дополняющие его уклады — семейные.
3. Корпоративно-патерналистский уклад уступает место корпоративно-предпринимательскому укладу (либо напрямую, либо через внешних инвесторов, либо через усиление семейно-предпринимательского уклада).

4. Многоукладность локального сельского сообщества — залог его устойчивости. Моноукладность — угроза для его существования.
5. Государственная политика должна быть направлена на поддержание многоукладности, даже если какой-либо уклад представляется наиболее перспективным в краткосрочном периоде. Такая политика поможет избежать ловушек «государственного взора»<sup>7</sup>.

Помимо хозяйственных укладов вторым сюжетом книги является аграрная политика государства. По мнению автора, именно государство было главным субъектом, действия которого определили, сформировали современное многоукладное российское село. Запустив радикальные преобразования, а затем и вовсе самоустранившись от регулирования социально-экономических процессов на селе, государство явилось одной из причин тяжелейшего кризиса сельской России, поставив последнюю на грань выживания. Немедленно сельские сообщества активировали процессы самоорганизации, позволившие им выживать в экстремальных условиях. Однако с течением времени государство стало возвращаться в село, переводя систему из режима выживания в режим развития.

Переходу от выживания к развитию, вынесенному в заголовок всей книги, посвящена вторая глава. Автор начинает ее с цифр, прослеживая состояние нашего сельского хозяйства по десятку параметров с начала реформ по 2013 год (понятно, что последние события, связанные с санкциями, ценами на нефть и продовольственным эмбарго, в книге не описаны). В итоге Фадеева делает вывод, что «спонтанно сложившаяся комбинация коллективного (корпоративно-предпринимательского), семейно-предпринимательского и семейно-потребительского укладов удержала российское сельское хозяйство от окончательного развала в эпоху скоропалительных реформ 1990-х годов, дала возможность выжить сельскому населению, а к середине 2000-х годов обеспечила условия для начала нового этапа в развитии аграрного сектора» (с. 72). Иными словами, многоукладный характер российского села обеспечил его устойчивость, но главным драйвером развития явилась все-таки государственная политика (по крайней мере так воспринимается текст).

При этом автор вовсе не призывает к восстановлению сельского хозяйства советского типа. Фадеева вообще избегает рассуждений о том, сколько должно быть государства в хозяйстве (разве что политика самоустранения государства из хозяйственной жизни явно не импонирует автору), а концентрируется на анализе качествен-

7. Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.

ных характеристик взаимоотношений государства и хозяйства<sup>8</sup>. В этом ключе автор рассматривает эпопею с формированием рынка земли<sup>9</sup>, нацпроект «Развитие АПК», ряд других госпрограмм развития села и последствия вступления России в ВТО. Политику государства, начиная с нацпроекта 2006 года, Фадеева характеризует как «новую аграрную политику» (точнее, лишь как ее контуры) и как пример «точечной модернизации».

Последняя глава посвящена вопросам устойчивого развития сельских сообществ и раскрывает тезис автора о том, что сохранение многоукладности — залог такого развития. Сосуществующие уклады поддерживают друг друга и компенсируют недостатки каждого. Однако это в идеале. В реальности уклады могут жестко конкурировать друг с другом вплоть до войны на уничтожение. На формирование устойчивой многоукладной структуры влияют два фактора: процессы самоорганизации сельских сообществ и государственная политика. По мнению автора, задача государства состоит в том, чтобы создать условия для мирного и взаимовыгодного сосуществования различных укладов, учитывая локальную специфику процессов самоорганизации. В качестве успешных примеров применения такого подхода автор приводит опыт реализации ряда программ сельского развития в Новосибирской и Белгородской областях<sup>10</sup>.

### **Are social and economic structures developing in the village?**

*Fadeeva O. P. Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development / Ed. by Z. I. Kalugina. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2015. 264 p.*

*Alexander Kurakin, Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Senior Researcher at the Laboratory for Studies in Economic Sociology Higher School of Economics. 20, Myasnitckaya Str., Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: chto-delat@yandex.ru.*

- 
8. См. об этом: *Блок Ф.* (2004). Роли государства в хозяйстве // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН.
  9. *Фадеева О. П.* (2009). Земельный вопрос на селе: наступит ли «момент истины»? // Экономическая социология. Т. 10, № 5.
  10. *Фадеева О. П.* (2012). Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области) // Регион: экономика и социология. Т. 76. № 4.

## **Третий международный коллоквиум «Глобальная аграрная политика, контроль за изменением климата, социальная справедливость: взаимосвязи и вызовы»**

**А. М. Никулин**

*Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.*

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-187-190

В Международном институте социальных исследований в Гааге (Нидерланды) 4–5 февраля 2016 года состоялся третий международный коллоквиум «Глобальная аграрная политика, контроль за изменением климата, социальная справедливость: взаимосвязи и вызовы». Как и на предыдущих двух коллоквиумах в Йельском университете (США) и Институте социальных исследований в Гааге, это мероприятие собрало несколько сот ученых-аграриев и социальных активистов, занимающихся проблемами экономики, социологии, экологии и культуры в сельских регионах земного шара. Диалог между академическими исследователями и представителями практических социальных действий, способствующий формированию междисциплинарного аграрного знания, направленного на поиски путей устойчивого развития сельских регионов, оказался чрезвычайно продуктивным.

Конечно, такой большой представительный форум нуждался в четкой и эффективной программе выступлений, обсуждений и дискуссий. И сразу отметим, что организаторы симпозиума из ИСИ во главе с профессором Дж. Боррасом справились с этой задачей. Пять пленарных заседаний коллоквиума, посвященных глобальной аграрной политике, изменениям климата, международным аграрно-торговым союзам, сравнению аграрного развития стран БРИКС и вопросам социальной справедливости в сельских регионах, перемежались 21 панельным заседанием, конкретизированными стратегические вопросы панельных выступлений.

Невозможно охарактеризовать, хотя бы кратко, почти 200 больших и малых выступлений участников коллоквиума, поэтому ограничимся лишь наиболее актуальными и интересными для российских аграрников темами.

На коллоквиуме было уделено большое внимание обсуждению классического вопроса аграрной политэкономии и социологии

о противоречиях так называемого крупного и мелкого аграрного производства. Надо признать, что большинство участников выступили в поддержку мелких, то есть крестьянских и фермерских, хозяйств в их противостоянии экспансии международных аграрных корпораций, опирающихся на всю мощь современного финансового капитала и аграрную политику большинства современных государств.

Это противостояние конкретизировалось в обсуждении вопросов аккумуляции земли и контроля над ней со стороны крупнейших инвесторов, представляющих собой, например, целые государства, такие как Китай, некоторые арабские и европейские страны, а также США, или крупнейшие частные корпорации, имеющие штаб-квартиры в этих странах или в офшорных зонах. Критики перераспределения земельных ресурсов от местных сельских общин и крестьянско-фермерских хозяйств в пользу транснациональных корпораций и иностранных государств называют такого рода земельную аккумуляцию «ленд-граббингом» (от слова «земельное ограбление»). Эта тенденция выражается в увеличении глобальных спекулятивных сделок с землей и разрушении традиционного сельского образа жизни во многих регионах земного шара.

Особое внимание было уделено защите окружающей среды, земельных, лесных и водных ресурсов. Например, на коллоквиуме ставился вопрос не только о «ленд-граббинге», но и об «океан-граббинге» (океаническом ограблении), заключающемся как в загрязнении вод Мирового океана, так и в истощении его биоресурсов в результате экологических морских катастроф и браконьерского истребления флоры и фауны.

В этой связи особый интерес вызывали доклады и выступления, посвященные экологически чистому земледелию и энергосберегающим технологиям. В них часто поднимались вопросы взаимодействия новейших научных отраслей биоэкономики и традиционных практик крестьянского опыта.

На коллоквиуме была представлена специальная панель, посвященная перспективам развития аграрных экономик стран БРИКС как своеобразных локомотивов аграрного роста различных регионов земного шара. Выступавшим на этой панели было непросто найти прямые параллели между аграрными экономиками Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки — слишком различны их природа, политика, агрикультура. Тем не менее бразильский социолог С. Шнайдер увидел много общего в противоречивом дуализме крупного и мелкого аграрного производства, а также увеличивающейся социально-экономической дифференциации в социальных и политических структурах этих стран. На коллоквиуме были также представлены и конкретные доклады о конкуренции, например Бразилии и Китая, за внешние рынки аграрного влияния или о стратегиях китайских фермеров в российских аграрных регионах.

Результаты работы коллоквиума найдут свое отражение не только в многочисленных публикациях ведущих международных аграрных изданий, но главное — в расширении и углублении международной кооперации фундаментального аграрного знания и практических социальных действий, направленных на развитие устойчивого земледелия и жизни сельских сообществ земного шара.

**Third International Colloquium “Global governance/politics, climate justice & agrarian/social justice: linkages and challenges”**

*Alexander Nikulin*, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571.  
E-mail: [harmina@yandex.ru](mailto:harmina@yandex.ru).

*А. М. Никулин*  
Третий  
международный  
коллоквиум  
«Глобальная аграрная политика, контроль за изменением климата, социальная справедливость: взаимосвязи и вызовы»

## **Крестьяноведение**

**2016. Том 1. № 1**

Учредитель: Российская академия народного  
хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003  
Редакция журнала «Крестьяноведение»  
<http://peasantstudies.ru>  
E-mail: [harmina@yandex.ru](mailto:harmina@yandex.ru)

Подписано в печать 10.10.2016. Формат 70×100/16  
Усл. печ. л. 15,4. Заказ № 898  
Тираж 300 экз.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС  
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82  
Коммерческий центр  
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02  
[delo@ranepa.ru](mailto:delo@ranepa.ru)  
[www.ranepa.ru](http://www.ranepa.ru)



**РАНХиГС**  
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА  
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ  
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



| Издательский дом ДЕЛО |